

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ПО ИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОСВОЕНИЮ СИБИРИ
В XX – НАЧАЛЕ XXI вв.**

Сборник научных трудов

Вып. 1

НОВОСИБИРСК
Сибирское научное издательство
2009

ББК 63.3(2) 64-2
Д39

Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI вв. Сборник научных трудов. Вып. 1. Новосибирск: Сибирское научное издательство. 2009. 266 с.

ISBN 978-5-91124-034-9

В сборнике исследуются слабо изученные проблемы деятельности государственных организаций по формированию и закреплению населения в районах нового промышленного освоения Сибири в XX – начале XXI вв. Главный акцент сделан на изучении социально-экономических и демографических изменений, происходивших под влиянием индустриализации и урбанизации в регионе в процессе перехода от традиционно-аграрного общества к индустриально-урбанистическому.

Сборник адресован специалистам, учащимся и всем интересующимся историей Сибири.

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории СО РАН

Р е ц е н з е н т ы
д-р истор. наук *И.М.Савицкий*, д-р истор. наук *А.А. Николаев*,
д-р филос. наук *Ю.В. Попков*

Редакционная коллегия
канд. истор. наук *А.И. Тимошенко (отв. редактор)*,
д-р истор. наук *С.С. Букин*,
канд. истор. наук *А.А. Долголюк*,
д-р истор. наук *В.И. Исаев*

Сборник подготовлен при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-00508а «Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового индустриального освоения Сибири в XX – начале XXI вв.».

Издание осуществлено в рамках интеграционного проекта СО РАН № 8 «Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе в XX столетии»

Без объявления

ISBN 978-5-91124-034-9

© Коллектив авторов, 2009
© Институт истории СО РАН, 2009

Предисловие

Изучение государственной политики и практики, направленных на формирование и закрепление населения Сибири в условиях активного индустриального освоения региона в XX – начале XXI вв., со всем основанием может быть отнесено к ряду актуальных проблем отечественной истории. Российское государство традиционно играло определяющую роль в социально-экономической и политической жизни страны, подготавливало и проводило все коренные реформы и преобразования в обществе. Особенно ярко данные обстоятельства проявились в XX в., когда в процессе модернизационных изменений значительно активизировалось развитие производительных сил страны, усилились миграции людей в связи с продвижением в новые районы с целью их обживания и освоения. Это непосредственно относилось к Сибирскому региону. Здесь с начала XX столетия произошел значительный рост населения. В процессе индустриализации и урбанизации осваивались и обживались малонаселенные территории, в том числе и в суровых в природно-климатическом отношении районах, отдаленных от экономических и социокультурных центров.

Сибирский регион в российской истории всегда занимал особое место, как постоянно осваиваемая территория. Ещё до начала XX столетия в государственной политике проблемы заселения и хозяйственного освоения районов России восточнее Урала рассматривались с большим вниманием. Особенно это происходило в трудные в экономическом и политическом отношении периоды государственного развития. Вначале проблемы продвижения социально-экономической жизни страны в сторону восточных районов изучались в основном с точки зрения крестьянского переселения и развития сельскохозяйственного производства, затем стали возникать и иные идеи. Этому способствовало строительство Транссибирской магистрали. С развитием транспортных коммуникаций и политических устремлений российского правительства на восток постепенно сформировалась государственная система поддержки и организации пере-

селений в восточные районы с целью их хозяйственного освоения и формирования здесь военно-стратегического потенциала государства.

Переселенческая политика царского правительства в конце XIX – начале XX вв. преследовала сразу несколько важных целей: расширяла общий государственный земельный фонд и способствовала более масштабному, чем ранее, заселению и хозяйственному освоению новых земель Азиатской России. Последнее усиливало экономическую мощь всего российского государства, укрепляло его геополитическое и стратегическое положение на востоке страны, преследовало цели закрепления за Россией дальневосточных окраин, куда в большом количестве шло самодеятельное переселение китайских, корейских, японских граждан. Аграрная политика и переселение в Сибирь и на Дальний Восток в этот период как бы слились в единое целое и дали важнейший исторический результат – освоение и заселение ранее малолюдных окраин государства, что вызвало крупные изменения в развитии здесь производительных сил, росте населения и активизации его хозяйственной деятельности.

Сдвиг в сторону восточных районов, определившийся концептуально в политике российского государства с конца XIX в., стал важнейшим направлением стратегии социально-экономического развития страны на весь XX век вне зависимости от смены систем её политического и государственного устройства. Преимуществом являлась определенной исторической закономерностью и одновременно экономической необходимостью. Особенности геополитического устройства России определили большую значимость Сибири для развития и процветания страны. Особенно она возросла в XX в., когда сила и мощь отдельных государств в мире стали оцениваться по наличию природных ресурсов и возможностей их освоения.

Конкретные проекты индустриального развития Сибири заинтересовали государственные организации в годы Первой мировой войны, которая потребовала увеличения объемов производства промышленной продукции, использования все больших сырьевых и прочих материальных ресурсов в условиях резко сократившихся возможностей внешнеэкономических связей. Создание индустриальных предприятий на востоке России, в том числе Сибири, приобрело особый интерес. Сибирский регион в государственной стратегии в этот период рассматривался как реальная база для развертывания в крупных масштабах угледобывающей и металлургической отраслей,

составлявших основу военной промышленности. Разрабатывались планы создания целых комплексов военно-промышленных производств. Наиболее подготовленным к индустриальному строительству считался кузнецкий район, в котором ещё до войны усилием частного капитала предпринимались попытки начать формирование крупного угольно-металлургического центра. Государственное управление в годы войны поддерживало эту идею и готово было оказывать всяческое содействие её реализации.

Советское правительство уже в начале 1920-х гг. проявило большой интерес к данным индустриальным проектам, которые были включены в первые советские перспективные планы социально-экономического развития Сибири. Советская власть унаследовала от прежнего политического режима не только научно-технические и экономические разработки, но и специалистов и их идеи хозяйственного развития различных районов Сибири.

Учитывая обширность сибирской территории и ограниченность возможностей государства в экономической политике, был принят на вооружение, прозвучавший ещё в дореволюционные годы, принцип «очагового» развития экономики Сибири, который предусматривал реализацию одного хозяйственного проекта в определенном районе. Например, разработку угольных и рудных месторождений в Кузбассе или строительство гидроэлектростанций и энергопотребляющих производств в едином комплексе.

Вторая важная идея, унаследованная в советских планах, была связана с необходимостью активного транспортного, особенно железнодорожного строительства в регионе, которое само по себе уже играло пионерную освоительскую роль на новых территориях. Третья идея заключалась в государственной организации миграций населения в Сибирь, в разработке специфической для региона демографической политики. В целом, советские государственные организации в своих хозяйственных и социальных программах стремились рационально использовать опыт, накопленный предшественниками.

Вместе с тем, преемственность идей сопровождалась иными способами и методами их реализации. Советское правительство отказалось от привлечения в Сибирь иностранных инвестиций, выбрало автаркический способ управления экономическим развитием, что привело в конечном итоге к известному перенапряжению сил при реализации государственных социально-экономических программ, а

также к появлению специфических форм и методов руководства экономикой.

Эффект в хозяйственной деятельности в советский период обеспечивался главным образом централизованной системой государственного администрирования и политического нажима в условиях директивного планирования и жесткого государственного управления. Исторический опыт показал, что мобилизационные методы, несмотря на значительную критику в их адрес, могут эффективно работать в чрезвычайных обстоятельствах. Именно с их помощью были заложены индустриальные основы советской экономики, подтвердившей свою мощь и состоятельность в годы Великой Отечественной войны. В послевоенный период мобилизационные методы также долгое время продолжали успешно работать. Затем потребовались пересмотр и серьёзная коррекция политического курса. Однако, на практике данные процессы происходили достаточно противоречиво и не всегда приводили к желаемым результатам, что отражалось на социально-экономическом развитии страны и конкретных регионов. В целом советская государственная политика сохранила преемственность по отношению к Сибири как важному ресурсному региону страны.

Централизованная организация государственного управления в советский период в условиях национализированной экономики и всеобщего планирования стала ещё более четко выраженной. В советской общественной системе осуществлялось откровенное и прямое воздействие государственных организаций на трудовые коллективы предприятий и организаций. В министерствах и ведомствах разрабатывались производственные планы, в которых решение социальных проблем рассматривалось как один из факторов развития производства. Государство осуществляло прямое управление производством всех товаров и услуг. Государственные организации – Госплан, Госнаб, отраслевые министерства и ведомства учитывали и распределяли всевозможные ресурсы общества, в том числе и трудовые. Эта идеология напрямую определяла решение социальных проблем в СССР, качество жизни граждан.

Советская система государственной власти, построенная по принципу централизации, позволяла достаточно эффективно выполнять социальную распределительную функцию – выравнивать условия жизни населения вне зависимости от экономического потенциала

территорий его проживания. Социально-экономическое управление в стране осуществлялось через административную вертикаль: органы государственной власти – министерства – ведомства – предприятия. В общем государственном управлении первой ступенью являлись партийные органы, второй – советские. Советское правительство, унаследовав основные принципы российского централизованного государственного управления, модифицировало их и приспособило к изменившимся экономическим и политическим условиям. В то же время появилось и нечто своё специфическое: советские выборные органы, системы подчинения и лидерства, приоритеты вождей и т.д. Это всё вместе взятое позволило сформировать более сильное вертикальное управление страной, чем горизонтальное.

Советское правительство унаследовало и основные геополитические принципы. Приоритетными оставались военно-стратегические цели и укрепление внешних границ с соседними государствами. Под влиянием внешнеполитических обстоятельств: постоянных международных разногласий, конфликтов, повышение обороноспособности СССР стало главным стратегическим направлением в государственной политике, которое успешнее реализовывалось в условиях сильной централизованной власти.

Хозяйственное освоение Сибири вошло в советские политические и идеологические доктрины как важная составляющая. За счет Сибири государственному управлению СССР удавалось решать как внутренние проблемы страны, так и внешние. Неуклонный рост экономического потенциала сибирского региона в XX столетии позволял преодолевать в стране топливно-энергетические и сырьевые проблемы, укреплять обороноспособность, развивать новые отрасли хозяйства, заселять ранее необжитые территории и создавать там современные формы жизни населения.

В целом, в советский период в обживании и хозяйственном освоении районов России восточнее Урала получены значительные результаты. Только за 1939–1989 гг. население Сибири и Дальнего Востока увеличилось более чем в два раза – с 15,6 до 32,1 млн. чел. Почти в 5 раз выросло число городских жителей. В совершенно необжитых и неосвоенных хозяйственной деятельностью человека районах построены новые современные города. В конце 1980-х гг. процент горожан в регионе составлял более 70, что было выше средних общероссийских показателей. Сибирь обеспечивала в стране

практически весь прирост в добыче нефти и газа, угля, производила значительную долю продукции черной и цветной металлургии, химии и нефтехимии, глубокой переработки древесины.

Изучение проблем формирования и развития государственной политики по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI вв. имеет важное теоретическое и практическое значение, так как в настоящее время регион составляет территорию более половины Российской Федерации и от его успешного социально-экономического развития во многом зависят современность и перспективы Российского государства.

Отдельные аспекты темы формирования и закрепления населения в Сибири в той или иной степени получили освещение в многотомных трудах по истории Сибири и рабочего класса, книгах о проблемах индустриализации и промышленного освоения региона. Имеются крупные публикации по социальным аспектам экономического развития, решению вопросов обеспечения индустриальных строек и предприятий трудовыми ресурсами. Возрастающая роль Сибири в социально-экономическом развитии страны в течение всего XX столетия определяла устойчивый интерес обществоведов к проблемам региона.

Процессы формирования и закрепления населения в районах нового индустриального освоения и роль государственной политики в этом направлении в той или иной степени отражались в трудах многих отечественных историков и экономистов. Одним из первых их начал изучать академик В.В. Алексеев (Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. I. 1885–1950. Новосибирск, 1973; Ч. II. 1951–1970. Новосибирск, 1976). В двухтомном труде, посвященном электрификации Сибири, ещё в 1970-е гг., в условиях идеологических и политических запретов, он проанализировал социальные изменения, происходившие под влиянием масштабного индустриального строительства. В последствие под его руководством во многих районах нового промышленного освоения Сибири были проведены историко-социологические обследования, результатом которых явился целый блок исторических работ: сборников научных статей и монографий, посвященных самым различным аспектам формирования и закрепления населения в районах индустриальных новостроек, а также вопросам, связанным со стабилизацией там производственных коллективов. (См: Индустриаль-

ное развитие Сибири (1946-1960 гг.). Новосибирск, 1982; Социальные аспекты индустриального развития Сибири. Новосибирск, 1983; Социально-экономическое развитие советской Сибири: исторический опыт и современность. Новосибирск, 1984; Трудовые коллективы Сибири: проблемы формирования и развития. Новосибирск, 1985; Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987; Индустриальное освоение Сибири. Опыт послевоенных пятилеток. 1946–1960 гг. Новосибирск, 1989 и др.).

В советское время многие аспекты изучения населения были закрытыми. Сведения о социально-экономическом развитии районов нового промышленного освоения, часто имевшие отношение к военно-оборонному производству, выдавались для ограниченного использования через так называемые первые отделы. Поэтому исследователи не могли их открыто публиковать, что, безусловно, тормозило научно-историческое изучение районов нового промышленного освоения Сибири. Большинство работ историков посвящено партийному руководству индустриальным строительством. В монографиях А.Н. Зыкова, В.И. Лукьяненко, А.Е. Погребенко, Н.С. Шилова, З.И. Рабецкой и др. на основе значительного массива фактического материала, разрешенного к публикации, освещались социальные проблемы индустриальных строек, главным образом демонстрирующие трудовой энтузиазм, положительное воздействие научно-технического прогресса, увеличение количества передовиков производства. Изменения в численности и составе кадров и населения исследовались довольно ограниченно.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. опубликованы исторические работы, связанные с изучением социальных последствий индустриального освоения Сибири. Среди них крупные монографии В.В. Алексеева, М.М. Ефимкина, И.И. Комогорцева, Г.М. Макиевского, А.С. Московского, И.М. Савицкого, в которых проблемы формирования индустриальных кадров рассматривались в качестве основных.

Большой интерес представляют работы, посвященные истории разработки и реализации крупнейших народнохозяйственных программ в Сибири. Публикации А.А. Долголюка, Л.И. Муравьевой, Г.А. Цыкунова, П.П. Ступина и др. обобщают опыт решения Ангаро-Енисейской программы; книги Г.П. Власова – программы БАМ. О формировании Западно-сибирского нефтегазового комплекса писали Н.М. Пашков, В.П. Карпов, Н.Ю. Гаврилова, Н.В. Куксанова,

Е.В. Логунов и др. Данные работы ценны тем, что они значительное место уделяли изучению социальных проблем, в том числе формированию и закреплению кадров и населения в районах нового промышленного освоения Сибири, внесли вклад не только с точки зрения приращения исторического знания в этом направлении, но и в разработку проблем методологии и историографии интересующей нас темы.

Вопросы социальной государственной политики оставались слабоизученными, не получили полного освещения как в отечественной, так и зарубежной литературе. Между тем, интерес к этим сложным и многофакторным явлениям велик. Многие зарубежные обществоведы в условиях недостаточности эмпирической базы данных по России, стремились к изучению их и не всегда успешно. В книге американских сибиреведов Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди – сотрудников Института Брукинга в Вашингтоне «Сибирское бремя. Прочеты советского планирования и будущее России» (М., 2007, пер. с англ.) российский опыт освоения и обживания Сибири в XX столетии оценен как негативный, вообще движение россиян на восток признано крайне нерациональным как в экономическом смысле, так и социальном. По мнению авторов, особенно много ошибок совершило Советское правительство, осуществляя в широких масштабах индустриализацию в регионе, строительство городов по всей его территории, в том числе и в самых северных холодных районах, где производство и обеспечение жизни населения обходится гораздо дороже, чем в южных и западных. И теперь затраты тяжелым бременем ложатся на все общество, что совершенно неприемлемо в современных условиях при переходе к рыночной экономике. Чтобы исправить данную ситуацию, прежний опыт рекомендуется забыть как ошибочный, сибирякам по возможности покинуть свои северные холодные города, а индустриальное производство, разработку полезных ископаемых значительно сократить как нерентабельное и затратное занятие. В общем, прошлое воспринимать как кошмарный сон, навеянный Госпланом и прочими государственными организациями и учреждениями, которые вырабатывали такую «неправильную» стратегию освоения Сибири.

На наш взгляд, нельзя согласиться с подобными выводами и советами. Освоение Сибири, достижения в её индустриализации и урбанизации в XX столетии имели огромное социально-экономическое

и геополитическое значение. Поэтому объективное изучение всех процессов с этим связанных представляется чрезвычайно актуальным. К тому же современное состояние исследования этой важной и многоаспектной темы свидетельствует, что она нуждается в более глубоком и всестороннем ретроспективном рассмотрении.

Историкам необходимо изучить, как и в каких пропорциях происходили процессы формирования и закрепления населения в условиях активного индустриального строительства в Сибири, какие использовались методы и формы, какова была их социальная оправданность. Задача исследования, на наш взгляд, должна состоять в изучении и анализе самых различных направлений государственной политики и практики освоения и обживания сибирского региона, как поэтапного её развития, так и конкретного содержания и состава мероприятий, проводимых в каждый определенный исторический период. Важно также изучение роли объективных и субъективных факторов, оказавших наибольшее положительное и отрицательное влияние на процессы заселения и обживания Сибирского региона, повышение его значимости в общероссийском и мировом развитии.

Одной из важных научных задач представляется изучение эволюции государственной политики в связи с изменениями как внутренних, так и внешних мировых условий и взаимоотношений между странами. Поэтому важно анализировать политику государства в регионе, изменение роли государственных организаций в планировании и управлении процессами заселения и хозяйственного освоения Сибири в различные исторические периоды в контексте общегосударственного развития. В тоже время требуется отметить и региональную специфику.

Таким образом, современное состояние исследования предложенной к изучению темы свидетельствует, что она нуждается в глубоком ретроспективном рассмотрении. Это необходимо для пополнения научного знания, а также представляет интерес и для практики социального управления индустриальным освоением новых районов Сибири.

В предлагаемом вниманию читателей сборнике предпринята попытка решения сложных и актуальных исследовательских задач, связанных с изучением факторов и закономерностей формирования и адаптации населения Сибири в условиях активного индустриального развития. Сибирский регион в XX столетии представлен как

индустриально осваиваемая территория, на которой поэтапно с запада на восток происходило транспортное и промышленное строительство, освоение природных ресурсов и уникальных месторождений полезных ископаемых, возведение крупнейших в мире энергетических объектов и соответственно рождение новых населенных пунктов, в которых формировался урбанистический образ жизни населения.

С привлечением новых источников в сборнике анализируются особенности формирования населения в годы первых пятилеток, когда основные индустриальные новостройки разворачивались на юге Западной Сибири, преимущественно в Кузбассе, где происходил значительный рост городских жителей и создание новых индустриальных поселений городского типа. На данные процессы наложили противоречивый отпечаток годы Великой Отечественной войны. С одной стороны, в регионе по-прежнему происходил рост городского населения, а с другой – в условиях военного времени оно испытывало огромные жизненные трудности, преодоление которых было одной из задач государственной политики в тыловых районах страны. В целом в 1930–1940-е гг. советское правительство недостаточно внимания уделяло решению социальных проблем. В государственной экономической и политической стратегии прочное место занимали вопросы производства. Производственное развитие находилось на первом месте в государственной политике и потребляло основной объем материальных, финансовых и прочих ресурсов общества.

Реальные положительные изменения в решении социальных проблем стали происходить во второй половине XX в., когда советское государство стало уделять улучшению жизни населения больше внимания. В этот период возрос интерес к районам нового промышленного освоения, особенно находящимся на севере и богатым разнообразными природными ресурсами. Постепенно в государственной политике и практике обозначилось направление, связанное с ускоренным их развитием и созданием здесь высокоэффективных в экономическом отношении территориально-производственных комплексов, которые в процессе своего формирования становились мощными факторами регионального развития.

Авторами сборника отмечено, что в 1950–1980-х гг. в государственной политике по индустриальному освоению Сибири проявились

новые тенденции по сравнению с предыдущим периодом. В ней сформировалось особое направление, связанное с решением социальных проблем в районах нового промышленного освоения. Оно обозначалось в главных стратегических документах государства. Вопросы жизнедеятельности человека в Сибири и состояния окружающей среды стали рассматриваться в качестве самостоятельных целей региональной политики. Другое дело, как намеченные государственные задачи реализовывались на практике. В сборнике говорится о том, что в планах на XII и последующие пятилетки были намечены масштабные мероприятия по социально-экономическому развитию сибирского региона. Однако история дала мало шансов для их осуществления. Реформы на рубеже XX–XXI вв. оказали противоречивое воздействие не только на условия жизни в Сибири, но и на самих людей, которые и в настоящее время проходят сложный период адаптации к рыночным преобразованиям. Многие болезненно воспринимают то обстоятельство, что государственные организации ослабили своё патерналистское воздействие на их жизнь и теперь они сами должны заботиться о своем настоящем и будущем, в том числе и в районах нового промышленного освоения.

А.И. Тимошенко

Советская государственная политика в районах нового промышленного освоения Сибири: стратегия и практика *

Восточные регионы России от Урала до Тихого океана в советской государственной политике изначально рассматривались как один огромный регион, который необходимо было промышленно осваивать. Впервые эта проблема очень остро встала в марте 1918 г. после заключения Брестского мира с Германией, согласно которого Россия теряла наиболее развитые в промышленном отношении территории Запада страны и южной части Украины. Советское правительство в этот период обратило своё внимание на развитие Урала и Сибири, которые в перспективе могли значительно увеличить промышленный потенциал государства.

В апреле 1918 г. ВСНХ объявил конкурс на разработку проекта создания единой хозяйственной организации, деятельность которой охватывала бы горно-металлургическую промышленность Урала и Кузнецкий каменноугольный бассейн. Задание включало непосредственно сам технический проект, схему транспортных коммуникаций и общую финансовую смету. За лучший результат была назначена премия в 100 тыс. руб. Урало-Кузнецкая проблема широко обсуждалась на Первом Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, проходившем 25 мая – 4 июня 1918 г. В резолюции съезда говорилось, что в результате Брестского мира и временной потери индустрии на юге «неизбежно перемещение главных центров нашей промышленности в районы добывания угля и руды – на Урал и в Сибирь – и усиленное развитие производительных сил в этих областях»¹.

Были предприняты и конкретные действия. В апреле 1918 г. в Кузбасс с мандатом от Совета Народных Комиссаров в специальном вагоне, который мог продвигаться по железной дороге беспрепятственно как военно-оперативный, была отправлена большая группа геологов и геодезистов, которые на месте должны были изучить

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-00508а

возможности строительства коксового производства и металлургического завода. Однако развернуть им работу не удалось. Когда специалисты прибыли к месту назначения, в Сибири была уже другая власть. Гражданская война отодвинула события до декабря 1919 г., но теперь с возвращением в лоно государственного управления южной российской металлургии вопрос о разработке Урало-Кузнецкой проблемы так остро уже не стоял. Урал и Сибирь стали в большей степени рассматриваться как поставщики сырьевых и продовольственных ресурсов.

В январе 1920 г. в Сибирь прибыла правительственная делегация под руководством уполномоченного Совета Труда и Оборона В.М. Свердлова с предписанием Ленина организовать доставку в центральные районы России угля и продовольствия. Кузбасс, как и другие сибирские районы, представлял интерес только с этой точки зрения. Постройка металлургического завода отодвинулась на второй план.

В первое десятилетие XX в. освоение новых земель в Азиатской части России имело главным образом земледельческий характер. Проекты промышленного развития стали рассматриваться с началом Первой мировой войны и в последующее время. Ими всерьез заинтересовалось советское правительство в связи с разработкой плана ГОЭЛРО. В дальнейшем идеи индустриализации стали иметь ключевое значение в определении стратегических основ социально-экономической политики советского правительства по отношению к Сибири и всей азиатской части страны вплоть до конца XX столетия.

В советский период, начиная с 1920-х гг., главные государственные и управленческие решения в стране стали приниматься высшими партийными органами, которые сосредоточили в своих руках всю полноту власти. Отныне в резолюциях партийных съездов, пленумов и конференций содержались все основные направления государственной политики не только в области политического развития СССР, но и социально-экономического. Партийное руководство фактически стало стержнем советского государственного управления, хотя юридически это положение было признано только в 1977 г. в Конституции СССР, в которой было записано, что руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической

системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза ².

Из первых мероприятий советской власти, сыгравших значительную перспективную роль в промышленном освоении Сибири и других восточных районов страны, можно назвать подготовку и проведение экономического районирования, которое в условиях централизованного управления национализированной экономикой, предполагалось, составит в будущем основу и территориально-административного деления.

Это мнение было зафиксировано в постановлении Совета Народных Комиссаров (СНК) в феврале 1921 г. о создании Государственной плановой комиссии (Госплана) СССР, а проведение экономического районирования было вменено в его основную управленческую обязанность. В 1921–1922 гг. при ВЦИК СССР работала особая административная комиссия под председательством М.И. Калинина, которая должна была рассматривать все вопросы территориального устройства страны в новых экономических условиях.

Государственные решения о необходимости нового районирования страны имели главную цель упорядочить политическое и экономическое управление ее регионами. Секцию районирования в Госплане возглавлял профессор И.Г. Александров, один из ведущих разработчиков плана ГОЭЛРО. Он предложил в основу экономического, а затем и административно-территориального деления страны положить не только количественный состав населения, как было в дореволюционной России, но и потенциальные возможности развития производительных сил, главным образом энергетических ресурсов той или иной территории. Он писал, что в основе административно-территориального деления социалистической страны должны находиться «однородные по энергетическо-производственному признаку территориальные хозяйственные комплексы. Эта организационная форма дает возможность в условиях национализированной промышленности, транспорта и природных богатств создать систему невиданного и невозможного в буржуазном мире разделения труда на основе народного хозяйства» ³.

В связи с этой точкой зрения работу по районированию предполагалось вести в двух направлениях: Госплан определяет примерную схему производственно-энергетических комплексов без обозначения пока четких границ, а местные советские органы осуществляют

«низовое районирование» – создание «мощной низовой советской ячейки – волости, близкой к населению и полностью обслуживающей все его гражданские потребности, являясь одновременно проводником политических идей советской власти и производственной культуры». Новая «волость» мыслилась базовым территориальным подразделением с самостоятельным бюджетом и административно-хозяйственным управлением, подчиненным вышестоящей территориальной организации. Для каждого таким образом выделенного района намечалось составить перспективные хозяйственные планы, которые в сумме составят хозяйственный план страны. Так создавалась идейно-теоретическая основа централизованно-планового управления экономикой, а впоследствии и всей общественной жизнью СССР.

Для подготовки районирования сибирской территории было создано особое Сибирское бюро, которое с помощью плановых и других управленческих сибирских организаций проводило подготовку как теоретико-организационных основ экономического районирования Сибири, так и его непосредственного проведения на местах. Реформа районирования разрабатывалась в течение нескольких лет. Она так и не осуществилась в той степени, в которой намечали ее первые проекты Госплана, но в целом данное управленческое решение оказало существенное влияние на дальнейшее освоение новых земель в Азиатской части России.

В Сибири для проведения районирования изучались экономические потенциалы практически всех районов, насколько позволяли материально-финансовые и научно-технические возможности. В октябре 1922 г. на III сессии ВЦИК XI созыва была представлена схема перспективного развития производительных сил Сибири, разработанная в Сиббюро Госплана. В постановлении по докладу председателя секции районирования И.Г. Александрова на сибирской территории обозначалось пять экономических областей, граничащих на востоке с Дальневосточной республикой: Западно-Сибирская с центром в Омске, Кузнецко-Алтайская (г. Томск), Енисейская (г. Красноярск), Ленско-Ангарская (г. Иркутск) и Якутская (г. Якутск), для которых с учетом специализации каждой в зависимости от природных и исторически сложившихся хозяйственных возможностей намечались оригинальные модели социально-экономического развития на ближайшее пятнадцатилетие. Специалистами Госплана счи-

талось, что этого срока будет вполне достаточно, чтобы вывести сибирскую экономику на мировой уровень, а сибирякам дать возможность приобщиться к достижениям мировой цивилизации. Намечались следующие этапы достижения этих целей: в 1921–1925 гг. – упорядочение и организация сибирского хозяйства без особых капитальных затрат; в 1926–1930 гг. – реконструкция и техническое перевооружение предприятий; в 1931–1935 гг. – полное развертывание хозяйства, под которым понималось развитие в основном индустриальных производств.

В процессе подготовки реформы районирования была произведена своеобразная оценка социально-экономического потенциала Сибири, рассмотрены возможности развития ее производительных сил, намечены планы не только освоения природных богатств, но и долгосрочного обживания практически всех районов, включая и северные малозаселенные. Собранные сведения затем активно использовались в подготовке пятилетних и перспективных планов, рассчитанных на несколько пятилеток. В рамках намеченной стратегии принимались уже конкретные решения, согласно которым происходило строительство крупнейших в мире индустриальных предприятий и комплексов производств, ставших визитной карточкой социально-экономического развития Сибири, да и всей Азиатской части России в XX столетии.

Одним из важнейших решений такого рода было Постановление ЦК ВКП(б) «О работе Уралмета» 15 мая 1930 г., определившем государственный статус так называемой Урало-Кузнецкой проблемы, которая рассматривалась и всесторонне изучалась уже несколько десятилетий. Несмотря на существование целого ряда проектов развития угольной и металлургической промышленности в восточных районах страны, на Урале и в Сибири, реальных действий по их претворению в жизнь не предпринималось до конца 1920-х гг. Названное постановление ускорило создание в стране второй после Донбасса угольно-металлургической базы промышленности и в целом экономики СССР.

В постановлении твердо и бескомпромиссно заявлялось, что «индустриализация страны не может опираться в дальнейшем только на одну южную угольно-металлургическую базу. Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического

центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири»⁴. Поэтому намечались масштабные мероприятия по форсированию строительства новых заводов, транспортных коммуникаций, энергетических объектов, которые в короткие сроки должны были составить крупнейший индустриальный комплекс производств. Планировалось и соответствующее временное социальное обеспечение нового строительства.

Таким образом, партийное решение определяло ускоренные темпы не только промышленного, но и в целом социально-экономического развития значительной территории азиатской части страны на базе индустриализации. Оно затем конкретизировалось в заданиях первых пятилетних планов, директивах XVII съезда ВКП(б), реализация которых в 1930-е гг. приобрела значимость законов, подлежащих неукоснительному выполнению. В результате в восточных районах страны в исторически короткие сроки была создана крупнейшая база промышленности, ставшая основой для дальнейшего индустриального развития Урала, Казахстана, Сибири и Дальнего Востока, впоследствии сыгравшая решающую роль в обеспечении победы СССР во Второй мировой войне.

В освоении северных арктических территорий Сибири большую роль сыграло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 июля 1934 г. «О мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства», которое намечало к реализации обширную программу хозяйственного и социального развития северных районов. Данная программа содержала не только комплекс мер по обеспечению Севера транспортными коммуникациями, самыми современными средствами связи, но и была нацелена на всемерное его экономическое освоение, улучшение жизнеобеспечения коренных северян и работающих на Севере в рамках претворения в жизнь планов социалистического строительства.

Главное управление Северного морского пути (Главсевморпуть), учрежденное 17 декабря 1932 г. при правительстве СССР, наделялось широкими полномочиями для решения хозяйственных, транспортных и научных задач по развитию Северного морского пути и значительной территории Сибири севернее 62-й параллели (параллель Якутска), на которой в его ведение поступали все хозяйственные предприятия и организации союзного значения. В задачу Главсевморпути также входили обязанности проведения геолого-поиско-

вых и прочих изыскательских работ «по изучению и эксплуатации естественных производительных сил в советской Арктике», решение социальных вопросов, обеспечение кадрами и т. п.⁵

Реализация данного решения, подкрепленная на высшем государственном уровне административно-командным нажимом, дала в короткие сроки значительные результаты. В годы Великой Отечественной войны начал свою работу Норильский никелевый комбинат мирового значения. По Северному морскому пути осуществлялась эвакуация на восток промышленных предприятий из европейской части СССР, поставка вооружения и других грузов для фронта, проводка военных кораблей с востока на запад. Объемы перевозки грузов по Северному морскому пути возросли в четыре раза, а в Якутию в 10 раз⁶.

В 1930-е гг. индустриальное развитие Азиатской части СССР приобрело ярко выраженную военно-оборонную направленность. В решениях XVII съезда ВКП(б) в 1934 г. отмечалось большое значение развития на Урале и в Сибири базовых отраслей индустрии: угольной, металлургической, тяжелого машиностроения. Планировалось, что только Урало-Кузнецкий комбинат к 1937 г. должен дать 1/3 продукции черной металлургии в стране, более 1/4 угледобычи, 1/6 производства электроэнергии и 10 % продукции машиностроения⁷.

31 января 1938 г. при Комитете Оборона СССР была создана военно-промышленная комиссия, в задачу которой входила мобилизация не только военной, но и всей промышленности для производства самых новейших средств вооружения и обеспечения армии. Одним из направлений работы нового государственного учреждения стала организация предприятий – дублеров европейской промышленности в восточных районах страны. Данные намерения развивали идеи создания на востоке тыловых укрепрайонов с мощными комплексами военно-оборонных производств, которые вынашивались еще в начале XX столетия царским правительством. Однако реализовать их в тот период не удалось. Теперь решение Урало-Кузнецкой проблемы, создавшее базовые отрасли для многих военных производств, позволяло планировать и строить предприятия оборонной промышленности.

В годы третьей пятилетки с началом Второй мировой войны форсированное строительство авиационных и танковых заводов, предприятий по производству боеприпасов, артиллерийского оборудования развернулось на Урале и в Западной Сибири. Отдельные

предприятия создавались в Красноярске, Иркутске, Хабаровске, Владивостоке. Последующие события показали, что решение о создании мощной оборонной промышленности в Азиатской части страны было стратегически верным и своевременным, хотя, по мнению многих современных историков и политиков, несколько запоздалым. Не все имеющиеся проекты удалось реализовать к началу Великой Отечественной войны, но военно-оборонный потенциал СССР значительно вырос. За 1939–1941 гг. расходы на оборону в государственном бюджете увеличились с 18,6 % до 32,6⁸.

Особый интерес в стратегических наметках советского правительства в предвоенные годы вызывала Западная Сибирь, которая к концу 1930-х гг. имела уже развитую транспортную и промышленную инфраструктуру, необходимые природные, социальные и экономические ресурсы для создания здесь военно-оборонных производств. Великая Отечественная война оказалась мощнейшим фактором реализации намеченных планов. С первых же дней ее в июне – июле 1941 г. началась мобилизация и перестройка всех сибирских предприятий на выпуск военной продукции. Одной из главных задач Государственного Комитета Обороны (ГКО) стала организация крепкого организованного тыла в восточных районах страны. Тыловыми районами были обозначены Поволжье, Казахстан, Средняя Азия, Урал, Западная Сибирь и Красноярский край. Здесь уже в августе 1941 г. был разработан подробный военный народно-хозяйственный план, в котором определялись основные направления перестройки и развития экономики. В условиях временной потери западных районов, где находились многие жизненно важные экономические центры, ГКО наметил курс на превращение восточных районов страны в основную военно-экономическую базу. Сюда эвакуировались крупнейшие оборонные заводы, предусматривались неотложные меры по развитию отраслей тяжелой и оборонной промышленности.

Для усиления пропускной способности железных дорог планировались расширение ряда узлов и станций, реконструкция существующих и прокладка вторых путей на направлении Киров–Пермь–Свердловск–Тюмень–Омск. В важнейшие экономические районы Сибири были направлены уполномоченные ГКО и Госплана СССР. Так, уполномоченным ГКО по центральной промышленной области Сибири – Новосибирской, включавшей в годы войны современные тер-

ритории Кемеровской, Новосибирской и Томской областей, был утвержден первый секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагин⁹.

В пользу военной промышленности перераспределялись все финансовые, трудовые и прочие материальные ресурсы. Военное производство также находило и морально-политическую поддержку как у властей, так и в обществе. Предприятия, производящие военную продукцию, в первую очередь получали все необходимое, быстро наращивали объемы производства, добиваясь высоких результатов.

Годы Великой Отечественной войны наложили особый отпечаток на процессы индустриализации восточных районов страны. К осени 1942 г. на Урал прибыло 830 предприятий, в Сибирь – более 400. С одной стороны, они увеличили промышленный потенциал региона, а с другой, превратили его в кузницу оружия, что затормозило решение многих социальных проблем. Промышленные предприятия были вынуждены работать в условиях сокращения капиталовложений, материально-технических ресурсов, численности рабочих и служащих. Вместе с тем неуклонно рос выпуск военной продукции. В структуре промышленного производства приоритетные позиции заняли отрасли, обеспечивавшие потребности фронта. В 1942 г. Сибирь давала около 1/3 общесоюзного производства чугуна, свыше 1/4 стали и проката, почти 1/2 кокса и 1/3 марганца. За счет Урало-Кузнецкого комбината СССР к 1943 г. превзошел Германию по производству качественного металла, что послужило залогом победы в войне. Сибирь в большом количестве поставляла не только черные, но и цветные металлы, особенно после пуска Норильского промышленного комплекса, Новокузнецкого алюминиевого и ферросплавного заводов.

В период Великой Отечественной войны восточные районы страны превратились в крупнейший арсенал, который получил свое дальнейшее развитие и в послевоенные годы. В условиях «холодной войны» руководство СССР приняло ряд решений о необходимости создания на востоке страны новых отраслей военно-оборонной промышленности: атомной, ракетно-космической, электронной, производящих новейшие виды вооружения, в т. ч. реактивную и ракетную технику. Это направление государственной политики долгие годы было приоритетным и получало соответственно первоочередную финансовую и прочую поддержку. В значительной степени военно-

оборонные предприятия или их производственная и сырьевая база находились в районах нового промышленного освоения.

В послевоенные годы в индустриальном развитии Сибири наибольший акцент был сделан на развитие электроэнергетики как гидравлической, так и тепловой, на базе которой планировалось формирование целых комплексов энергоемких производств. Главные государственные организационные решения в этом направлении, приведшие к значительным результатам, приняты в 1950-е гг. Сибирская тема звучала на всех послевоенных партийных съездах и прочих государственных и научно-практических форумах. Наиболее концентрированно она представлена в решениях XX съезда КПСС., которые обозначили главные задачи в ближайшем времени развернуть строительство крупнейших теплоэлектростанций и ГЭС в Сибири, «вести в действие на Ангаре Иркутскую ГЭС мощностью 660 тыс. кВт, первую очередь Братской ГЭС, полная мощность которой составит 3 млн. 200 тыс. кВт, Новосибирскую ГЭС на Оби мощностью 400 тыс. кВт. Приступить к строительству Красноярской ГЭС на Енисее мощностью 3 млн. 200 тыс. кВт и Каменской ГЭС на Оби мощностью 500 тыс. кВт»¹⁰.

Практически все вышеназванные решения XX съезда КПСС были претворены в жизнь. Активное энергетическое строительство в Сибири сопровождалось созданием новых энергоемких производств и целых территориально-производственных комплексов и объединений, что отражалось в реализации последующих государственных программ экономического развития, которые дополнялись и видоизменялись в соответствии с вызовами времени, модернизировались в связи с новыми знаниями и обстоятельствами.

Послевоенные годы в формировании советской государственной политики по отношению к районам нового промышленного освоения Сибири явились качественно новым этапом развития. В регионе реализовывались масштабные программы национального значения, возводились крупнейшие в мире предприятия, строились новые города. Реализация Ангаро-Енисейского проекта в Восточной Сибири привела к образованию сразу нескольких крупных территориально-производственных комплексов (ТПК), в том числе в районах слабо вовлеченных в хозяйственную деятельность.

Пионерным районом промышленного освоения стал север Западной Сибири, где в 1950–1960-е гг. были открыты крупнейшие неф-

тегазовые месторождения. Формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) явилось главным событием, наиболее существенно за всю историю XX столетия изменившим значимость региона как в хозяйственном комплексе страны, так и в мировой экономике. В середине 1980-х гг. на долю ЗСНГК приходилось примерно 70 % всеоюзной добычи нефти и газа. Центр добычи нефти сосредоточился на территории Среднего Приобья, а газовые месторождения, расположенные севернее на Ямале, стали разрабатываться несколько позже.

В 1970–1980-е гг. мощный импульс в развитии получили восточные и северо-восточные районы Сибири в связи с разворачиванием строительства Байкало-Амурской магистрали и реализацией планов хозяйственного освоения прилегающей зоны, которая в силу своих суровых природных и климатических условий к концу XX в. имела ещё участки, не только не охваченные промышленным развитием, но и даже как следует не обжитые. Все эти изменения определяли пристальное государственное внимание к районам нового промышленного и транспортного строительства.

В экономико-географической литературе появилось понятие «района нового промышленного освоения» (РНПО), которое стало активно использоваться и в государственном планировании и директивной документации. В 1960–1970-е гг. в государственном управлении СССР всё более высокую оценку стало получать научное обоснование стратегии экономического развития, которая основывалась на включении в народнохозяйственный оборот всё новых территорий и природных ресурсов страны. Под понятием «района нового хозяйственного или промышленного (в данном случае это являлось синонимами) освоения» стали подразумеваться слабообжитые и малоразвитые в промышленном и транспортном отношении территории, удаленные от экономических и культурных центров страны, но располагающие высокоценными природными ресурсами.

Под определение «района нового промышленного освоения» попадала обширная зона СССР, в состав которой входили районы Европейского и Азиатского Севера, Средней Азии и Казахстана. Большая часть их находилась в Сибири и на Дальнем Востоке. Эти регионы во второй половине XX столетия имели самые высокие темпы социально-экономического развития не только в стране, но и в мире. Находясь в природно-климатических условиях не всегда

благоприятных для жизни людей, они имели исключительную важность и ценность для государственного развития, так как оказывали огромное влияние на развитие всего народнохозяйственного комплекса, на приращение экономического потенциала СССР и сохранения государством статуса великой державы.

Границы РНПО были несколько условны, так как они не относились к четко обозначенным административно-территориальным образованиям. РНПО в основном находились в северных районах или приравненных к ним. Экономическая география СССР к северным районам в Азиатской части страны относила Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, северные районы Томской области, северную часть Красноярского края, северные районы Иркутской, Читинской, Амурской, Сахалинской областей, Бурятской республики и Хабаровского края, целиком Магаданскую и Камчатскую области, Якутскую автономную республику. Реализация крупных социально-экономических программ национального значения во второй половине XX столетия, в основном разворачивалась именно на этих территориях.

Масштабное индустриальное строительство в Ангаро-Енисейском регионе, формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК), транспортное и промышленное строительство в зоне БАМ было связано с освоением северных районов. Поэтому, когда мы говорим о РНПО, то часто речь идет о северных территориях страны или приравненных к ним. Кроме того, в Сибири в условиях её активного индустриального развития понятие «района нового промышленного освоения» связывалось и с южными территориями региона. Например, в 1970–1980-е гг. активное строительство разворачивалось на юге Красноярского края, где происходило формирование Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭКа), Саянского ТПК. На юге Западной Сибири на протяжении всего XX столетия шло поэтапное создание Кузнецкого территориально-производственного комплекса (Кузбасса), который и в начале XXI в. переживает новый этап своего развития.

В послевоенные годы всё более четко и настойчиво в государственной политике проявляются тенденции создания особой системы управления РНПО. Сама проблема их развития носила комплексный характер и требовала соответствующих решений. В то же время существующая организация народного хозяйства в рамках отдельных

отраслей и ведомств, сформировавшаяся ещё в 1930-е гг., находилась в противоречии с насущными требованиями социально-экономического развития. Поэтому делались попытки искать иные формы и методы управления. Для РНПО предлагалось создание различных межведомственных структур.

В советской практике уже был накоплен определенный опыт в этом направлении. В 1920–1930-е гг. для решения крупных народнохозяйственных проблем создавались территориально-промышленные и транспортно-промышленные комбинаты: «Комсеверопуть», «Главсевморпуть», «Воркутуголь» и др. Характерной чертой этих комбинатов было единство руководства всем хозяйственным и социальным комплексом на определенной территории, направленность целей для решения поставленных основных задач – получения для нужд страны определенной продукции или достижение определенного результата.

Не секрет, что эти управленческие организации имели ярко выраженный мобилизационный характер, широко использовали методы насилия и принуждения, которые в послевоенный период переставали работать. В государственной политике пытались найти новые формы. Особенно требовали безотлагательного решения вопросы управления крупными новостройками в отдаленных и малозаселенных районах северных районов Сибири.

В 1954 г. при Госплане СССР и Совете по изучению производительных сил была создана Межведомственная комиссия по проблемам Севера, которая должна была объединить исследования по разным отраслям знания, а также разработать методику предплановой и проектной подготовки северных районов к промышленному освоению. Комиссия работала под руководством д.э.н. С.Л. Славина, который участвовал в разработке северных проблем в 1930–1940-е гг. Целью нового научно-организационного образования было стремление определить и обосновать пути рационального освоения и хозяйственного использования природных ресурсов северных территорий. Комиссия должна была координировать работу различных ведомственных научных и исследовательских учреждений по проблемам Севера, способствовать проведению комплексных исследований по освоению природных ресурсов Севера, его заселению, повышению уровня жизни северян.

Роль комиссии значительно возросла в конце 1950-х – 1960-е гг., когда стало быстро увеличиваться количество научно-исследователь-

ских учреждений, занимающихся проблемами районов нового промышленного освоения Сибири. В 1957 г было организовано Сибирское отделение Академии наук, в регионе был образован целый ряд ведомственных учреждений: Институт мерзлотоведения и Институт физико-технических проблем в Якутске, Научно исследовательский институт сельского хозяйства Крайнего Севера в Норильске и др.

На отношение к социально-экономическому развитию РНПО не могли не влиять изменения, происходившие в государственном управлении СССР в целом. После XX съезда КПСС под девизом восстановления демократических (ленинских) принципов партийной жизни и хозяйственного руководства предпринимались попытки ослабления централизованного воздействия на региональное развитие в стране. На достижение этой цели была направлена реформа возрождения «совнархозовского» управления народным хозяйством. В 1957 г. в СССР было создано в рамках существующих административно-территориальных образований более 100 Советов народного хозяйства (СНХ)¹¹.

Однако «совнархозовская» реформа не принесла желаемых результатов. Она усилила влияние регионального управления на социально-экономическое развитие СССР, но вместе с тем не устранила существующие противоречия. Кроме того, возникли новые проблемы. Например, в процессе «совнархозовского» управления стало затруднено проведение в отраслях единой централизованной научно-технической политики. Базовые и вспомогательные предприятия, ранее при централизованном министерском управлении действовавшие в едином комплексе, оказались разобщенными. Введение совнархозов нарушило единое управление отраслями, уменьшило внимание государства к их развитию. Кардинально не решило возникших проблем создание госкомитетов по отраслям, которые фактически были призваны решать задачи министерств по внедрению достижений научно-технического прогресса на предприятиях.

Проблемы развития РНПО Сибири вообще не могли продуктивно решаться на региональном уровне. Финансовые и прочие материальные рычаги власти по-прежнему оставались в ведении центральных организаций государственного управления. Поэтому РНПО мало выиграли в процессе «совнархозовской» реформы. Масштабность и значимость поставленных здесь производственных задач

требовали более глобального подхода и рационального сочетания принципов общегосударственного и регионального управления.

Сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС восстановил централизм в планировании и управлении экономикой территорий, упразднив совнархозы, передав руководство отраслями промышленности снова в руки министерств и ведомств. Однако уже не было такого жесткого регламентирования. Период СНХ не прошел бесследно. Он укрепил в значительной степени региональные органы государственной власти, которые смогли почувствовать свою значимость на подведомственной территории и определенную независимость от центра. Они успели приобрести навыки самостоятельных решений и уверенности в своих действиях.

Кстати, на сентябрьском пленуме ЦК КПСС было отмечено, что упразднение СНХ и образование министерств не означает полного возврата к старому типу жестко централизованного (вертикального) отраслевого управления. В новых условиях необходимо рациональное сочетание общегосударственного и регионального принципов, необходимо больше внимания уделять комплексному развитию регионов, рациональному размещению производительных сил на основе территориального разделения труда внутри страны между отраслями и отдельными районами СССР.

В реальной практике государственного управления принципы централизма в планировании и материальном обеспечении развития народного хозяйства и региональные интересы сочетались с большим трудом. Центральные организации, обладающие большим административным ресурсом, подавляли региональные. Но тем не менее, начиная с 1960-х гг. и до конца советского периода управления страной, между отдельными ведомствами периодически предпринимались попытки определить сферы влияния на общее экономическое и социальное развитие территорий. С одной стороны, действовали местные органы власти, которые несли определенную ответственность за социально-экономическое развитие подведомственных территорий, а с другой, находились отраслевые министерства и ведомства, которые потребительски использовали всевозможные ресурсы, не неся никакой ответственности. Единственной целью их было выполнение производственных заданий.

Подавляющая часть решений, принимающихся для РНПО Сибири на уровне министерств, не согласовывалась с местными Совета-

ми, а иногда принималась и вопреки их мнению. Ситуация особенно обострялась в сфере создания социально-бытовой инфраструктуры регионов, использования трудовых ресурсов и природоохранной деятельности. В силу ведомственного управления региональным развитием необоснованно быстро росли крупные промышленные комплексы. Социальное развитие территорий хронически отставало от хозяйственного.

Значительно активизировал развитие РНПО Сибири переход в экономической политике СССР к принципам комплексного развития территорий. В начале 1960-х гг. в структуру Госплана СССР из Академии наук СССР был передан Совет по изучению производительных сил (СОПС), который, получив двойное подчинение, стал квалифицированно координировать научную и организационную деятельность вокруг РНПО. В регионы стали поступать научные аналитические разработки и указания для проведения прогнозных исследований. В результате в стране была создана система предпланового обоснования территориального развития, включавшая отраслевые и региональные схемы-прогнозы, которые корректировались и воплощались в Генеральных схемах развития и размещения производительных сил СССР¹².

В Сибири уже в 1960-е гг. по инициативе партийных и советских региональных органов активно стали разрабатываться перспективные программы комплексного экономического развития. Руководители сибирских обкомов и крайкомов КПСС ещё в период совнархозов начали эту деятельность, стремясь повысить статус своих регионов, обосновать необходимость их индустриального развития. Они всячески способствовали проведению различных научных изысканий, конференций по изучению производительных сил, а также старались добиться строительства на подведомственных территориях крупных промышленных предприятий союзного значения.

В последующих трансформациях власти региональные органы не потеряли своего влияния. Они по-прежнему продолжали оказывать воздействие на принятие государственных решений относительно своих территорий, многие из которых сами инициировали. Крайкомы и обкомы КПСС в сотрудничестве с научными и проектными учреждениями выступали за организацию мощных территориально-производственных комплексов, активно взаимодействовали с отраслевыми министерствами и ведомствами, Советом Министров

СССР, Госпланом и соответствующими отделами ЦК КПСС. Во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. от партийных и советских организаций практически всех регионов Сибири в Госплан СССР были направлены обстоятельные записки о развитии производительных сил на перспективу, о разработке генеральных схем развития народного хозяйства краев и областей¹³.

Наиболее активно региональные целевые комплексные программы разрабатывались Иркутским, Кемеровским областными комитетами КПСС, Красноярским крайкомом. Последний в этом направлении добился значительных результатов. В 1958–1965 гг. Красноярский Совет народного хозяйства в качестве главной задачи рассматривал проблему повышения эффективности управления региональным экономическим и социальным развитием на основе создания в крае научных и проектных организаций, которые бы специально занимались разработкой проблем региона и могли бы оперативно определять и доводить до реализации наиболее эффективные решения. Уже в 1958–1959 гг. в Красноярске был организован целый ряд институтов по проектированию промышленных предприятий, подготовке проектно-сметной документации для строительства с учетом не только общих народно-хозяйственных задач, но и регионального развития. К 1960 г. в Красноярском крае продуктивно работали филиалы известных и крупных Всесоюзных научно-проектных организаций: «Промстройпроекта», «Главстройпроекта» при Госстрое СССР, Государственного Союзного института по проектированию городов и рабочих поселков, Государственного проектного института по сооружению водопроводных и канализационных сетей, гидротехнических сооружений и др.¹⁴

В начале 1960-х гг. в Красноярском крае одновременно реализовывалось сразу несколько крупных индустриальных проектов всесоюзного значения. Строились Красноярская ГЭС, Красноярский алюминиевый завод в комплексе с Ачинским глиноземным комбинатом, обсуждалось создание крупного топливно-энергетического комплекса на базе использования богатейших запасов угля в Канско-Ачинском бассейне, продолжалось строительство и развитие Норильского промышленного узла. Красноярский край и Иркутская область, составляя в целом Ангаро-Енисейский регион, в этот период со всем основанием могли быть отнесены к районам нового промышленного освоения.

1 февраля 1971 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли специальное постановление «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971–1980 гг. производительных сил Красноярского края», в котором предусматривалось в ближайшее десятилетие осуществить комплекс мероприятий в целях рационального использования материальных и трудовых ресурсов края, наращивания темпов и масштабов его социально-экономического развития, в том числе и районов промышленных новостроек. В крае на базе использования богатейших энергетических, минерально-сырьевых и трудовых ресурсов планировалось форсированное создание территориально-производственных комплексов и крупных промышленных узлов: Центрально-Красноярского, Норильского, Канского, Ачинского, Назаровского, Минусинского, Енисейского, Абаканского и др. Реализация планов социально-экономического развития намечалась в основном в направлении производственного строительства и ввода в эксплуатацию новых крупных предприятий, а также реконструкции существующих на основе роста уровня механизации и автоматизации производственных процессов, интенсификации производительности труда.

К концу десятой пятилетки предусматривалось увеличение объема продукции промышленного производства в 2,7 раза, в том числе, продукции цветной металлургии в 3,2 – 3,5 раза, за счет расширения Норильского горно-металлургического комбината, ввода новых мощностей на Красноярском алюминиевом заводе, дальнейшего развития Ачинского глиноземного и Сорского молибденового комбинатов, строительства Северо-Енисейского золотодобывающего рудника, Туимского завода обработки цветных металлов и ряда других. Намечалось довести выработку электроэнергии до 73–76 млрд. кВтч и с этой целью осуществить строительство мощных электростанций, используя высокоэффективные гидроэнергетические ресурсы рек Енисея и Ангары, угли Канско-Ачинского бассейна. За счет увеличения мощностей действующих Назаровского и Ирша-Бородинского угледобывающих разрезов, строительства Изыхского и Березовского планировалось довести добычу угля до 47–50 млн. т. Предусматривалось строительство уникальных машиностроительных комплексов по производству машин и оборудования для районов Сибири и Дальнего Востока¹⁵.

Первая красноярская десятилетка (1971–1980 гг.) разрабатывалась как не имеющий аналогов экономический эксперимент в масштабах

страны по созданию крупных территориально-производственных комплексов и промышленных узлов. Решение социальных вопросов в большей степени нашло отражение в планах на следующее десятилетие (1981–1990 гг.). При подготовке особого постановления на этот счет региональные власти уделили социальным проблемам больше внимания, чем ранее. Особенно много говорилось о необходимости решения социальных вопросов в районах интенсивного промышленного строительства, где создание социальной сферы часто начиналось на пустом месте, с нуля, и поэтому требовало значительно больших средств и ресурсов, чем в уже обжитых местах. Тем более что в государственной политике этого периода социальным вопросам стало придаваться большое значение.

По воспоминаниям одного из красноярских партийных руководителей 1960–1980-х гг. Л.Г. Сизова уже в процессе реализации мероприятий первой красноярской десятилетки комплексного развития производительных сил края стало ясно, что существует значительный перекос в сторону производственного развития. Дальнейшее успешное развитие невозможно было без разработки специальных социальных программ. Об этом говорили многие партийные и советские руководители края, которые обращались с соответствующими предложениями и рекомендациями в центральные органы государственного управления¹⁶.

В результате удалось добиться увеличения доли социального строительства в капитальных вложениях в РНПО примерно до 30 %. После постановления о комплексном развитии производительных сил Красноярского края в 1981–1990 гг. социально-экономическое развитие региона в перспективных планах страны стало планироваться отдельной строкой как Москва или Ленинград. Региональными руководителями это было оценено как величайшее достижение, которое сулило в условиях централизованного управления и распределения ресурсов большие блага¹⁷.

Однако на практике объем выделяемых на непроизводственное строительство капитальных вложений в годы одиннадцатой пятилетки не превышал 19 %. Темпы строительства в целом в Красноярском крае стали снижаться по сравнению с предыдущим десятилетием. Заметное отставание наблюдалось при строительстве объектов социально-бытовой и культурной сферы. Планы по вводу в эксплуатацию жилья, школ, зданий для соцкультбыта не были выполнены.

Особенно тяжелое положение складывалось в районах интенсивного индустриального строительства: в населенных пунктах КАТЭКа, на строительстве Саянского алюминиевого завода и Богучанской ГЭС. Крайком КПСС считал, что государственная политика не обеспечивает запланированных объемов строительства в крае. Поэтому требуется пересмотр стратегических направлений развития базовых отраслей экономики: как сибирской, так и в масштабе всей страны. Например, сформировавшаяся материальная база стройиндустрии в регионе, считавшаяся в 1970-е гг. вполне достаточной, перестала удовлетворять потребности масштабного строительства. Не соответствовали намеченным планам и производство строительных материалов, мощности строительных организаций¹⁸.

Сложившаяся обстановка рассматривалась 26 марта 1985 г. на заседании коллегии Госплана СССР и затем на выездном совещании в августе 1986 г. в г. Красноярске. Здесь в крайкоме КПСС госплановские специалисты встретились не только с представителями партийного и советского руководства края, но и с директорами крупных предприятий и строек, плановыми работниками и учеными. Все, казалось бы, были заинтересованы в изменении ситуации в лучшую сторону.

В выступлениях первого заместителя Госплана СССР Л.А. Бибина говорилось о том, что органы центрального государственного управления беспокоит снижение темпов производственного развития в Красноярском крае, которые вместо увеличения неуклонно снижаются и в последний год стали даже ниже, чем в целом по стране. Откровенно заявлялось, что это недопустимо, так как ускорение развития экономики СССР в первую очередь связывается с развитием восточных районов¹⁹.

Аналитический доклад о развитии Красноярского края в 1971–1985 гг. сделал первый заместитель председателя крайисполкома Ю.А. Абакумов, который, сославшись на научные расчеты специалистов планового и экономического управления края, высказал точку зрения краевого руководства, что успешное производственное развитие в современных условиях в принципе невозможно без учета интересов людей, в нем участвующих. В районах нового индустриального строительства должна сложиться наконец-то практика опережающего строительства жилья и социально значимых объектов. Затраты на социальное развитие должны составлять не менее 1/3 всех капитальных затрат для того, чтобы обеспечить здесь населе-

нию более или менее сносное проживание и снизить очень затратный оборот кадров для предприятий и строек²⁰.

На совещании был принят целый ряд решений об интенсификации социально-экономического развития, о повышении в нем роли человеческого фактора. Конкретные программы разрабатывались позднее. Они в общих чертах были доложены генеральному секретарю ЦК КПСС Горбачеву М.С. осенью 1988 г. во время его поездки по Сибири, обсуждались в феврале 1989 г. на специальном совещании в крайкоме КПСС, посвященном перспективам социально-экономического развития Красноярского края на период до 2005 г., в работе которого приняли участие ответственные работники ЦК КПСС, Совета Министров СССР и РСФСР, госплановских структур, представители Академии наук, 15 министерств и ведомств, активно работающих в крае, краевые партийные, советские, комсомольские и профсоюзные работники.

На совещании рассматривались основные положения «Схемы размещения и развития производительных сил Красноярского края в 1990–2000 гг. и на период до 2005 г.», в которой значимое место было отведено решению социальных проблем. В частности, предусматривалось дальнейшее развитие строительной индустрии и промышленности строительных материалов, наращивание производства продовольствия и других товаров народного потребления, расширение услуг и бытового обслуживания населения, улучшение экологической обстановки в крае и т.п. Подчеркивалось, что всё это крайне важно для РНПО, где социальные проблемы недооцениваются и решаются во вторую очередь после производственных²¹.

Примерно такие же попытки улучшить ситуацию, разработать эффективные комплексные социально-экономические программы с усилением социальной составляющей предпринимались и для других регионов Сибири²². Однако, как известно, они остались только в бумажном варианте. Начавшиеся события: переход к рыночным отношениям, ликвидация государственного планового управления социально-экономическим развитием страны, сделали в принципе невозможной реализацию намеченных планов. В 1985–1991 гг. в период объявленной перестройки руководители СССР понимали, что в государственном управлении назрела необходимость широкомасштабных изменений, но не отважились их начать. В то же время административно-командная система уже стала давать сбои.

В этот период начался повсеместный отказ в стране от выполнения директив центральных государственных органов, от выполнения государственных планов, от сложившихся правил финансового и политического обеспечения регионального развития.

Данная ситуация очень сильно повлияла на развитие РНПО Сибири. Нестабильность производственных планов, финансирования резко снизили темпы производства и строительства, начался отток населения. Предприятия и стройки стали испытывать большой дефицит работников, причем в значительной степени квалифицированных, которые в первую очередь уезжали из регионов активного индустриального строительства.

В начале 1990-х гг. вообще изменилась вся система координат, в которых развивалась экономика регионов СССР. Прежнее государство перестало существовать. В Российской Федерации начался процесс разгосударствления собственности, появились её новые формы и не только национальные. В условиях гиперинфляции произошло катастрофическое падение производства, в том числе и в районах нового промышленного освоения. Регионы вынуждены были выживать самостоятельно.

В РНПО, богатых природными ресурсами, стабилизирующую роль сыграли экспортные операции, которые помогли выжить не только регионам, но и в целом стране. Большую роль в этот период играли региональные властные структуры, заинтересованные в сохранении экономического потенциала своих территорий. Местная управленческая и производственная элита предпринимала попытки установить контроль над предприятиями, выработать более или менее согласованную политику путем создания различных производственных объединений, холдингов и пр.

Постепенное возвращение государства к управлению экономикой регионов началось только в начале нового столетия. Это совпало с процессами укрепления вертикали государственной власти в Российской Федерации, с установлением законодательной базы взаимоотношений между центральными государственными организациями и региональными. Вместе с тем необходимо отметить, что РНПО Сибири, несмотря на трудности 1990-х гг., значительный спад производства и отток населения смогли сохранить высокие темпы работы своих основных отраслей, связанных с добычей и переработкой природных ресурсов. Так, в 1993 г. Сибирь обеспечивала

25 % первичного производства золота в стране, Республика Саха (Якутия) добывала до 90 % алмазов России, что составляло 11–13 % их мировой добычи. На Сибирь приходилось 99 % российского экспорта газа, 98 % – нефти, 85 % алюминия, 73 % – меди, 45 % – никеля, 34 % – древесины, 32 % – целлюлозы. Сибирский регион обеспечивал более 50 % валютной выручки в России²³.

Высокие темпы производства в добывающих и металлургических отраслях РНПО Сибири сохранялись практически весь период реформ. Но в то же время с распадом СССР, переходом России в рыночные экономические условия в значительной степени ослабло государственное влияние на социальное и хозяйственное развитие страны. Особенно остро его стало не хватать в управлении РНПО Сибири. Здесь исторически сложилась ситуация, когда активное государственное участие присутствовало практически во всех сферах общественной жизни, когда государство принимало все ключевые и «судьбоносные» управленческие решения. Данное обстоятельство подтверждается и мировым опытом освоения новых территорий. С участием государства обживание и освоение новых земель происходит более рационально и эффективно.

В последние годы предпринимаются попытки вернуть былое влияние государства, хотя и с коррекцией в связи с новыми условиями. Президентские и региональные администрации, Министерство экономического развития Российской Федерации с помощью ученых разрабатывают самые различные «Стратегии» социально-экономического развития Сибири; как применительно к отдельным районам ее составляющих, так и в рамках федеративных программ общенационального значения.

В государственной политике постоянно подчеркивается высокая значимость восточных районов, определяющая роль их природных ресурсов и экономико-географического положения для будущего развития России. Поэтому считается, что именно государству, как в лице его федеральных органов, так и региональных властей, должна принадлежать роль главного координатора интересов отдельных компаний и фирм для достижения общенациональных целей. В связи с этим, деятельность государственных организаций признается необычайно важной и необходимой в решении сложных проблем как современных, так и перспективных. Хочется надеяться, что исторический опыт в этом направлении будет в значительной степени востребован и учтен.

-
- ¹ **Труды** I Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. Стенографический отчет. М., 1918. С.251.
 - ² См: **Конституция** (Основной Закон) Союза Советских социалистических республик. М., 1978. С.7
 - ³ **Плановое** хозяйство.1925. №11. С.30.
 - ⁴ **Директивы КПСС** и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т.2. С.175
 - ⁵ **Решения партии** и правительства по хозяйственным вопросам.1917-1967. М., 1967. Т.2. С.483.
 - ⁶ **Проблемы** Северного морского пути. М., 2006. С.483.
 - ⁷ **КПСС** в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. 1985. Т.6. С.118.
 - ⁸ **Савицкий И.М.** Развитие оборонной промышленности в Сибири (1941-1960-е гг.) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С.103.
 - ⁹ **Рабочий класс** Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. С. 59.
 - ¹⁰ **XX съезд** Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1956. С.443.
 - ¹¹ **Савушкин Ю.Г.** Новое экономическое районирование. М., 1963. С.7-9.
 - ¹² **Комплексные** региональные исследования производительных сил СССР. Научно-исторический очерк. Ч.2. М., 1991. С.36.
 - ¹³ **Коновалов А.Б.** Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти. (1945-1991). Кемерово, 2006. С.393-408.
 - ¹⁴ **ГАКК.** Ф.П-26. Оп.31. Д.429. Л.111
 - ¹⁵ **Очерки истории** Красноярской краевой организации КПСС. 1895–1980. Красноярск, 1982. С.453-454.
 - ¹⁶ **Сизов Л.Г.** Всё остается людям. Т.II. Красноярск, 2000. С.229-231.
 - ¹⁷ Там же. С.231.
 - ¹⁸ **ГАКК.** Ф. П-26. Оп. 14. Д. 164. Л.48.
 - ¹⁹ **ГАКК.**Ф.П-26. Оп. 14. д. 163.л.215.
 - ²⁰ Там же. Л. 233-235
 - ²¹ **ГАКК.** Ф.П-26. Оп.16. Д.337. Л.1-9.
 - ²² См: **Комплексные** региональные исследования производительных сил СССР. Научно-исторический очерк Ч.1-2. М., 1991.
 - ²³ **Сибирь** в геополитическом пространстве XXI века. Новосибирск, 1998. С.137.

М.М. Ефимкин

Формирование индустриальной базы на Востоке России в XX столетии: необходимость и закономерность.

Стратегическая роль азиатской России в экономике государства значительно возросла в XX веке и продолжает увеличиваться в XXI в. Данная специфика определялась и определяется до сих пор геополитическим положением региона и уникальностью его природных ресурсов, востребованность которых как на внутреннем, так и на внешнем рынке нарастала прямо пропорционально темпам технологических новаций и цивилизационных скоростей эпохи модернизации. Она, как прорва, требует все новых и новых ресурсов и, в первую очередь, энергетических. Для России в условиях слабо эффективной экономики это приобретало стратегическое значение не только в военно-политическом ракурсе, но и социальном. Именно экономический ресурс этой азиатской части страны в критических ситуациях спасал Отечество¹.

Процесс перехода от традиционного аграрного общества к современному индустриальному со всеми вытекающими отсюда экономическими, социально-политическими и культурными последствиями наиболее интенсивно обозначился с изменением политического строя в России – установлением Советской власти. К этому времени хозяйственная структура Сибири принципиально не изменилась. Азиатский край России сохранял черты аграрно-сырьевого придатка промышленного центра страны. Промышленность ориентировалась на переработку сельскохозяйственного сырья, в то время как западный промышленный мир проходил стадию индустриального развития. Первая мировая война оказала серьезное влияние на промышленное развитие Сибири, которая была втянута в хозяйственный кризис, набирающий силу с каждым военным годом.

Война ударила по всем промышленным отраслям. Сократилось производство в обрабатывающем секторе индустрии региона. А в связи с ростом топливного кризиса в европейской России здесь усилился спрос на сибирский уголь. В 1917 по сравнению с 1913 г. добыча каменного угля выросла более чем в два раза. В связи с рез-

ким сокращением поставок металла с Урала возобновили свою работу Гурьевский, Абаканский, Николаевский и Петровский заводы. Усилился процесс обобществления промышленного производства. Почти половина акционерных обществ обрабатывающей промышленности Зауралья развернули свою деятельность в годы войны². Ряд промышленных предприятий входил в общероссийские концерны. Усилилось проникновение иностранного капитала. К 1917 г. монополии поставили под контроль ключевые отрасли агропромышленности края. Монополизация не вела к преодолению технического отставания сибирской индустрии. Конъюнктура военного времени не только не давала стимулы к ее развитию, а сопровождалась разрушительными тенденциями в производстве. За годы первой мировой войны индустрия восточных районов России пришла в упадок. Даже в золото- и угледобывающей промышленности произошло значительное сокращение производства.

Подобная хозяйственная ситуация была усугублена гражданской войной, к моменту окончания которой объем индустриальных отраслей азиатской части России сократился, по сравнению с 1913 г. на три четверти. Свою лепту внесла и иностранная интервенция, ущерб от которой составил 4 млрд. довоенных рублей. Сельское хозяйство буквально дышало на ладан. Политика продрозверстки, организованная в 1916 г. правительством Николая II, была с успехом подхвачена большевиками, «творчески» использовавшими опыт проведения политики «военного коммунизма».

События войны в какой-то степени определили дальнейшую историческую судьбу Российской Сибири, как основного индустриально-стратегического базиса России. Когда в 1915–1916 гг. кайзеровская Германия оккупировала значительную часть районов традиционного размещения экономического потенциала России, интенсивно заговорили о военно-стратегическом значении территории страны. Считалось необходимым приступить к созданию в Сибири, где-то в междуречье Иртыша и Оби, промышленного комплекса, дублирующего основные параметры экономики западных районов страны. В случае войны и возможной утраты районов традиционного экономического развития, комплекс промышленных предприятий в центре Западной Сибири может стать основой глубокого стратегического индустриального тыла, будет равно недосягаемым для врага, откуда бы его агрессия не исходила – с запада или востока.

К практическому осуществлению данной доктрины приступили большевики, которые в условиях кризиса идеи мировой социалистической революции оказались перед новой перспективой длительного сосуществования с враждебным капиталистическим окружением. Сталинское руководство заявило о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране в данном окружении. Но для этого, указывал «отец народа», нам нужно за 10–15 лет пробежать тот путь, который западные страны пробежали за столетия. Он справедливо полагал, что гарантией от этого может быть индустриальная мощь страны с сильным стратегическим промышленным тылом.

Придя к власти в 1917 г., партия большевиков в своей экономической программе ставила задачу введения на первом этапе рабочего контроля, а затем постепенную национализацию промышленности. Опираясь на декреты ВЦИК, в декабре 1917 – январе 1918 гг. развернулось массовое введение рабочего контроля в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке. Особенностью социально-экономического развития Сибири в этот период было то, что в руках частных владельцев оставались не только мелкие и средние, но и такие крупные предприятия как «Копикуз», «Лензолото», Киргизское и Риддерское горнопромышленные общества и др. В первые месяцы Советской власти национализация осуществлялась не только «сверху» по декретам СНК и ВСНХ, но и снизу, непосредственно рабочими по инициативе фабзавкомов и советов. В апереле-мае 1918 г. в основном завершилось национализация предприятий в крупных и средних городах, что привело к кардинальной смене формы собственности в промышленности.

Это явилось определенной материальной основой для новой власти, выстоявшей в годы гражданской войны. В 1918 г. Советское правительство обращается к уже имеющимся идеям по осуществлению крупнейшего индустриального проекта XX века Урало-Кузнецкого комбината (УКК), который наряду со строительством Транссибирской магистрали стал не только масштабным социально-экономическим событием, но и мощным фактором индустриализации восточных районов России. Обратим внимание: к данным идеям Советская власть возвращается вновь, как и раньше в России, после заключения Брестского мира, по условиям которого теряло Украину и весь европейский юг, где располагались крупные индустриальные предприятия.

стриальные предприятия. Решение Урало-Кузнецкой проблемы стало рассматриваться в качестве панацеи не только экономического, но и политического краха.

Советское правительство внимательно изучало деятельность Копикуза, оказывая поддержку его предприятиям. События гражданской войны отодвинули его намерения по реализации Урало-Кузнецкой программы. Более того, после возвращения западных угольно-металлургических территорий, интерес к данному проекту стал затихать. Грабли вернулись на свое место и о них вспомнили, когда к середине 1920-х гг. ликвидировав разруху, страна стала перед выбором курса выживания в условиях осажденной крепости. В стране вводился НЭП, потребовавший перестройки работы промышленности. Координацию и непосредственное руководство наиболее важными промышленными объединениями осуществляло Сибирское промышленное бюро ВСНХ (Сибпромбюро). Ввиду ограниченности топливных, сырьевых, продовольственных и финансовых ресурсов, нехватки квалифицированных кадров все силы и средства государства концентрировались на предприятиях, прежде всего крупной промышленности. Введение НЭПа проходило в крайне тяжелых и сложных экономических условиях. Из почти 2-х тыс. государственных предприятий значительная часть бездействовала или же работала не на полную нагрузку. Оборудование устарело и изнашивалось. Был произведен отбор фабрик и заводов. В непосредственной эксплуатации государства осталось 300 предприятий с 42 тыс. рабочих.

Одновременно шел процесс трестирования предприятий и перевода их на хозрасчет. В сентябре 1921 г. была проведена Сибирская промышленная конференция, определившая в своих документах порядок трестирования, права и обязанности хозрасчетного предприятия и принципы введения хозрасчета. К октябрю 1921 г. было образовано более 40 трестов. На них сосредоточились основные силы и средства. В 1923–24 гг. в основном завершился процесс концентрации производства, ставший материальной базой обозначившейся в перспективе индустриализации страны. Восстановление и развитие промышленности имело огромное значение для индустриальной адаптации национальных районов Азиатской части России. Создание здесь очагов промышленности способствовало формированию национальных кадров рабочих, наметило контуры будущей индустриальной структуры и в целом адаптации коренного населения к

индустриальному типу развития. В Якутии были восстановлены соляная, лесная, мукомольная, рыбная и другие отрасли, возникают золотые прииски, рабочие поселки. Восстановлена промышленность Хакасии, развиваются новые отрасли – лесная, деревообрабатывающая и др. В Бурят-Монгольской АССР к началу индустриализации вводятся в строй Верхнеудинский механиколитейный, Селенгинский сульфатный, Киренский солеваренный, Верхнеудинский стекольный, Нижне-Березовский кирпичный, Селенгинский и Баргузинский консервные заводы, Верхнеудинская и Троицкосавская электростанции.

Во второй половине 1920-х гг. НЭП сыграл свою выдающуюся роль в истории молодого Советского государства – разруха была ликвидирована, страна по всем основным показателям вышла на уровень предвоенного 1913 г. и даже выше. Позволительно задаться вопросом: а что было бы, если бы не НЭП? Вопрос конечно риторический, по-видимому, Россия рухнула бы и без внешнего вмешательства. Однако достигнутый уровень не отвечал требованиям и возможностям, азиатским регионам страны. Вопрос об их роли в стратегии экономического развития страны приобретает ключевое значение и получает государственный статус. Сибири отводится, чуть ли не основная роль в решении модернизационных задач, основой которых становится процесс индустриализации, превращающийся в решающее условие выживания нового строя. Индустриализация народного хозяйства СССР, ставшая основным смыслом советских модернизационных программ, рассматривалась как единый комплексный процесс планомерного размещения в стране крупного электрифицированного машинного производства с максимальным использованием всех природных ресурсов Востока России. Это поставило во весь рост проблему сдвига индустрии в данный регион.

Вновь на передний край выходит Урало-Кузнецкий проект. Суть его заключалась в соединении коксующихся углей Кузбасса с высококачественной уральской железной рудой и созданием на этой основе второй угольно-металлургической базы государства с широким развитием промышленности на Урале и в Западной Сибири. По вопросам реализации Урало-Кузнецкого проекта развернулась острейшая политическая борьба. Ряд политических деятелей во главе с Л.Д. Троцким выступали за специализацию Сибири в области производств, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье на экс-

порт и создание путей сообщения, отказывая ей в необходимости иметь тяжелую промышленность. Впрочем, раньше, по сути дела, так и было. Эта была борьба стратегического характера, в ходе которой решалась индустриальная судьба сибирского края. В ходе ее обозначились и практические противники Урало-Кузнецкого проекта, противопоставлявшие ему южную металлургическую базу. Их цель заключалась в том, чтобы добиться признания за Украиной исключительного права на развитие черной металлургии. Это лобби, которое по сути дела возглавлял тогдашний первый секретарь ЦК КП(б) Украины Л.М. Каганович, выступило против выделения капитальных вложений для Урала и Сибири, направив их в Украинскую республику. Поддерживали программу УКК председатели ВСНХ Ф.Э. Дзержинский, В.В. Куйбышев, председатель Госплана СССР Г.М. Кржижановский, нарком тяжелой промышленности К.К. Орджоникидзе.

Тяжелые, жаркие споры об индустриальном будущем азиатской части России выплеснулись на партийные форумы. Важную, если не определяющую, роль сыграл И.В. Сталин, занявший решительную позицию в поддержку Урало-Кузбасского региона, проведя свою позицию через решения XV и XVI съездов ВКП(б). XV съезд партии (1927 г.) отверг притязания украинского лобби на монопольное развитие южной угольно-металлургической базы и поддержал идею сдвига индустрии на восток, что нашло практическое воплощение в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Историческим для индустриального развития Азиатской России стало Постановление ЦК ВКП(б) от 15 мая 1930 г., в котором говорилось о том, что жизненно необходимым условием быстрой индустриализации является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР, путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири. Эту линию утвердил XVI съезд партии, принявший решение о создании новой мощной угольно-металлургической базы на Востоке страны. Это окончательно положило конец дискуссиям и стало государственным оформлением новой стратегии сдвига производительных сил в восточные районы СССР.

Каковы были бы последствия, если бы победил иной вариант? С экономической точки зрения его сторонники, безусловно, были правы: новое промышленное строительство на востоке страны

обходилось в несколько раз дороже, чем на Украине. Но вспомним, что в течение трех месяцев войска гитлеровской Германии оккупировали территорию, на которой проживало до войны более 70 млн. человек, да еще и с основной индустриальной базой. С чем бы остался СССР в итоге уже в первый период Великой Отечественной войны? Думается, немецкий блицкриг тогда бы удался во славу немецкого оружия. Кстати, недооценка восточного экономического потенциала России стала, пожалуй, основной стратегической ошибкой высшего руководства Германии. Идеология советской индустриализации справедливо учла и интегрировала в себе геополитические императивы, существенно изменившие, конфигурацию территориально-хозяйственных приоритетов в пользу Азиатской части России. Одновременно с этим власть считала, что необходимость создания и развития индустрии в Сибири диктовалась и местными специфическими условиями, тормозящими ее социалистическое переустройство.

Практическое осуществление проекта началось весной 1929 г. со строительства двух крупнейших металлургических комбинатов – Кузнецкого и Магнитогорского. Оно шло с огромными, невообразимыми для современного читателя трудностями, которые преодолевались ценой невероятного напряжения материальных и человеческих ресурсов государства. И у новой власти основным продолжал оставаться принцип модернизационной парадигмы «регион для страны». Огромные запасы коксующих углей в Кузбассе, наличие здесь железорудных месторождений в сочетании с уральской рудой давали возможность осуществить данный проект. Его претворение позволяло вытянуть всю цепочку индустриализации – соорудить крупные предприятия машиностроения, металлообработки и создать, по сути, новую отрасль промышленности, составляющую основу предприятий оборонного значения. Развертывание в широких масштабах нового строительства оборонного характера, требовало развития деревообрабатывающей промышленности, стройматериалов и цветной металлургии. Сибирь располагала большими возможностями для экспорта сырьевых ресурсов и товаров сельскохозяйственного и промышленного производства, что имело колоссальное значение для процесса индустриализации, позволяя закупать на мировых рынках новые машины и механизмы, современные для того времени технологии.

Уже в 1930 г. введены были в строй семь подсобных цехов, в феврале 1932 г. начала работать первая коксовая батарея, в марте 1934 г. – вторая, что превратило Кузнецкий металлургический завод в действующее предприятие с полным металлургическим циклом. Решение Урало-Кузнецкой проблемы открыло путь к интенсивной индустриализации азиатской части России. В 1930-е годы возникли сотни новых заводов и фабрик в тяжелой и легкой промышленности, коренной реконструкции подверглись старые³.

Ускоренно развивалось угольное производство, прежде всего коксующихся углей. По развитию угольной промышленности Дальневосточного края и Кузнецкого бассейна принимаются специальные правительственные решения, вступили в строй новые рудники: Киселевский, Куйбышевский и Осинниковский в Кузбассе, Букачагинский, Канский и Головинский в Восточной Сибири. Резко выросла техническая оснащенность отрасли. Добыча угля в сибирском крае увеличилась почти в три раза. В первые годы индустриализации было положено начало созданию нефтяной отрасли на Дальнем Востоке. Усиленно развивалась химическая промышленность: расширялся Кемеровский коксохимический завод, развернулось строительство коксохимического и азототукового комбинатов, завода пластмасс. Были построены три больших канифольно-экстрактных завода, в том числе, самый мощный в СССР – Барнаульский терпентинно-канифольный. В январе 1931 г. выдал первую продукцию Беловский цинковый завод. Интенсивно приступили к освоению салаирских полиметаллических руд.

Коренной реконструкции подверглась золотодобывающая промышленность. Добыча золота возросла в 2,5 раза. В 1932 г. в Забайкалье было положено начало созданию собственной оловопромышленности и началось сооружение предприятий по добыче и переработке полиметаллических руд в районе Норильска. В Иркутске заработала первая в СССР фабрика по обработке слюды, дававшая 85 % данной продукции в стране. Создание на востоке России новых отраслей по добыче и обработке редких металлов и нерудных полезных ископаемых определило успешное развитие электротехнической, электромашиностроительной, химической и других отраслей тяжелой промышленности. Иркутский завод им. В.В. Куйбышева, новосибирский завод «Труд», благовещенский «Металлист» обеспечивали золотодобывающую промышленность. Механические заводы

в Кузбассе, Черембассе, Томске, Владивостоке работали на угольную отрасль.

На коллективизацию советской деревни работали заводы сельскохозяйственного машиностроения в Омске – «Оммеханлит», Обозный; в Новосибирске – Сибкомбайн (Сибсельмаш); во Владивостоке – «Дальсельмаш». Создавалось станкостроение и транспортное машиностроение: станкостроительный им. XVI партсъезда в Новосибирске, паровозо-вагоноремонтный заводы в Верхнеудинске (Улан-Удэ), судоверфи на Оби, Иртыше, Енисее и Амуре. Реконструирован Дальзавод, создан Барнаульский вагоноремонтный, началось сооружение комплексов заводов в Комсомольске-на-Амуре. В первые годы индустриализации были реконструированы все предприятия по металлообработке. Около 2/3 всего станочного парка было установлено в этот период. Основные фонды машиностроения и металлообработки в крае за годы первой пятилетки возросли почти в 16 раз, а валовая продукция – в 8 раз. Серьезные сдвиги произошли в промышленности стройматериалов. Построены Чернореченский и Новоспасский цементные заводы, сооружены десятки новых механизированных кирпичных заводов, предприятия по производству извести, стекла и облицовочного материала и пр. В целом произошло увеличение валовой продукции в 6 раз, а основных фондов – в 9 раз. Однако этого было недостаточно. Строились и вступали в строй десятки новых предприятий легкой промышленности, пищевкусовой отрасли. На Дальнем Востоке особое внимание уделялось развитию рыбной промышленности. Во Владивостоке создавался рыбный порт, крупный холодильник, реконструировались жестяно-баночная фабрика и др. предприятия. На Камчатке было выстроено 8 крупных технически оснащенных рыбконсервных заводов.

Успехи на первом этапе реконструкции промышленного производства в Сибири дали возможность перейти к ее техническому перевооружению, освоению новой техники и новых производств. За годы первой пятилетки на развитие промышленности Сибири было израсходовано почти 1,6 млрд. руб., вместо 929,3 млн. руб. запланированных. Подавляющая часть их направлялась на развитие угольной, химической отраслей, черной и цветной металлургии. Основные фонды крупной промышленности Сибири возросли более чем в 5 раз, при увеличении по стране немногим более чем в 2 раза. Прак-

тически заново были созданы черная и цветная металлургия, коксохимическая, слюдяная, добыча нефти, редких металлов и минералов, заложена прочная база для роста машиностроения и металлообработки, ряда отраслей легкой промышленности, которая вынужденно финансировалась по вторичному признаку. Во все отрасли были внедрены новейшие по тем временам машины и механизмы. Темпы роста промышленной продукции в Сибири значительно превышали общесоюзные. Сибирь постепенно превращалась в один из промышленных районов страны, в котором к 1937 г. насчитывалось около одного млн. рабочих. Темпы ее индустриального преобразования возрастали с каждым годом, с каждой пятилеткой.

Осваивались новые угольные районы, в том числе Райчихинский и Кивденский на Дальнем Востоке, развернулось шахтное строительство в Буреинском районе. Характерным стал уровень механизации, достигший по отдельным районам Сибири 80–90 %, который вывел отрасль на передовые позиции в стране. Добыча угля увеличилась более чем в 2,5 раза, составив долю Сибири в общей добыче угля в СССР в 22 %. Восток по прежнему оставался единственной территорией, где добыча нефти выросла в два раза, переработкой которой занимался Хабаровский крекинг-завод. В черной металлургии все внимание сосредоточено на Кузнецком заводе, расширен Гурьевский металлургический, что привело к увеличению выплавки чугуна в целом по Сибири почти в 6 раз, стали в 30,4 раза. В 1937 г. эта отрасль дала столько же чугуна, сколько производилось в России в 1913 г.⁴

Возрастала роль Сибири как основного производителя цветных и редких металлов и их концентратов. Расширились новые отрасли по добыче олова, вольфрама, молибдена, серебра, цинка, свинца и др. рудников и комбинатов: Норильского, Хапчеронгинского, Джидинского, Сихотэ-алинского. В конце 1930-х гг. Сибирь давала около 80 % всего производства слюды и плавильного шпата в стране.

Основной отраслью металлообработки Сибири продолжало оставаться производство горного оборудования, транспортное и сельхозмашиностроение, судостроение и судоремонт, представленные Иркутским и Красноярским машиностроительными заводами, Улан-Удэнским паровозо-вагонным и Омским паровозоремонтным предприятиями, судостроительными и судоремонтными верфями в Красноярске, Комсомольске-на-Амуре. Расширились, переходя на новые

площади, Сибсельмаш и Автотрактородеталь в Омске, Дальзавод во Владивостоке, Дальсельмаш в Хабаровске и т.д. Валовая продукция отраслей выросла в несколько раз, а удельный вес восточных районов поднялся к началу Великой Отечественной войны до 10 %.

Определенные успехи в производстве топлива, черных и цветных металлов, машиностроения и химии создали необходимые условия для развития в восточных регионах оборонной промышленности и принятия перебазируемых с оккупированных территорий СССР людей и оборудования. Определенная работа была проделана и в отраслях легкой и пищевой промышленности. Были построены и оснащены современной техникой Барнаульский меланжевый комбинат, Новосибирская трикотажная и обувная фабрики, овчинно-шубный комбинат в Чите, около десятка швейных и обувных фабрик. Валовая продукция легкой и текстильной отраслей выросла почти в четыре раза. К началу войны работало три сахарных завода – два в Западной Сибири, один на Дальнем Востоке. Действовало около 45 рыбоконсервных предприятий на Дальнем Востоке. Валовая продукция крупной пищевой промышленности увеличилась только за 1933–1938 гг. более чем в три раза⁵. Однако данные показатели были ниже, чем в других районах страны, что в последствие остро сказалось в процессе массовых эвакуаций населения в Сибирь и Дальний Восток. В целом же к началу Великой Отечественной войны промышленный облик сибирского края приобрел устойчивые индустриальные черты, в том числе в его национальных районах. Горнодобывающая промышленность стала ведущей отраслью во всех национальных образованиях. Деревообработка, металлургическая промышленность, машиностроение, производство стройматериалов, легкая промышленность, энергетика – все это возникло в 1930-х гг. в национальных республиках и краях, придавая индустриальный облик некогда отсталым национальным окраинам, принося с собой и все деструктивные коллизии грубого цивилизационного вторжения, далекого от естественной адаптации.

В целом в 1940 г. в Сибири производилось 3,2 млн. кВт. час. электроэнергии, 136 тыс. т чугуна, почти 2 млн. т стали (11 % по СССР), добывалось 38,9 млн. т каменного угля, 424,4 т рыбы, производилось 33,3 млн. м х/б тканей, 6,5 млн. пар обуви, вывозилось 54,3 млн. куб. м древесины (треть по стране). Сибирь поставляла паровые котлы, металлообрабатывающие станки, речные и морские суда, сельхоз-

машины, оборудование для горнорудной и золотопромышленности, серную кислоту, кальцинированную соду, минеральные удобрения и многое другое. Численность рабочих и служащих составляла в целом по народному хозяйству более 3-х млн. чел., около 700 тыс. из которых было занято в промышленном секторе. Выросли новые города и рабочие поселки по всей Сибири: Оха, Артем, Магадан, Биробиджан и Облучье на Дальнем Востоке; Иланский, Артемовск – в Восточной Сибири; Искитим, Киселевск, Белово, Осинники – в Западной Сибири. От 100 до 200 тыс. населения насчитывали 8 городов, от 50 до 100 тыс. – 10 городов. Происходил интенсивный процесс урбанизации жизни сибиряков⁶.

Стержнем сибирской индустриализации была принципиальная смена энергоносителей. Если раньше промышленное производство от Урала до Тихого океана основывалось на водяных, частично паровых двигателях, то к концу 1930-х гг. оно в основном перестроилось на электрический привод, что стало важнейшей составляющей модернизационного перехода и знаменовало смену технологических укладов в экономике. В 1920 г. на долю Сибири приходилось лишь 4,1 % общей мощности двигателей РСФСР. Из них 62 % были водяными и ветряными, тогда как по РСФСР только 14 %. В два раза ниже был в Сибири удельный вес паровых двигателей, зато вдвое выше – конных приводов. Генераторы, динамомшины и электромоторы составляли всего 20 % общей мощности двигателей, в то время как по РСФСР – 43 %. Следует отметить, что уже в программе Урало-Кузбасского проекта была заложена концепция комплексного развития азиатской части России. Ее формирование во многом было связано с реформой экономического районирования Сибири.

Практическое воплощение она получила в первом перспективном экономическом плане советского правительства – ГОЭЛРО, который предусматривал разделение территории Сибири на ряд больших экономических районов. В основе административно-территориального деления страны должны были находиться «однородные по энергетически-производственному признаку территориальные комплексы». Госплан «сверху» определял примерную схему производственно-энергетических комплексов страны без обозначения четких границ, а местные советские органы вели «низовое районирование», близкое к населению, для обслуживания его гражданских потребностей. Одновременно районирование должно обеспечить доведение

до населения политических идей советской власти и производственной культуры.

Для проведения районирования Сибирской территории в 1921 г. было создано особое Сибирское бюро. Тем не менее, дискуссии вокруг сибирского районирования продолжались длительное время. Все же в октябре 1922 г. на сессии ВЦИК была обсуждена, принятая правительством схема экономического районирования, по которой в Сибири выделялось пять областей: Западно-Сибирская с центром в Омске, Кузнецко-Алтайская – в Томске, Енисейская – в Красноярске, Ленско-Ангарская – в Иркутске и Якутская – в Якутске. Идеи комплексного развития хозяйства были и, как показало время, остались наиболее актуальными для азиатской части России, соединяющей в себе энергоёмкие индустриальные ресурсы.

Еще в 60-х годах XIX века К. Маркс писал: «Царствование его величества пара, перевернувшего мир в прошлом столетии, окончилось; на его место станет неизмеримо более революционная сила – электрическая искра», в которой он видел новую техническую революцию. Большевики в России устами их лидера – В.И. Ленина провозгласили знаменитую формулу: «Коммунизм – есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Расшифровывая это положение он пояснял, что экономическая сторона дела может быть обеспечена только тогда, когда действительно в русском пролетарском государстве будут сосредоточены все нити крупной промышленной машины, построенной на основах современной техники, а это значит на электрификации. В декабре 1920 года Восьмой Всероссийский съезд Советов рассмотрел и утвердил план электрификации России – представленный комиссией ГОЭЛРО. Этим планом предусматривалось восстановление и реконструкция ранее созданного электрохозяйства и сооружения 20 тепловых и 10 гидравлических электростанций общей численностью в 1750 тыс. кВт. План охватывал огромную территорию страны, в том числе и западную часть Сибири. Реальных сил и возможностей охватить всю азиатскую часть России просто не было. Но уже тогда была сделана оговорка, внесенная рукой В.И. Ленина в план – «пока».

В 1913 г. в Западной Сибири действовало всего 8 карликовых электростанций, общей мощностью около 10 тыс. кВт, которые нуждались в восстановлении и реконструкции. Планом ГОЭЛРО, рассчитанным на 10–15 лет, предусматривалось создать дополнительные

мощности электростанций в Западной Сибири в размере 80 тыс. кВт. Накануне первой пятилетки, в 1928 г. все электростанции Западно-сибирского региона вырабатывали 37,4 млн. кВт. ч. А уже за годы первой пятилетки было построено и введено в действие более двадцати электростанций общей мощностью 80 тыс. кВт. Завершено строительство первой очереди Кузнецкой ТЭЦ, электростанций в Чите, на Черновских коях, в Улан-Удэ, Нерчинске, Слюдянке, Канске и др. Строились электростанции при промышленных предприятиях, осуществлялись реконструкция и расширение действующих ТЭЦ. Электроэнергетика шагнула, как видно, дальше на восток. Был сделан крупный шаг в развитии энергетической базы региона, удельный вес которой в общей мощности электростанций страны повысился с 1,5 до 2,6 %, а производство электроэнергии с 1 до 2,2 %. Сооружение новых крупных по тем временам электростанций и значительное расширение действующих (в среднем до 80–125 тыс. кВт) обеспечили быстрое наращивание мощностей и рост производства электроэнергии. В 1936 г. завершилось создание первой единой энергосистемы Кузбасса. К 1941 г. азиатская часть России производила почти 3 млрд. электроэнергии, что было на 20 % больше чем во всей дореволюционной России. В ходе интенсивной электрификации индустриальной сферы удельный вес электрогенераторов, электромоторов и электроаппаратов в промышленности сибирского края достиг общесоюзного уровня. Их мощность почти в 3 раза превзошла мощность первичных двигателей. При этом надо помнить, что сами первичные двигатели большей частью в виде паровых турбин были установлены на электростанциях. Соответственно со стадийным отставанием в промышленности Сибири было покончено. В ходе модернизации произошли принципиальные изменения в энергетике индустриального производства, носящие цивилизационный характер.

Приведение страны в состояние мобилизационной готовности, (а она, чтобы не говорили и писали, находилась в положении осажденной крепости), осуществлялось путем индустриализации, коллективизации и милитаризации советской деревни, напоминающей арацеевские времена. Была развернута невиданная доселе массовая пропаганда, насильственное или полунасильственное придание традиционно статичному российскому населению мобильности, необходимой для подобных темпов индустриализации, в которую вовлекались огромные массы российского крестьянства. Очень пригодился

новой власти заблаговременно изобретенный в России «столыпинский вагон». Численность населения восточных районов страны выросла в ходе индустриализации существенно: 1917 г. – 21,7; 1926 г. – 23,1; 1940 г. – 30,9 млн. человек ⁷. Как видим, произошло определенное наполнение территорий азиатской части России людским потенциалом, создавшим на Востоке страны ее стратегически важную индустриальную базу, кардинально изменившим свою социально-профессиональную структуру. Конечно же, цена данного варианта модернизации была высока. Однако, зададимся вопросом: что бы было, если бы страна не использовала этот вариант?

Думается, что если бы все эти неприятности не были причинены, шансов на выживание СССР в новой войне не было бы никаких и даже эти лихорадочные приготовления не были завершены вовремя, достраивать систему пришлось в условиях войны. Немцы тоже сделали свои выводы из первой мировой войны. Они перед нападением на СССР захватили почти всю Европу, а остальных имели в союзниках. Они тайно, но очень активно возились с англичанами посредством Гесса, а в дальнейшем – спецслужб. Поэтому их удар был страшным. Тем не менее, наша страна выстояла и победила не только Германию, а всю Европу! Обратимся к фактам. К июню 1941 г. под Германией находилось 11 стран, на территории которых проживало 283 млн. человек. Это означало, что разрыв в таком важном стратегическом факторе, как численность населения между Германией и СССР изменился в пользу первой. В СССР, после присоединения западных территорий с населением в 20 млн. человек, население достигло своей численности 195 млн. человек. Кроме того, благодаря этим территориальным захватам Германия значительно смягчила негативные последствия экономической блокады и смогла в полной мере развернуть свой военно-промышленный потенциал. С сентября 1939 г. до середины 1941 г. Германия резко увеличила за счет ограбления оккупированных территорий свои запасы сырья и материалов: по углю – в два раза, железной руде – в 7,7, медной руде – 3,2, по зерновым культурам – в 4 раза, по количеству крупного рогатого скота – в 3,7, а нефти – в 20 раз. Это означало, что к июню 1941 г. по экономической мощи Германия превосходила Советский Союз в несколько раз ⁸.

Идеологизированные писатели увеличивают количество жертв индустриализации все больше и больше. Дело доходит до того, что

количество жертв репрессий скоро сравняется с численностью населения страны. Как метко и иронично заметил И. Лавровский «непонятно – откуда же мы все здесь сегодня собрались»⁹. И возможно ли был успех индустриализации без массового энтузиазма, невозможного в условиях тотального террора. А энтузиазм был огромный, исторически зафиксированный. Следует прекратить идеологическую истерию по поводу своего прошлого. Попробуйте отыскать ее у французов, где геноцид народа во время революции был беспрецедентным. Во время этих кульминационных событий европейской истории (в терроре и гражданской войне) погибла почти треть населения Франции. Таких жертв в процентном соотношении к общему населению не было ни при ГУЛАГе в СССР, ни при Гитлере в Германии. И вообще в истории Европы. А они с гордостью говорят о Великой Французской революции. Оценивая факт индустриализации восточных районов России, ее противники используют широкий набор эпитетов: «советская глупость», «индустриальная утопия», «продукт ГУЛАГа», «главная цель создания ГУЛАГа» и др. Цель ясна! И мы ее покажем, когда будем говорить о современном этапе модернизации сибирского края.

Как неумолимо свидетельствует исторический опыт, в территориальной политике решения не всегда принимались по экономическим критериям. Если бы не было закрепленных восточных земель и Транссиба, то не было бы крестьян, которые приехали на восток из Украины, Белоруссии и др. европейских регионов Российской империи, пострадавшей от многолетней засухи – переселенцев, освоивших новые сельхозтерритории. Они обеспечили здесь рост населения, спасшего своим сибирским хлебом в последствие жителей Украины, вымиравших в годы страшных голодов XX века. Не было созданной на этих восточных территориях в 1930-е годы индустриальной базы, принявшей промышленность европейской части России и беженцев, что в совокупности привело к мощному индустриальному развитию данных территорий, обеспечивающему коренной перелом и окончательную победу в Великой Отечественной войне. Именно энергетика и промышленное сырье Сибири окончательно утвердили СССР великой промышленной державой. То, что было создано, было очень дорого и далось тяжким трудом, но оказалось оправданным с точки зрения будущих событий.

Сдвиг производительных сил на восток был фантастическим по масштабам, осуществленных на данных территориях народнохозяйственных программ. Колоссальным импульсом для их осуществления стала Вторая мировая война, в ходе которой произошла определенная реализация замысла создания в Сибири индустриального стратегического тыла. Резко изменившаяся международная обстановка поставила СССР перед возможностью его уничтожения, как государства, в результате агрессии фашистской Германии. Оккупация европейских промышленных районов Советского Союза привела к тому, что объем промышленного производства, сократился вдвое, остро встал вопрос о восполнении промышленных потерь. В такой обстановке резко возросло военно-экономическое значение Урала и Сибири, их индустриального потенциала. Восточные районы страны должны были стать основной промышленной базой СССР. В истории их индустриального развития наступает третий (вслед за Транссибом и индустриализацией) этап стремительных модернизационных преобразований, если не сказать большего – индустриального рывка.

По военно-хозяйственному плану в восточных районах планировалось ускоренное развитие производства новой техники, вооружения, боеприпасов. Переводить промышленность на военные рельсы приходилось одновременно с гигантской работой по приему и пуску эвакуированных предприятий. Мешала нормальной деятельности большая территориальная разбросанность промышленных центров. На Дальнем Востоке висела постоянная угроза нападения и провокации со стороны Японии. Задания по пуску оборонной продукции в первую очередь получили предприятия союзного значения такие как: Красноярский паровозагоноремонтный, Иркутский «Тяжмаш» им. В.В. Куйбышева, Хабаровский «Дальсельмаш» и другие заводы машиностроения и металлообработки, где с производства были сняты многие виды гражданской продукции и увеличен выпуск военной техники, вооружений и боеприпасов. Предприятия легкой промышленности получили заказы на производство гранат, обуви и военного обмундирования.

В тяжелых военных условиях Урал и Сибирь превратились в основную металлургическую базу. Работа Кузнецкого металлургического комбината, Новосибирского, Петровск-Забайкальского и завода «Амурсталь» дала в 1942 г. 32 % чугуна, 27,2 % стали, 26,7 % – проката. Быстрыми, чрезвычайными темпами развивается цветная ме-

таллургия в составе Беловского цинкового и Новосибирского олово-заводов, завершалось строительство Кузнецкого алюминиевого и Норильского никелево-медного комбината, Якутского предприятия слюдяной промышленности (Эльджакского). Угольные бассейны Сибири увеличили добычу коксующих углей. Дефицит топлива для военной техники и выполнения оборонных заказов усилил спрос на Сахалинскую нефть. Был положен нефтепровод от промысла Оха-на-Сахалине до села Софийское-на-Амуре протяженностью 387 км с пропускной способностью 1,5 млн. т нефти в год.

Сибирь стала одним из основных районов размещения эвакуированных предприятий. Из 1523, перебазированных на восток в июле-ноябре 1941 г., 244 прибыли в Западную и 78 – в Восточную Сибирь. В Кузбасс были эвакуированы Воронежский и Харьковский электромеханические заводы, Орехово-Зуевский «Карболит», Харьковский завод угольного машиностроения «Свет шахтера», завод «Красный Тигель» из Луги и др. В Томске разместились московские и ленинградские заводы: «Электроламповый», «Фрезер», вторая очередь государственного подшипникового завода, «Манометр», «Электросила», «Пневматика» и многие другие. Около 40 эвакуированных предприятий принял город. Важными центрами развертывания эвакуированных заводов стали Омск, Тюмень. В Омской области расположилось более 100 эвакуированных предприятий, треть из них – в областном центре. Несколько заводов разместилось на площадках Сибзавода, оборудование Конотопского и Днепропетровского паровозоремонтных предприятий резко увеличили производственные мощности ПВРЗ и т.д. В Алтайском крае разместились заводы металлургических прессов, вагоностроения, тракторного и сельхозмашиностроения, котельный завод и др. – в целом более 100 предприятий и цехов. В Новосибирской области было размещено полностью или частично около 200 предприятий в т.ч. около 60 заводов союзного значения. Всего в Новосибирске было установлено более 20 тыс. единиц эвакуированного оборудования. Их приняли как уже готовые площадки промышленного гиганта Сибметаллстроя и Авиационного заводов, так и вновь оборудованные. Более 50 заводов и оборудование двух ГРЭС принял Кузбасс. Только в Кемерово разместилось 20 предприятий из Москвы, Горловки, Запорожья, Мариуполя, Харькова, Краматорска и др. Наибольшее число эвакуированных в Восточную Сибирь фабрик и заводов разместилось в

Красноярском крае: 43 индустриальных предприятия Москвы, Ленинграда, Харькова, Воронежа, Одессы и др. мест. Сам краевой центр принял около 20 предприятий, другие разместились в Норильске, Игарке, Абакане, Канске, Ачинске, Боготоле. Оборудование 26 полностью или частично перебазируемых предприятий из западных и центральных районов страны поступило в Иркутскую область. Бурятия приняла оборудование Острогжского вагоноремонтного, Люблинского литейно-механического, Очаковского рыбоконсервного и др. Далее на восток эвакуация промышленности не производилась.

Среди эвакуированных в Сибирь предприятий были десятки крупнейших оборонных заводов. В целом Сибирь приняла и разместила не менее 400 предприятий¹⁰. Они вводились в строй, как правило, через три-четыре месяца. Восточные районы СССР стали становым хребтом военной экономики страны. Приняв сотни эвакуированных заводов и развернув мощное строительство новых, они резко увеличили объем промышленного производства, пережив буквально промышленную революцию. Здесь появился целый ряд новых отраслей: самолетостроение, производство танков, авиационных моторов, тракторов, мотоциклов, станков, шарикоподшипников, радиоприемников и др. Промышленность стала приобретать ярко выраженный милитаристский облик. Иначе и быть не могло. Сибирь стала главным арсеналом фронта. За годы войны удельный вес оборонных предприятий вырос с 18,5 до 76 %. Уже в 1942 г. производство военной продукции на Урале в сравнении с довоенным уровнем возросло в 5 раз, в Западной Сибири – в 27 раз. Эвакуация – это и сотни тысяч человек, прибывающих с оборудованием, которых надо было разместить, накормить и напоить. Только через Новосибирский эвакуопост за первые два года войны прошло более полутора млн. человек. В довоенном 1940 г. общая численность рабочих и служащих Сибири немногим превышала 3 млн. человек, в 1943 г. их было уже свыше 4 млн. Требовалось наращивать мощности легкой промышленности, продукции которой катастрофически не хватало, несмотря на принятое оборудование свыше 40 эвакуированных предприятий, 22 из которых были текстильными. Во второй половине 1942 г. военная перестройка промышленности была в основном завершена. Начался быстрый рост промышленного производства, в первую очередь, военного. Увеличивался выпуск продукции для фронта. Расширялась отраслевая структура сибирской промышленности, обогащаясь но-

выми отраслями и производствами. В годы войны были построены Новосибирский металлургический и паровозоремонтный заводы, Алтайские – тракторный, вагоностроительный, сельхозмашиностроения, Бийский и Барнаульский котельные, Томский – шарикоподшипниковый, хлопчатобумажный комбинат в Каинске, Красноярские – «Сибтяжмаш», комбайновый и др. В народное хозяйство Сибири за военный период было вложено 2616,5 млн. руб., главным образом на развитие машиностроения, металлообработки и военного производства. Война заново создала станкостроение в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Во второй период войны встала задача совершенствования технологии и организации промышленного производства. Проведенные мероприятия в данном направлении позволили уже в 1943 г. увеличить объем промышленной продукции в три раза по сравнению с довоенным уровнем. Наибольшего объема промышленное производство достигло в 1944 г., что явилось главной экономической основой произошедшего коренного перелома, как в ходе Великой Отечественной, так и Второй мировой войны в целом. Идея глубокого индустриально-стратегического тыла была осуществлена и сыграла свою роль. Объем продукции гражданских отраслей в годы Великой Отечественной войны значительно сократился. Резко упало производство пищевых продуктов. Конечно, индустриальный потенциал региона вырос неизмеримо. Но он, по сути, превратился в кузницу оружия, что тормозило индустриальное освоение и вело к тяжелым социально-экономическим последствиям. Тем не менее, при всех трудностях военного времени оно не остановило модернизацию азиатской части России, но гипертрофировало ее. Интенсивное развитие получили только те отрасли, которые работали на оборону. Они истощали природные ресурсы региона, нанося огромный урон его экологии. Развитие традиционной экономики резко затормозилось. Последствия войны негативно отражались на экономике азиатского края вплоть до середины 50-х годов, а некоторые влияют не лучшим образом и сейчас, потому что на его территории оказались производства, которые в мирное время не стали бы создавать.

После Отечественной войны наступил новый этап в развитии производительных сил азиатской части России, который характеризовался значительным укрупнением масштабов индустриального освоения этой территории. Особенно Сибири, которая вышла на арену

мировых свершений, особенно в энергетической области. Стартовой площадкой сдвига индустрии на Восток по-прежнему был Урал, ставший плацдармом подготовки невиданного в мировой практике штурма земных недр российской Азии, определившего индустриальное лидерство Сибири. Первый послевоенный год был трудным для сибирской экономики, а для промышленности в особенности. Необходимо было во многих отраслях промышленности изменить технологию производства и наладить выпуск продукции мирного назначения. Переход от военного производства к мирному сопровождался снижением темпов развития народного хозяйства. В 1946 г. объем промышленного производства региона сократился по сравнению с 1945 г. на пятую часть. Это было закономерно в создавшихся условиях. К 1948 г. был достигнут уровень последнего года войны. Все это притом, что Сибирь направляла гигантские объемы помощи на восстановление разрушенных войной западных районов страны.

Коренную перестройку пришлось вести, прежде всего, в машиностроении и металлообработке, химической, легкой, пищевой и деревообрабатывающей промышленности. При проведении конверсии трудностей было не меньше, чем в первый год войны и решались они не легче. За последний период Отечественной войны научные коллективы создали большой технический задел: изготовили новые образцы комбайнов, тракторов и других машин. Для их производства нужно было новое оборудование, соответствующий инструмент, отвечающие задачам рабочие кадры. Новосибирский «Сибметаллстрой», Красноярский им. Побежимова «Дальсельмаш», Алтайский тракторный и многие, многие другие крупнейшие машиностроительные предприятия Сибири полностью или в значительной мере меняли свой производительный профиль, переходя на выпуск гражданской продукции. Заводы черной и цветной металлургии получили новое задание на выплавку металла и производство проката, необходимых для выпуска мирной продукции. Кузнецкому комбинату было поручено поставлять рельсы для железных дорог, балки, швеллера для стройиндустрии; «Амурстали» – лист для консервной промышленности; предприятия золотой, вольфрамовой, никелевой, оловопромышленности должны были увеличить добычу металла. Предприятия лесной и деревообрабатывающей промышленности обязаны были поднять заготовку стройдревесины, пиловочника, фанеры и т.д. для обеспечения широкого фронта строительных работ. Легкая, пищевая, мест-

ная и кооперативная промышленность должны были резко расширять производство товаров народного потребления. На выпуск предметов первой необходимости переходят многие и многие отрасли тяжелой индустрии, в т.ч. бывшие ранее в структуре оборонпрома.

Открывшиеся перед Сибирью в послевоенные годы широкие горизонты индустриального освоения были обусловлены новым этапом модернизации страны, выросшими масштабами ее народного хозяйства, особенно под влиянием научно-технического прогресса и конфронтации со странами западного мира. Атомный шантаж и открытый призыв к крестовому походу против коммунизма открыли эру холодной войны и новый этап гонки вооружений. Вновь потребовались огромные материальные ресурсы и нечеловеческое напряжение сил. Промышленность Сибири в силу своей территориально-отраслевой специализации оказывается на острие геополитических процессов. Именно она вместе с Уралом стала базой создания качественно новых видов вооружения – атомного, водородного и средств его доставки. Появляются и развиваются невиданные ранее отрасли индустрии – такие как ядерно-топливная, космическая. Зарождается атомная промышленность как самостоятельная отрасль. В 1950-е гг. XX столетия промышленность Урала и Сибири вместе со всей индустриальной сферой СССР дали стране надежный ядерно-космический щит. На международной арене установился ядерный паритет, исключивший возможность безнаказанного применения нового оружия массового уничтожения. Данное историческое обстоятельство имело огромное социальное значение – резко выросло количество и качественный уровень промышленного персонала регионов, требующегося для сотен тысяч новых рабочих мест. Значительно повысилось качество жизни, качественно иначе стали решаться проблемы устройства социальной инфраструктуры. Все это стало мощным импульсом интенсивного индустриального освоения Сибири, темпов ее промышленного развития на основе сильной строительной базы. Резко возросло производство стройматериалов – особенно цемента и сборных железобетонных конструкций – в 4-5,5 раз. И, тем не менее, масштаб строительства был таков, что недостаток стройматериалов нарастал с каждым годом.

Ускорился ввод в строй новых и модернизация старых промышленных предприятий. В эти годы обширный сибирский край открыл всему миру еще одну свою великую тайну – коренные месторожде-

ния алмазов в Якутии, где с 1957 г. началась их промышленная добыча. Начала создаваться третья металлургическая база, развитие которой серьезно тормозилось недостаточностью мощностей местной строительной базы. За 1950-е гг. был введен только один завод – Сибэлектросталь в Красноярске. А после начала строительства Запсиба, пришлось свернуть реконструкцию расположенного неподалеку Кузнецкого комбината. Не хватало железной руды, несмотря на то, что ее добыча поднялась в Сибири почти в три раза. Развивалась золотодобывающая промышленность, цветная металлургия. Увеличивали выпуск продукции Норильский горно-металлургический комбинат, Новокузнецкий алюминиевый и Беловский цинковый заводы, строились новые заводы и рудники, которые оснащались новым современным оборудованием. Расширялся выпуск продукции сибирского машиностроения, особенно новых видов. Перестраивался Красноярский Сибтяжмаш, входят в строй новые машзаводы: Новосибирский турбогенераторный, Красноярский телевизионный, Омский комбайносорочный, Прокопьевский подшипниковый. Начавшееся освоение целинных земель на юге Западной Сибири и в Казахстане стимулировало дальнейшее развитие одной из наиболее развитых отраслей сибирского машиностроения – сельскохозяйственного. Производство тракторов возросло почти в два раза. Алтайсельмаш, Сибсельмаш, Красноярский комбайновый, Омский комбайносорочный, кузбасские машиностроители резко увеличили выпуск продукции для сельского хозяйства в основном современного типа. В целом объем валовой продукции машиностроения Сибири вырос за 1950-е гг. в три раза.

Интенсивно развивались лесо-угольная и новая современная нефтехимическая отрасли. В Красноярске в 1954 г. вступил в строй завод синтетического каучука, еще ранее пущен в строй Бирюсинский гидролизный завод, на Канском заводе впервые в СССР начато производство глюкозы из древесины. В Омске введена в эксплуатацию первая очередь нефтеперерабатывающего завода, сооружался аналогичный в Ангарске. Росло химическое производство и в традиционных своих центрах. В Кемеровской области оно выросло почти в 2,5 раза. Прогрессировали лесная и деревообрабатывающая промышленности. Вывоз древесины увеличился почти в два раза.

Легкая промышленность не получила столь широкого развития, хотя в строй и вводились новые предприятия: Ангарская швейная

фабрика, расширились Канский и Новосибирский хлопчатобумажные комбинаты, Кяхтинская прядильно-трикотажная фабрика, Красноярский кожевенно-обувной комбинат, Иркутская обувная фабрика. Выработка хлопчатобумажных тканей выросла в 2,3, шерстяных – в 2, кожаной обуви – в 2 раза. Этого явно было недостаточно, да и качество изделий желало быть лучше. В расчете на душу населения в Сибири производилось меньше, чем по стране в целом, тканей, чулочно-носочных изделий, трикотажа, кожаной обуви, товаров хозяйственного и культурно-бытового назначения, основных продуктов питания. Однако в целом валовая продукция промышленности росла. Особенно высокими темпами этот процесс шел во второй половине 1950-х гг., с вводом в эксплуатацию предприятий, заложенных в послевоенные годы. Впервые в это время Восточная Сибирь по темпам развития обогнала Западную. Наибольшие темпы роста наблюдались в Красноярском крае и Иркутской области, что было связано с успехами в осуществлении Ангаро-Енисейской программы, получившей всесоюзное значение. Читинская область и Якутская АССР заметно отставали.

Уже в те годы явно стала проявляться негативная тенденция «специализации» регионов, получившая свой наибольший размах с освоением нефти и газа. Ведущую роль среди отраслей промышленности по производству валовой продукции занимали машиностроение и металлообработка, лесная, топливная и пищевая отрасли промышленности. Медленно росла доля химической продукции, промышленности стройматериалов и электроэнергетики. В Западной Сибири традиционно преобладали топливная промышленность, черная металлургия, машиностроение и металлообработка. В Восточной – лесная и деревообрабатывающая промышленность, цветная металлургия. Несмотря на высокие темпы индустриального развития, Сибирь еще отставала от соседнего Урала.

В 50-е гг. XX в. на новую ступень начинает подниматься концентрация промышленного производства. Интенсивно шел процесс складывания крупных территориально-производственных комплексов – Кузбасского, Иркутско-Черемховского, Центрально-Красноярского, Братско-Илимского. Были созданы основы Единой энергетической системы Центральной Сибири. В основном сформировалась единая транспортная сеть региона. Складывалась основа народнохозяйственного комплекса Сибири. Рабочие и служащие стали составлять

большинство населения края, численность которого выросла с 30,9 млн. в 1940 г. до 40,1 млн. человек в 1959 г., более 37 % из которых было занято в промышленном производстве¹¹.

Наиболее интенсивно развивался топливно-энергетический комплекс восточных территорий России – основа их индустриального производства. Пятидесятые годы ознаменовались открытием нефти и газа, строительством целого каскада гидроэлектростанций. Энергетический потенциал края обогатился новым компонентом, имеющим стратегическое экономическое значение для развития его производительных сил. Вот когда в полную силу для Сибири заработали идеи первого плана комплексного развития страны – ГОЭЛРО. Их осуществление превратило электроэнергетику в могучий катализатор индустриального освоения крупнейших регионов России. Первые послевоенные годы были отмечены острым недостатком электроэнергии. Были реконструированы ранее построенные электростанции, сооружались новые малой и средней мощности. Дополнительные мощности были введены на Новосибирской ТЭЦ-3, Кемеровской ГРЭС, Кузнецкой, Красноярской и Улан-Удэнской ТЭЦ. Начинают сооружаться такие крупные тепловые электростанции, как Южно-Кузбасская и Ангарская.

Но особый прорыв в электроэнергетике происходил в 1950-е годы, когда было завершено послевоенное восстановление народного хозяйства, введены были в строй мощные Иркутская и Новосибирская гидроэлектростанции, завершилось строительство Томь-Усинской ГРЭС, широко развернулось строительство крупнейших в мире Братской и Красноярской ГРЭС, а также Вилойской и Манаканской гидроэлектростанции, Беловской, Назаровской, Читинской, Якутской ГРЭС и ТЭЦ Западно-Сибирского металлургического комбината. С 1950 по 1960 гг. производство электроэнергии в Сибири возросло с 8,2 до 38,9 млрд. кВтч, или почти в пять раз, тогда как по стране в целом только в три раза. И эти темпы нарастали. Строились Усть-Илимская, Саяно-Шушенская, Усть-Хантайская и Бурейская ГЭС.

Для их оснащения была создана крупная база энерго-, электромашиностроения непосредственно в Сибири: котельные заводы на Алтае, турбогенераторный в Новосибирске, заводы по производству электрооборудования в Кемерово и Томске. Одновременно с сооружением мощных электростанций шло строительство линий передач электрической энергии высокого напряжения. Это были пла-

номерные шаги по созданию единой энергосистемы в Сибири. Она охватила огромную территорию от Байкала до Иртыша, шагнув в дальнейшем за Байкал. Единая энергосистема Сибири имела колоссальное значение для экономики страны. Это была самая крупная энергосистема в Советском Союзе, позволяющая рационально расходовать электроэнергию. Энергия могучих сибирских рек влилась в те же годы в единую энергосистему «Мир», объединяющую энергоснабжение Советского Союза и социалистических стран Европы. Столь мощное энергетическое строительство оказывало пагубное воздействие на окружающую среду. Водохранилища затапливали крупные массивы леса и сельскохозяйственных угодий. В зоне затопления, как правило, уничтожалась растительность, происходило нарушение естественного процесса стока речных систем.

На нынешнем этапе, особенно в связи с пуском в эксплуатацию Бурейской ГЭС, возрастала роль восточной энергетической политики России, как инструмента для решения многих принципиально важных задач как регионального, так и в целом федерального уровней. Это должно стать тем локомотивом, который обеспечит экономический и геополитический прорыв России на востоке страны, определение ей достойного места в мирохозяйственной системе, в сообществе государств АТР, центральной и Северо-Восточной Азии.

В 1960-е гг. восточные районы России начали приобретать облик основной нефтегазовой провинции страны. Первая промышленная нефть в Западной Сибири была открыта в 1960 г., когда из скважины № 6 на Мулымьинской площадке ударил фонтан нефти. Открытое месторождение было названо Шаимским. В 1961 г. в том же месте забил другой фонтан нефти. На карте Тюменской области появился первый нефтегазоносный район – Березово-Шаимский. Прогнозы академика И.М. Губкина, В.М. Сенюкова и М.К. Коровина на нефть оправдались. Сибирская нефть «далась в руки» поисковикам, окончательно положив конец дискуссиям, остановив проектирование каскада гидроэлектростанций на Оби. Вслед за этим на севере Тюменской области были открыты новые месторождения: Мегионское, Усть-Балыкское, Каменное, Елизаровское, Западно и Северо-Сургутское и другие. Наряду с нефтью были открыты и новые месторождения природного газа – Деминское, Южно и Северо-Алясовское, Похромское, Тазовское, Охтеурьевское, Северо-Васюганское. Нефтегазоносная провинция Западной Сибири раздвигала свои границы.

Нефть и газ были обнаружены на территории Томской, Омской и Новосибирской областей. Вся эта площадь, простирающаяся от Урала до Енисея, на которой были открыты новые месторождения нефти и газа, получила название Западно-Сибирской нефтяной провинции. Добыча нефти здесь поднялась с 1 млн. т в 1965 г. до 400 млн. т в 1986 г., составив 65 % общесоюзного уровня. Вскоре Западная Сибирь обогнала по производству нефти крупнейшее нефтедобывающее государство Ближнего Востока – Саудовскую Аравию. Она производила «черного золота» больше, чем такие всемирно известные поставщики, как Иран, Ирак, Катар, Ливия, Объединенные Арабские Эмираты вместе взятые, давая 1/6 часть мирового производства нефти.

Восточнее Енисея была выявлена другая нефтегазоносная провинция – Восточно-Сибирская, где промышленную нефть обнаружили в марте 1962 г. у села Марково. Практически с 1960-х годов в Сибири начали формироваться новые для нее отрасли, к созданию которых был применен комплексный подход с учетом новейших достижений науки и техники. Сибирский край засверкал новыми индустриальными гранями, притягивая к себе внимание всего мирового сообщества, сделав Советский Союз ведущей энергетической державой мира. Этот восточный потенциал России позволил ей не рухнуть окончательно в период глобальных системных изменений конца XX – начала XXI веков, обеспечивший новый экономический подъем. Конечно же, создание колоссального многоотраслевого комплекса в суровых сибирских условиях не могло обойтись без противоречий и конфликтов, просчетов и издержек как морального, так и материального свойства. Об этом чаще всего и пишут «радетели» Сибири, называя ее «проклятием России». Для них же, их интересов – она «приятна во всех отношениях», что видно невооруженным взглядом. Неплохо бы им, внимательно изучая российскую историю, написать о том, что было бы с Россией не будь у нее мощного восточного тыла? Несмотря на громадные трудности и просчеты в создании и развитии Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, его значение в экономике страны трудно переоценить. В сжатые сроки он стал не только главным поставщиком углеводородного сырья для внутренних потребностей, но и крупнейшим его поставщиком на мировой рынок, одним из важнейших источников валютных поступлений. Только за десять лет (1975–1985 гг.) экспорт нефти и продуктов ее переработки дал стране более 200 млрд. инвалютных рублей. А в

начале XXI столетия регион производит 3/4 всех производимых в России энергоресурсов, обеспечивая свыше 50 % всего экспорта России. И эта углеводородная роль Сибирской платформы только возрастает. Ее перспективные и прогнозные ресурсы оцениваются по нефти в 11,4 млн. т, по природному газу – в 38,1 трлн. куб. м, 70 % из которых прогнозируются в пределах главной зоны нефтегазообразования.

Освоение в невиданных ранее масштабах природных ресурсов потребовало создания прочной научной базы на востоке страны. Стало необходимым взаимодействие между территориальным размещением производительных сил и организацией системы научных центров, которые организуются в основном в районах перспективного развития производительных сил, что способствует в свою очередь превращению крупных индустриальных комплексов в крупные региональные научные центры. Характерной чертой индустриального развития тех лет стало его более целенаправленное и интенсивное становление на научной основе. Этому во многом способствовал процесс создания и развития академической и отраслевой науки в сибирском регионе, в первую очередь Сибирского и Дальневосточного отделений АН СССР. С их «поясами внедрения» предполагалось, что они будут связующим звеном между наукой и народным хозяйством. Практически одновременно с этим в СССР была проведена промышленная реформа 1965 г. быстро погашенная, также как и попытка реформирования 1979 г. Стремительные темпы роста народного хозяйства в послевоенные годы стали замедляться и вызывать чуть ли не панику по этому поводу. Для промышленности же Сибири 1960–80-е годы были лучшими в истории ее зарождения, становления и развития. За это время здесь было освоено капитальных вложений в 10 раз больше, чем за всю предыдущую историю¹².

В крае успешно решались проблемы рационального размещения и комплексного развития народного хозяйства, что было оформлено в соответствующих постановлениях высших директивных органов страны. В этот период в Сибири окончательно оформилась структура территориально-производственных комплексов и промышленных узлов. Среди них Западно-Сибирский или Средне-Обской, структуру которого составили три промышленных узла: Сургутский, Нефтеюганский и Нижневартовский. Все они специализировались на добыче и переработке нефти и газа, передаче их в другие индустри-

альные районы страны. ТПК имел тесные связи с предприятиями Тюменской, Томской, Омской и Новосибирской областей. Сюда относились Томский и Тобольский нефтехимические комплексы, Омский и Тюменский промышленные узлы. Омский промузел объединял целый ряд заводов нефтехимии, приборостроения и машиностроения. Крупный промузел сформировался на базе предприятий Новосибирска, Бердска, Искитима с центром в г. Новосибирске. Здесь действовали такие гиганты советского машиностроения, как производственное объединение Сибэлектротяжмаш, Сибсельмаш, Сиблитмаш, Тяжстанкогидропресс им. А.И. Ефремова, заводы «Труд», металлургический им. А.Н. Кузьмина, оловозавод, Бердский радиозавод, Чернореченский цементный завод и другие предприятия. Основой этого промузла являлись машиностроительные производства.

Предприятия Кузбасского ТПК были расположены преимущественно в трех индустриальных центрах Кузбасса – Кемерово, Новокузнецке и Прокопьевско-Киселевском районе. Основные отрасли промышленности комплекса – угольная, металлургическая, химическая и машиностроительная. Алтайский ТПК объединил предприятия двух индустриальных центров – Барнаула и Рубцовска. Здесь были сформированы предприятия химического и машиностроительного профилей, легкой и текстильной промышленности. Старинный сибирский г. Томск стал не только центром нефтехимии, но и со времен Великой Отечественной войны развивался как крупный узел электротехнической промышленности и горного оборудования. Центрально-Красноярский ТПК был крупнейшим не только в Сибири, но и в стране. В нем объединились предприятия различных отраслей, в основном энергоемкие, созданные с учетом использования дешевой электроэнергии Красноярской ГЭС. На севере Красноярского края формировался Северо-Енисейский ТПК, в состав которого входили Норильский горно-металлургический комбинат, Надеждинский горно-металлургический завод, Талнахский медно-никелевый рудник, Хантайская ГЭС и др. Он стремительно расширялся. Только за пять лет 1975–1980 гг. в него вошли 93 крупных промышленных объекта. На юге Красноярского края в 1970-е гг. сформировался Саянский территориально-производственный комплекс в составе Саяно-Шушенской ГЭС, Саянского алюминиевого, Абаканского вагоностроительного, Минусинского комплекса электротехнических заводов, Черногорского текстильного комбината. В средней части

Красноярского края создавался Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс (КАТЭК), в составе которого были угольные разрезы, тепловые станции и другие производства. Несколько ТПК сложилось в Иркутской области: Братско-Усть-Илимский ТПК, включающий Братскую и Усть-Илимскую ГЭС, алюминиевый завод, лесопромышленные комплексы, Коршуновский горно-обогатительный комбинат и др. В самом Иркутске были широко развиты машиностроение и металлообработка, находились предприятия слюдяной, легкой, пищевой промышленности, ГЭС, алюминиевый завод, и др. Предприятия объединялись в Иркутско-Черемуховский ТПК. На северо-востоке Сибири формировались Мирнинский и Южно-Якутский ТПК, объединявшие рудники и обогатительные фабрики алмазодобывающей промышленности, энергетические службы, производства по добыче и переработке углей и леса. Отсюда тянулись нити производственных связей с самым обширным районом Сибири – Дальним Востоком. Там в перспективе планировалось создать мощную единственную в стране оловорудную промышленность. Пока же этот район оставался крупным машиностроительным, лесопромышленным, химическим, рыбным и нефтедобывающим комплексом¹³.

Территориально-производственные и промышленные комплексы позволяли более рационально использовать электроэнергию, глубоко и полно перерабатывать сырьевые ресурсы, использовать имеющиеся трудовые ресурсы, коих в Сибири всегда был дефицит. В то же время достигнутый уровень комплексности производства в Сибири не решал полностью проблему рационального размещения промышленности. Налицо была и ее распыленность на обширной территории и чрезмерная концентрация в отдельных городах, таких как Новосибирск, Красноярск, Омск, Новокузнецк и др. Динамика промышленного производства Сибири в целом повторяла общесоюзные тенденции. Однако в последствие стали нарастать еще и региональные особенности, заключающиеся в том, что в последнее десятилетие существования СССР развитие экономики региона осуществлялось в рамках крупномасштабных целевых программ (Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, Ангаро-Енисейский район, БАМ и прилегающая к нему зона и др.), оставивших многие отрасли промышленности вне рамок данных крупных процессов. Поэтому здесь депрессивное состояние экономики стало нарастать более ускоренными темпами, чем в среднем по стране. В начале 1990-х гг. темпы

прироста промышленного производства стали ниже, чем в среднем по СССР, особенно в старых, традиционных отраслях. Тем не менее, на исторический рубеж 1990-х гг., когда произошли кардинальные изменения в системе государственного устройства, а затем был осуществлен переход к принципиально новой экономической модели, сделавшей основной упор на «саморазвитие восточных территорий», Сибирь вышла, имея мощный промышленный потенциал, но с очень уязвимой для последующего рыночного обвала структурой – абсолютное большинство милитаризованной индустрии. Достаточно сказать, так или иначе в ней (вместе с Уралом) было занято более 25 млн. промышленного персонала. Системный кризис 1991–2000 гг. привел к обвалу индустриального сектора и кардинальному изменению его отраслевой структуры под влиянием изменившейся формы собственности. Прибыльные производства сохранились и выжили, продолжая развиваться в новых социально-экономических условиях, большинство других исчезли, поставив перед Сибирью очередную задачу следующего индустриального витка уже на постиндустриальном этапе развития.

Падение производства в 1990-е гг. было самым масштабным в XX столетии. В 1998 г. в низшей точке трансформационного спада, ВВП России составлял немногим больше половины от предкризисного максимума 1989 г. Такого мир еще не видел. Статистические данные (не эмоции) беспристрастно указывают на депрессивную динамику роли восточных территорий, по отношению к которым раньше реализовался тезис «Сдвиг производительных сил на восток». Указанная тенденция замалчивается, но это и есть политика «сжатия» российского пространства до так называемых «эффективных» районов. Половинное сокращение производства, уменьшение инвестиций в три раза привели к дезинтеграции многих региональных экономик, снижению интенсивности межрегиональных связей и территориальным сдвигам, сопровождающимся уменьшением в экономике страны доли большинства восточных районов. К началу XXI века физические объемы промышленного производства сократились по краям, областям и республикам Сибири кардинально: Тюменская область (в % к 1990 г.) – 62, Омская – 43, Томская – 67, Новосибирская – 39, Кемеровская – 52, Алтайский край – 31, Республика Алтай – 39, Красноярский край – 62, Республика Хакассия – 72, Республика Тыва – 35, Иркутская область – 49, Республика Бурятия – 48, Читинская об-

ласть – 30, Дальний Восток около 49 и в целом по Российской Федерации – 49. Но, что самое страшное, Азиатская часть России катастрофически теряет свое население. Если за 1959–1993 гг. оно выросло с 40,1 до 52,8 млн. человек, то в дальнейшем его численность неуклонно падает, составив в 2002 г. чуть более 50 млн. человек (вместе с Уралом). Да и перспективы неважные – к 2015 г. при сохранении прежних тенденций данный мегарегион будут населять чуть более 30 млн. жителей. И это при растущем демографическом старении государства! Динамика снижения удельного веса лиц молодых возрастов неумолима: 1959 г. – 35,0 млн.; 1970 г. – 37,1 млн.; 1989 г. – 36,0 млн.; 2002 г. – 32,0 млн. человек¹⁴.

Оценивая в целом индустриальное освоение российской Сибири в XX веке можно сказать о том, что оно получило не только всесоюзное, но и мировое значение, отличалось высокими темпами и крупными масштабами, играло важную, а иногда и определяющую стратегическую роль, особенно в критические для страны периоды. Промышленное освоение переродило этот край, превратив его из аграрного в индустриальный. Велик вклад в мировую индустриальную цивилизацию. Но все это проходит мимо нее самой! Веками существует и усугубляется, сегодня особенно, традиционно непреодолимый контраст между ее природными богатствами и унижительным убожеством повседневной жизни основной части живущих здесь и бегущих из нее людей. Так, что по-прежнему – «Бедна богатая Сибирь!» для жителей своих, определенная далеким московским центром «к саморазвитию» и качающим из нее миллиарды долларов.

¹ См. подробнее: **Ефимкин М.М., Ламин В.А.** Азиатский ход России – сибирский геополитический вектор. // Вестник аналитики. Журнал аналитических материалов. Институт стратегических оценок и анализа. М., 2006. № 1. С.124-125; **Азиатская часть России** как ресурс геополитического противостояния. // Азиатская часть России: новый этап освоения северных и восточных регионов страны. Монография. Институт Экономики и организации промышленного производства СО РАН. Новосибирск, 2008. С.26-33, 36-39.

² **История Сибири.** Т.2. Л., 1968. С.404-405; **Рабочий класс Сибири** в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С.81.

-
- ³ **Рабочий класс** Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1982. С.218.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С.220-221.
- ⁶ **Рабочий класс** Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. С.19-22.
- ⁷ **Ефимкин М.М.** Роль социального фактора в пространственном освоении Востока России. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2003. №2. С.42.
- ⁸ **Семиряга М.И.** Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. «Высшая школа» М., 1992. С. 77-78.
- ⁹ **Лавровский И.** Странострой // Главная тема. Общественно-политический ежемесячный журнал. М., февраль-март 2005. С.121.
- ¹⁰ **Рабочий класс** в период упрочения и развития социализма. С.164.
- ¹¹ Там же. С.165; **Ефимкин М.М.** Социальное развитие рабочего класса Сибири 1959–1980 гг. Новосибирск, 1989. С.99.
- ¹² **Долголюк А.А., Ефимкин М.М., Ламин В.А.** Трансформационные процессы в социально-индустриальной структуре Новосибирской области в XX столетии. Новосибирск, 2005. С. 245.
- ¹³ **Некрасов Н.Н.** Проблемы сибирского комплекса. Новосибирск, 1973. С.135-184; **Комогорцев И.И.** Промышленность и рабочий класс Сибири в период строительства коммунизма. Новосибирск, 1971. С.195-214; **Ефимкин М.М.** Тенденции индустриального освоения Сибири и формирование промышленной категории населения в XVII–XX вв. // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири. Вып.1. Новосибирск, 2006. С.291-243.
- ¹⁴ **Экономика** Сибири. Субъекты Федерации. Новосибирск, 1999. С.218. **Ефимкин М.М.** Роль социального фактора в промышленном освоении Востока России. С.44.

Деятельность государственных и общественных организаций по формированию индустриально-урбанистической культуры населения Сибири в 1920-е – 1960-е гг. *

Для осуществления грандиозной программы индустриализации Сибири, развернутой и в целом успешно реализованной советским государством в XX в., потребовалось резкое повышение уровня духовной и повседневной культуры населения. Необходимо было обеспечить воспитание у жителей Сибири необходимых для участия в индустриальном производстве навыков и умений, внедрение в общественное и индивидуальное сознание норм и ценностей индустриально-урбанистического общества. Поэтому важной составной частью деятельности государственных и общественных организаций Сибири в период 1920-х – 1960-х гг. являлась культурно-просветительная работа с населением.

В середине 1920-х гг. подавляющее большинство жителей Сибири (более 87 %) проживало в деревне и вело традиционный крестьянский образ жизни. Развертывание индустриализации потребовало массового вовлечения вчерашних крестьян в промышленное производство, бурными темпами росли города Сибири, формировалась новая социокультурная среда. Таким образом, в рассматриваемый период происходила масштабная и глубокая трансформация материальной и духовной культуры населения Сибири.

В настоящей статье на основе архивных источников и опубликованных материалов мы рассмотрим основные формы культурно-просветительной работы государственных и общественных организаций, использовавшиеся в 1920-х – 1960-х гг. для создания эффективных механизмов формирования индустриально-урбанистической культуры населения Сибири.

В годы первых пятилеток возрастание численности населения городов Сибири, пополнение рабочего класса происходило в основном за счет мигрантов, пришедших на предприятия из сибирской

* Статья подготовлена в рамках проекта СО РАН № 25.3 «Социокультурные трансформации населения Сибири в XX веке».

деревни. Так, за годы первой пятилетки более 80 % нового пополнения рабочего класса Сибири пришло на производство из деревни, в годы второй пятилетки этот показатель несколько снизился, составив около 55–60 %.¹ Таким образом, в ходе индустриализации Сибири ускоренными темпами происходил процесс переплавки многочисленных переселенцев из деревни, как собственно и городских жителей, в советских рабочих и служащих, по своим качествам соответствующих требованиям и уровню индустриально-урбанистического общества.

Следует отметить, что индустриализация страны в данный период рассматривалась как важный и необходимый этап строительства социализма. Поэтому включение населения Сибири в промышленное производство сопровождалось усиленным внедрением в сознание людей коммунистической идеологии. Однако формирование новых норм и ценностей у жителей сибирских городов не могло быть обеспечено только прямолинейной пропагандой коммунистической идеологии. Для этого с неизбежностью должны были быть разработаны механизмы приобщения населения к культуре, позволявшие сделать новые нормы и ценности частью их духовного мира, повседневного существования.

Поэтому важным и постоянным направлением деятельности государственных и общественно-политических организаций Сибири в исследуемый период являлось внедрение в повседневный быт населения механизмов восприятия массовой культуры, разумеется, с нужным для правившей партии большевиков идеологическим содержанием: чтение газет, слушание радио, посещение культурно-зрелищных учреждений, занятия в различных любительских кружках и т.п. Можно сказать, что государство распространило свой контроль и влияние не только на производственную и политическую жизнедеятельность населения, но и на повседневную жизнь, в частности, на использование свободного времени.

Главным каналом влияния государства на сознание людей в XX веке стали средства массовой информации. Распространению газет, их внедрению в повседневную жизнь рабочих в годы первых пятилеток советскими, партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями Сибири уделялось особенно много внимания. На промышленных предприятиях постоянно проходили кампании по подписке, пропаганде газет.

В Иркутске, например, в декабре 1929 г. был проведен ударный штурм по продвижению в массы газет и журналов. На предприятиях были организованы митинги, на которых разъяснялось значение газеты для расширения кругозора, повышения уровня культуры рабочих. Были организованы бригады из комсомольцев, делегатов, которые ходили по квартирам, агитировали подписаться на газету и тут же оформляли подписку на центральные и местные газеты².

Можно сказать, что именно в годы первых пятилеток чтение газет стало неотъемлемой чертой быта населения сибирских городов. Так, например, известные специалисты по истории рабочего класса Л.А. Гордон и Э.В. Клопов считают, что в годы первых пятилеток более половины рабочих промышленности СССР являлись постоянными читателями газет³.

По данным обследования, проведенного в 1935 г. на шахте им. Кирова (Черемхово), (количество работавших – 2027 чел.) 820 рабочих, т.е. 48 % членов трудового коллектива выписывали и постоянно читали газеты⁴. Наряду с подпиской жители городов Сибири покупали газеты в розничной продаже. Так, по данным обследования, проведенного ВЦСПС в центральной части страны, глава рабочей семьи в среднем за год покупал 305 газет, т.е. почти ежедневно⁵. В Сибири эта цифра была, видимо, несколько ниже из-за неразвитости сети розничной продажи, но, скорее всего близкой к приведенной в обследовании ВЦСПС. Постепенно потребность в чтении газет становилась постоянной и естественной для жителей Сибири.

Адаптации населения Сибири к индустриально-урбанистическому образу жизни активно помогало радио. В годы первых пятилеток слушание радиопередач поначалу проходило коллективно. Люди собирались в клубе, красном уголке или на квартире счастливого обладателя радиоточки; после прослушивания начиналось обсуждение передачи. Передачи длились 3–4 часа в день, по содержанию более половины их занимали сообщения о внутренней и международной жизни, лекции и беседы на различные темы⁶.

В 1930-е годы радиовещание становилось уже привычным, оно велось с 6 до 8 час. утра, затем с 10 до 12 час. и с 18 до 24 час.⁷ Таким образом, сибиряки, собираясь на работу, в обеденный перерыв и в вечерние часы отдыха имели возможность слушать радио. В частности, существовавшая весь советский период популярная радиопередача «В рабочий полдень» зародилась именно в эти годы.

В конце 1930-х годов радиовещание в сибирских городах стало почти круглосуточным, по местной сети объявлялся перерыв с 24 до 6 час.

Большую роль играло радио в пропаганде новых норм и ценностей, организовывались тематические лекции, выступления передовиков производства. Кроме того, участвовало радио и в воспитании эстетических вкусов населения Сибири, приобщении их к сокровищам классической культуры. Радиостудии вели диалог со своими слушателями, при составлении радиопрограмм учитывались их интересы и пожелания. Так, Иркутский радиоцентр в сентябре 1930 г. провел анкетный опрос своих слушателей, в ходе которого выяснялись требования сибирского населения к радиопрограммам⁸.

О популярности радио и внимании к нему людей свидетельствуют письма трудящихся. Только с января по сентябрь 1935 г. в адрес Западно-Сибирского краевого комитета по радиовещанию поступило 3433 письма, в которых содержались просьбы передать любимые произведения, дать ответы на те или иные вопросы. В письмах отмечалось, что во многих семьях складывается традиция по вечерам слушать радио, обсуждать передачи⁹. В целом внедрение радио в быт становилось неотъемлемой чертой повседневной жизни населения Сибири.

Приобщение людей к чтению газет имело своим логическим продолжением обращение к книгам, журналам, научно-популярной и художественной литературе. Развитию сети библиотек уделялось очень серьезное внимание. В 1928 г. всего по Сибири из 1607 профсоюзных организаций (без союза сельскохозяйственных и лесных рабочих), насчитывавших 220 тыс. членов, 518 обслуживалось стационарными библиотеками, их читателями являлись 81970 рабочих, т.е. около 37 % всех членов профсоюзов (расчет авторов)¹⁰. Видимо, этот показатель действительно отражает распространенность чтения как одного из основных способов проведения свободного времени жителей городов Сибири. Это, в частности, видно из сравнения с данными в целом по стране. Л.А. Гордон и Э.В. Клопов считают, что в 1920–30-е годы около 35–40 % советских рабочих являлись постоянными читателями книг и журналов¹¹.

В библиотеках городов Сибири организовывались обсуждения популярных произведений, так называемые «вечера рабочей критики»¹². У рабочих Кузбасса широкое распространение получили коллективные чтения литературы во время обеденных перерывов, в сво-

бодное время. Так, по оценке ЦК профсоюза угольщиков около 50 % шахтерских бригад Кузбасса было охвачено такой формой культурного обслуживания¹³.

Деятельность партийно-государственных органов и профсоюзных организаций по приобщению рабочих к чтению художественной и научно-популярной литературы являлась постоянной частью их культурно-просветительной работы. Группы книгонош, добровольных чтецов книг для малограмотных организовывались на всех предприятиях Сибири. Так, в 1935 г. на предприятиях Тулуна (Восточная Сибирь) были созданы группы «читчиков и беседчиков», которые каждую неделю проводили чтение и обсуждение литературных произведений¹⁴. На заводах № 104 и им. Куйбышева в Иркутске в марте 1935 г. состоялись литературные вечера, на которых обсуждались произведения А. Толстого «Петр I» и И. Эренбурга «День второй»¹⁵.

Чтение и обсуждение книг устраивались также непосредственно в квартирах городских жителей. Так, в 1936 г. работники библиотеки им. А.С. Бубнова г. Ленинска-Кузнецкого провели в шахтерских семьях 13 таких литературных вечеров¹⁶. Работники библиотеки 2-го стройучастка ст. Эйхе (ныне Инская) в бараках, на квартирах стахановцев проводили чтения романов «Тихий Дон», «Как закалялась сталь» и др.¹⁷.

Во внедрении способов проведения свободного времени, которые соответствовали нормам и ценностям городского образа жизни, важное место занимало приобщение жителей городов Сибири к посещению зрелищных учреждений. Просмотр кинофильма, театрального спектакля, других представлений создавал хорошие возможности для целенаправленного воздействия на сознание людей через эмоционально-художественное восприятие мира. С другой стороны это обеспечивало возможности для полноценного отдыха, восстановления физических и духовных сил, необходимых для дальнейшего процесса производства. Формирование у сибиряков привычки к посещению зрелищных учреждений являлось также эффективным средством вытеснения негативных форм проведения свободного времени.

Самым массовым зрелищем на рубеже 20–30-х годов становится кино. Быстро росла посещаемость кинотеатров, кроме того, жители посещали киносеансы в клубах, где цены на билеты были ниже,

часто организовывались также бесплатные сеансы. В среднем на каждого жителя городов и рабочих поселков Сибири в 1928 г. приходилось 14 посещений кино в год¹⁸. В крупных городах эта цифра была еще выше. В Омске в 1926 г. на одного жителя приходилось два посещения кино в месяц, в Барнауле в 1928 г. на одного жителя приходилось три посещения в месяц¹⁹.

Расширялась сеть кинотеатров и киноустановок в Сибири. На 1 июня 1928 г. в Сибирском крае действовало 170 кинотеатров с 61020 местами²⁰. Кроме того, действовало много киноустановок в рабочих клубах: общее их число в 1928 г. составляло 520, а к началу второй пятилетки только в Западной Сибири насчитывалось 1157 киноустановок, в 1938 г. их было уже 1490²¹. На 1 января 1935 г. в Восточной Сибири действовало 277 стационарных установок в городе, 61 в деревне и 405 передвижных киноустановок²².

В дни праздников киноэкраны устанавливались прямо на улицах, бесплатно демонстрировались популярные и любимые народом фильмы: «Броненосец «Потемкин», «Чапаев», «Встречный», «Путевка в жизнь» и др. В дни празднования очередной годовщины Октябрьской революции в 1936 г. и на Первой 1937 г. в Иркутске, например, были установлены экраны на площади Кирова, на ул. Ленина, в рабочем поселке им. Марата²³.

Наряду с практиковавшимися обсуждениями кинофильмов после сеансов, формированию новых норм и ценностей в сознании населения Сибири способствовали конференции кинозрителей, проводившиеся в рабочих клубах. В апреле 1927 г. в одном из рабочих клубов Иркутска была организована конференция зрителей, на которой разгорелся интересный диспут о кино, присутствовало более 300 чел.²⁴. В конце 1927 г. Сибирский краевой совет профсоюзов провел широкое обследование клубных киноустановок и работы клубов по пропаганде кино²⁵. По его итогам президиум Сибирского краевого совета профсоюзов 9 февраля 1928 г. принял специальное постановление, обязывающее клубы развернуть культурно-воспитательную работу, пропагандируя новые нормы и ценности через советские кинофильмы²⁶.

Первое краевое совещание профсоюзных клубов Восточно-Сибирского края (13–16 января 1931 г.) отметило «недостаток развития киносети края, слабое развитие культурно-массовой работы вокруг кино, недостаточное продвижение лучших фильмов в рабочие клу-

бы». В своем постановлении совещание обязало клубы развернуть пропаганду лучших образцов киноискусства, организовывать лекции о кино, обсуждение фильмов, диспуты и т.п.²⁷.

В 1930-е годы в практику культурно-просветительной работы прочно вошли коллективные выходы членов трудового коллектива в кино (культпоходы). В кинотеатрах и клубах ударникам предоставлялось право преимущественного обслуживания. Для них выделялись закрепленные места, ряды, организовывались специальные сеансы. Так, в кинотеатре «Художественный» и в других кинотеатрах Иркутска в 1935 г. были выделены места для ударников и стахановцев, билеты на которые выдавались непосредственно профсоюзными организациями предприятий.

По данным ВЦСПС на 1932 г., рабочие и члены их семей в среднем посещали кинотеатры около 33 раз в год²⁸. Близкая к этим данным частота посещения кинотеатров наблюдалась и в Сибири. По данным обследования в 1936 г. рабочих завода № 104 в Иркутске, рабочие бывают в кинотеатрах 2–3 раза в месяц²⁹. Еще чаще смотрела кинофильмы молодежь. Так, по данным обследования рабочей молодежи, проведенного ЦУНХУ совместно с ЦК ВЛКСМ в конце 1935 г., юноши посещали кино около 41,6 раз в год, девушки – 29,6³⁰. Таким образом, можно сделать вывод, что в годы первых пятилеток посещение кино стало типичным видом культурного отдыха населения городов Сибири.

Число мест в зрелищных учреждениях Сибири увеличивалось год от года, что, несомненно, способствовало более широкому распространению у населения привычки к их посещению. Если в 1929 г. число мест в театрах составляло 4 тыс., в цирках – 900, то в 1931 г. соответственно 9,3 тыс. и 9 тыс., а в 1932 г. – 15 тыс. и 17 тыс. По данным на 1 января 1935 г. в городах Сибири работало 36 театров и цирков, в которых насчитывалось 33,1 тыс. мест³¹.

В Сибири, как и в центре России, повсеместно утвердилась практика закупки спектаклей профсоюзными организациями крупных промышленных предприятий, общие выходы членов трудового коллектива в театр. Такие культпоходы несомненно прививали рабочим привычку к посещению театров. Так, в 1926 г. в Иркутске профсоюзы начали закупать спектакли городского театра, рабочие с одобрением встретили начинание профсоюзов, охотно шли в театр³². Культотделы профсоюзов г. Новосибирска в 1927 г. приняли реше-

ние закупать субботние спектакли и распространять билеты среди рабочих со скидкой на 40 %. После просмотра спектаклей проходило обсуждение пьес рабочими³³. Практика закупки театральных спектаклей профсоюзами позволяла предоставлять рабочим билеты по сниженным ценам, что имело существенное значение для привлечения их в театр.

Театры выезжали на предприятия, устраивали обсуждения спектаклей. Так, в Омске в 1928 г. часто практиковался выезд гортеатра в рабочие районы³⁴. Томский передвижной театр организованного зрителя в 1929 г. выезжал к рабочим Анжерки, Тайги, Яшкина, Томска. Везде после спектаклей проводились диспуты со зрителями о состоянии культуры, о формировании нового человека. За два месяца 1929 г. театр провел 26 диспутов, в которых выступило 229 человек³⁵.

В совершенствовании структуры свободного времени жителей сибирских городов, организации культурного досуга населения большую роль призваны были сыграть рабочие клубы. Посещение клубов в исследуемый период являлось типичным видом отдыха горожан. По данным Сибирского краевого совета профессиональных союзов в 1928 г. по 1607 профсоюзным организациям (без Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих), в которых насчитывалось 220 тыс. человек, клубами обслуживалось более 120 тыс. человек, красными уголками – более 165,8 тыс. чел.³⁶.

В 1928 г. в Сибирском крае действовало 215 клубов и 3 тыс. красных уголков, а в 1937 г. только на территории Новосибирской, Омской областей и Красноярского края насчитывалось более 5,3 тыс. клубных учреждений³⁷. Таким образом, можно сделать вывод, что большинство жителей городов Сибири имело возможность посещать клубы и красные уголки.

Одним из направлений приобщения людей к новым формам проведения досуга являлось вовлечение их в занятия в кружках при клубах. В них был широкий выбор любительских занятий. В 1928 г. в клубах Сибири действовало более 26 видов различных кружков³⁸. Из 1607 профсоюзных организаций Сибири в 1025 были созданы и работали различные кружки, их число достигало 4920, а количество занимающихся – 72850 чел.³⁹ Таким образом, в среднем каждый третий член профсоюза принимал участие в работе какого-либо кружка (расчет автора). Примерно такой же уровень охвата рабочих круж-

ковой работой сохранялся и в годы второй пятилетки. Так, в 1936 г., по данным профсоюзов Восточно-Сибирского края, в кружковую работу при клубах было вовлечено от 35 до 50 % рабочих⁴⁰.

Новым явлением повседневной культуры в 1920-е гг. становился туризм, бывший до революции способом использования свободного времени только для высших слоев общества. Государственные и общественные организации предпринимали целенаправленные усилия для пропаганды и распространения туризма как формы отдыха и расширения кругозора трудящихся. Так, Сибирский краевой совет профсоюзов в летний сезон 1927 и 1928 г. организовывал экскурсии в Горный Алтай. В группы туристов включались рабочие, которых рекомендовали местные профсоюзные организации городов Сибири. В 1927 г. было проведено семь экскурсий, в которых приняло участие 140 человек, в 1928 г. – 11 экскурсий, в поездке побывало 258 человек⁴¹. Рассказы участников о впечатлениях, полученных во время путешествия, становились своеобразной формой агитации за распространение туризма.

В 1928 г. в СССР было организовано Общество пролетарского туризма⁴². В городах Сибири также стали создаваться ячейки Общества, 70 % их членов составляли рабочие. 27 января 1930 г. в Сибири состоялась Первая краевая конференция Общества пролетарского туризма⁴³. Сибирские ячейки Общества развернули активную работу по организации туризма, вовлечению в свои ряды новых членов. Так, в Омске осенью 1929 г. было организовано отделение Общества, которое быстро завоевало признание у жителей города, интересующихся туризмом. Особенно часто проводились экскурсии на передовые предприятия, в живописные уголки природы и т.п.⁴⁴ В Иркутске на март 1931 г. насчитывалось 12 ячеек общества, в которые входило 700 человек, в Красноярске – 20 ячеек, охватывавших 900 членов Общества⁴⁵.

В 1930-е годы туризм продолжал развиваться и приобретать популярность. Так, в Западно-Сибирском крае в 1933 г. 245 человек отдохнули по путевкам Всесоюзных туристских маршрутов, 165 человек самостоятельно совершили путешествия по стране, в экскурсиях по городам и новостройкам Сибири участвовало 18367 человек. В 1935 г. эти показатели возросли соответственно до 264, 655 и 33263 чел.⁴⁶ Развитие туризма помогало становлению новых форм и навыков в организации и проведении отдыха жителей городов Си-

бири. Кроме того, внедрение в повседневную жизнь туризма и других активных форм отдыха положительно сказывалось на укреплении здоровья городского населения.

В целом рассмотренные формы культурно-просветительной работы, широко применявшиеся в годы первых пятилеток, помогали формированию у жителей городов Сибири культуры проведения свободного времени, свойственной индустриально-урбанистическому образу жизни. Следует особо подчеркнуть, что в процессе утверждения в повседневной жизни населения Сибири устойчивых привычек к новым формам проведения свободного времени большое значение имела целенаправленная работа государственных, профсоюзных, партийных и комсомольских организаций.

В тяжелейших условиях Великой Отечественной войны Сибирь не только сыграла огромную роль в укреплении экономического потенциала страны, наращивании выпуска оборонной продукции, формировании воинских соединений, но и способствовала сохранению и развитию традиций национальной культуры. Наряду с промышленными предприятиями и их кадрами, жителями угрожаемых районов на восток перемещались произведения искусства, крупные и высокопрофессиональные творческие коллективы. В сибирские города прибыли московские театры им. Е. Вахтангова, оперетты, детский, ленинградский им. А.С. Пушкина, Киевский и Харьковский оперы и балета, Минский, Днепропетровский драматические, джаз под руководством Л. Утесова, симфонический оркестр Е. Мравинского и другие.

В обстановке военного времени существенно менялся репертуар как эвакуированных, так и местных театральных и музыкальных коллективов, доминирующее звучание приобрела патриотическая тематика. При этом характерной чертой творческой деятельности стало обращение к героическим событиям из истории русского народа. Практически не сходил со сцены спектакль «Фельдмаршал Кутузов». Только Омский драматический театр за полтора месяца 1941 г. показал эту пьесу 39 раз. В городах постоянно ставились спектакли, раскрывавшие героизм и тяжелые будни солдат и офицеров на фронте. К их числу относились пьесы А. Корнейчука «Фронт», К. Симонова «Русские люди», Л. Леонова «Нашествие». Эти

спектакли были поставлены почти всеми драматическими театрами Сибири и пользовались большой популярностью.

На каждом спектакле Киевского театра оперы и балета в Иркутске присутствовало от 500 до 1000 чел., а на симфонических и прочих концертах, проводимых на стационарных площадках, свыше 500. Общая численность зрителей, посетивших спектакли и концерты театра оперы и балета им. Т. Шевченко за 17 месяцев пребывания его в Иркутске, составила 231,7 тыс. чел., причем почти половина из них просмотрели и прослушали их в клубах и цехах. Белорусский ордена Трудового Красного Знамени государственный театр только в течение 1943 г. дал 283 спектакля и обслужил 231 тыс. томичей.

Много сил и творческой энергии, времени для приобщения сибиряков к высшим достижениям театрального искусства, воспитания у них чувства прекрасного, формирования подлинных эстетических потребностей затратили находившиеся в эвакуации такие выдающиеся деятели культуры, как народные артисты СССР Ю.М. Юрьев, Е.К. Корчагина-Александровская, Н.К. Черкасов, В.В. Меркурьев, Н.К. Симонов и др.⁴⁷

Активно действовало Сибирское отделение Всесоюзного гастрольного концертного объединения (ВГКО), созданное в 1942 г. В 1943 г. его актеры дали 4310 выездных концертов. За два года работы Сибирского отделения ВГКО с 17 июня 1942 г. по 17 июня 1944 г. только в Новосибирске и области было поставлено 2406 концертов. Их посетило 1,2 млн. чел. Концертное бюро Ленинградской филармонии за 30 месяцев работы в Сибири лишь в одной Новосибирской области, включая районы Кузбасса, организовало 5750 выступлений профессиональных музыкантов. Это были симфонические, камерные и музыкально-драматические концерты, вечера романсов и эстрадные представления. Их посетило свыше 2 млн. чел. Ленинградская филармония в Новосибирске открыла городской университет литературы и искусства, а также его филиалы в Домах культуры: Железнодорожников в Первомайском районе, им. К. Цеткин и в Институте военных инженеров транспорта. Лекции по проблемам музыкальной культуры читали выдающиеся советские музыковеды И.И. Солертинский, М.С. Друскин, Ю.Я. Вайнкоп, О.С. Саркисов и др.⁴⁸

Заметным событием в культурной жизни Сибири стали выступления артистов ленинградского театра им. А.С. Пушкина Л. Борисова,

К. Адашевского и солиста Новосибирского радио И. Маланина с агитационно-пропагандистскими концертно-эстрадными программами антифашистского содержания под названием «Огонь по врагу». Сибиряков привлекали на эти концерты и актуальность тематики, и высокое художественное исполнение. Театральное представление проходило в форме диалога двух боевых друзей Шмелькова и Ветеркова под аккомпанемент баяниста И. Маланина и систематически транслировалось по радио на всю Западную Сибирь. Устраивались коллективные прослушивания в клубах, красных уголках, агитационных пунктах, госпиталях, воинских частях. К концу 1945 г. Новосибирский радиокomitee получил более 16 тыс. благодарственных писем от слушателей программы⁴⁹.

19 августа 1944 г. было принято решение восстановить Новосибирскую филармонию, организовать в ней симфонический оркестр, женский ансамбль сибирской песни и пляски, эстрадный оркестр, струнный квартет, группу солистов. 20 января 1945 г. трудящиеся города слушали первый концерт Новосибирского симфонического оркестра. В 1944 г. начал свою работу в Новосибирске театр оперетты. 14 июля 1944 г. Комитет по делам искусств при СНК СССР утвердил репертуарный план и штаты Новосибирского театра оперы и балета. И победный май 1945 г. стал месяцем рождения ныне знаменитой сибирской оперы, а «Иван Сусанин» М.И. Глинки – ее первым спектаклем⁵⁰.

С 1943 г. в Сибири происходило постепенное восстановление сети культурно-просветительных учреждений, игравших существенную роль в развитии массовой народной культуры. В Новосибирске до войны работали 25 клубов. Во второй половине 1941 г. их помещения были заняты военными организациями и оборонными предприятиями. В 1943 г. удалось вновь открыть 15 клубов. В них демонстрировались кинофильмы, читались лекции, ставились концерты художественной самодеятельности, проводились литературно-художественные вечера, создавались спортивные секции.

В цехах предприятий и рабочих общежитиях восстановили 110 красных уголков. Большинство из них было хорошо оформлено, имелись газеты и журналы, небольшие библиотеки, шахматы, шашки. Проводилась культурно-просветительная работа. На авиационном заводе им. В.П. Чкалова в цехах и общежитиях действовали 19 красных уголков. В 1943 г. в них состоялись 64 лекции на общест-

венно-политические темы, 21 встреча с фронтовиками, 87 литературных читки, 48 вечеров, посвященных знаменательным датам, организован 121 «культпоход» в театр и кино.

Любимым досуговым развлечением сибиряков являлось кино. Фильмы показывались в рабочих клубах один-два раза в неделю. Демонстрировались прежде всего киноленты, которые отражали события Великой Отечественной войны, способствовали воспитанию патриотических чувств: «Нашествие», «Жди меня», «Во имя Родины», «Секретарь райкома», «Радуга», «Зоя», «Подводная лодка Т-9», «В 6 часов вечера после войны» и другие. Показывались и документальные фильмы, которые служили тем же целям: «Разгром немцев под Москвой», «Ленинград в борьбе», «День войны», «Сталинград», «Орловская битва», «Народные мстители».

В 1943 г. в Новосибирске, например, действовали 4 кинотеатра и 72 ведомственные киноустановки. Были организованы общегородской и три заводских кинолектория, в которых перед демонстрацией фильмов читались лекции на историко-патриотические темы, о положении на фронте, «зверином облике фашизма»⁵¹.

В военных условиях составной частью народной культуры оставалась художественная самодеятельность. Несмотря на сокращение базы ее развития, она продолжала занимать важное место в духовной жизни сибиряков. Даже в первый период войны не прекращалась работа по организации самодеятельного творчества. Более того, если распространенность художественной самодеятельности в течение 1941–1942 гг. была несколько меньшей, чем до войны, то ее уровень значительно повысился. Ведущую роль в этом сыграло шефство профессиональных актеров над кружками художественной самодеятельности. Репертуар был приспособлен к условиям военного времени и направлен на мобилизацию тружеников тыла на выполнение заказов фронта. На первое место выдвинулись агитационно-пропагандистская и идейно-воспитательная функции. Содержание выступлений участников кружков приблизилось к задачам производственной деятельности. Частушки, сатирические рассказы, одноактные пьесы и скетчи вскрывали недостатки в работе отдельных участков производства, подвергали критике рабочих, не выполнявших производственные задания, поощряли передовиков.

В 11 профсоюзных клубах и Дворцах культуры Томской железной дороги в 1942 г. самодеятельные артисты дали 557 концертов,

на которых присутствовало 225,5 тыс. чел. В 12 шахтерских клубах Кузбасса в годы войны работал 51 коллектив художественной самодеятельности в составе 650 чел. В городах Сибири устраивались конкурсы на лучшее исполнение песен, танцев и стихов. Проводились также областные и краевые смотры художественной самодеятельности. В числе лучших были признаны самодеятельные коллективы клуба Строителей, Дворца культуры металлургов, Дворцов культуры им. Октябрьской революции, им. К. Цеткин, концертные бригады Инского железнодорожного клуба (Новосибирск), цементного завода (Искитим), строительного участка № 379 (Барнаул) и др.

Общая тенденция развития самодеятельного народного творчества в Сибири отчетливо проявилась в г. Новосибирске. Перед войной здесь насчитывалось свыше 100 коллективов художественной самодеятельности. В 1943 г. их осталось 68 с числом участников 1100 чел. Но работали они очень активно. Организовывались выступления на предприятиях, в госпиталях, воинских частях. Во время сева и уборки урожая самодеятельные артисты выезжали в сельские районы. Коллектив художественной самодеятельности клуба им. Клары Цеткин объединял 40 чел. За 1943 г. на сцене клуба они дали 65 концертов, которые посетили свыше 20 тыс. новосибирцев. Кроме того, состоялись 20 концертов в подшефном госпитале, много выступлений в колхозах и совхозах области. В январе 1944 г. самодеятельные артисты клуба выехали в Мурманск для обслуживания подразделений Северного флота, где в течение двух месяцев ежедневно выступали перед моряками.

Летом 1943 г. в Новосибирске проходили заводские и районные смотры художественной самодеятельности, пользовавшиеся большой популярностью у жителей города. С 15 августа по 15 декабря продолжался городской смотр, в ходе которого свое искусство показали 477 лучших исполнителей⁵².

И в военное время сохранялся интерес к печатному слову. Миллионными тиражами были изданы рассказы А. Толстого, Н. Тихонова, К. Симонова, М. Шолохова. Большой популярностью у сибиряков пользовались публицистические статьи и очерки И. Эренбурга, Б. Горбатова, В. Вишневского, В. Ставского, П. Павленко. Писатели и поэты Сибири подчинили свою деятельность мобилизации народа на борьбу с врагом. Высокого уровня достигла в годы войны сибирская поэзия. Произведения сибирских поэтов отличались злободневно-

стью, высоким патриотизмом. Широкую известность получило творчество Л. Мартынова, И. Рождественского, П. Драверта, Л. Черноморцева, К. Лисовского, И. Мухачева, А. Смердова. В 1942–1945 гг. в Омске и Красноярске вышли сборники стихов Л. Мартынова «За Родину», «Мы придем», И. Рождественского «В боевом строю», Л. Черноморцева «Мое оружие», сборники фронтовых рассказов «Смерть немецким оккупантам», «Родине, фронту, победе»⁵³.

Большую просветительную деятельность в годы войны вели сибирские музеи. Они перенесли работу в массы, организуя передвижные выставки, витрины. Работники музеев шли с лекциями и докладами на заводы и фабрики, в учреждения и воинские части. Сотрудники Третьяковской галереи, находившейся в эвакуации, устраивали семинары, проводили беседы о героическом прошлом русского народа, о гуманизме и народности русской культуры. За три года пребывания в Сибири они прочитали около 1500 лекций для трудящихся. В Новосибирске не раз устраивались выставки произведений из фондов галереи, которые знакомили сибиряков с лучшими произведениями русской и зарубежной живописи, скульптуры. Всего эти выставки посетило свыше 400 тыс. чел.⁵⁴

Таким образом, в трагичные военные годы культурная жизнь в сибирском регионе не замерла, а, напротив, получила новые импульсы развития, приобрела своеобразные черты. Большую роль в приобщении сибиряков к ценностям искусства сыграли эвакуированные высокопрофессиональные учреждения культуры, выдающиеся представители творческой интеллигенции Москвы, Ленинграда, Белоруссии, Украины. Усилилась патриотическая направленность деятельности драматических, музыкальных и других коллективов, писателей и поэтов. Характерным стало обращение к героическому прошлому русского народа. В целом культура, как и другие сферы, практически полностью была подчинена решению задач борьбы с фашизмом, оказывала существенное мобилизующее воздействие на тружеников сибирского тыла.

После окончания Великой Отечественной войны в стране был восстановлен 8-часовой рабочий день, вновь вводилась система отпусков, стало реализовываться право трудящихся на отдых в воскресенье. Произошли перемены в сети культурно-просветительных учреждений Сибирского региона, игравших заметную роль в организации свободного времени жителей. В 1956 г. по сравнению с

1940 г. число киноустановок увеличилось с 2775 до 7036, или в 2,5 раза, библиотек с 7112 до 12025 (на 69 %), клубов, домов и дворцов культуры с 11187 до 12282 (на 10 %). В то же время сократилось число музеев с 56 до 53 и театров с 56 до 41⁵⁵. В ряде мест были также закрыты небольшие клубы и библиотеки. Это сокращение официально объяснялось необходимостью ликвидации «маломощных учреждений, не имевших перспектив для роста». В действительности такая политика была связана с экономией средств на развитие социально-культурной сферы, приводила к ограничению возможностей населения в приобщении к духовной культуре.

Сеть культурно-просветительных учреждений не обеспечивала потребностей жителей городов Сибири. В Новокузнецке, где в 1946 г. проживало 230 тыс. чел., действовали один драматический театр и один кинотеатр, 16 клубов, из которых 14 размещались в ветхих помещениях барачного типа, 7 массовых библиотек. В Омске в 1949 г. не имели своих клубов 29 промышленных предприятий, в том числе такие крупные заводы, как шинный, моторостроительный, Сибзавод. В Томске в 1951 г. в таком же положении находились трудовые коллективы заводов резиновой обуви, электромоторного, швейной фабрики и др. В Кемеровской области в 1957 г. из 637 предприятий клубами, домами и дворцами культуры располагали только 190. Большинство клубов размещались в малоприспособленных помещениях, обычно состояли из зрительного зала, сцены, фойе, испытывали острую нехватку комнат для работы кружков⁵⁶.

Вместе с тем в городах Сибири были построены немногочисленные, но хорошо оборудованные дворцы и дома культуры, отражающие своим обликом архитектурные вкусы эпохи. Они, безусловно, способствовали оживлению и развитию культурно-просветительной работы. Однако высокая стоимость этих зданий не могла не сказаться на строительстве других учреждений культурного профиля.

В послевоенный период особенно быстро расширялась киносеть, что обуславливалось, с одной стороны, огромным интересом людей к киноискусству, а с другой – коммерческой прибыльностью кинопроката, доходы от которого существенно пополняли государственный бюджет. В 1950-е гг. в сибирских городах сдавались в эксплуатацию кинотеатры, имеющие два кинозала и вмещающие большое число зрителей. В Новосибирске в 1952 г. открылся кинотеатр «По-

беда» – в то время один из лучших в Сибири. В областных и краевых центрах стали действовать первые широкоэкранные кинотеатры.

В послевоенные годы активно осуществлялась радиофикация региона. Если в 1949 г. в квартирах и домах трудящихся Новосибирской области было оборудовано 94 тыс. радиотрансляционных точек, то в 1960 г. – 332,5 тыс. Число радиоприемников, имеющихся у населения, за этот же период увеличилось с 10 тыс. до 128,7 тыс. В Красноярском крае количество радиоточек в 1953 г. составило 150 тыс., тогда как в 1946 г. их было 60 тыс. В Иркутской области в 1960 г. радиопередачи могли слушать 92,5 % жителей, имевших свыше 100 тыс. радиоприемников и 197 тыс. радиотрансляционных точек⁵⁷. Радио вошло в быт практически каждой городской семьи. Прослушивание радиопередач стало привычной формой проведения досуга.

Своеобразие второй половины 1950-х гг. состояло в том, что в это время было положено начало развитию телевидения в Сибири. Одним из первых в 1956 г. вступил в строй томский телецентр. К середине 1956 г. в области было зарегистрировано 3142 телевизора, а в конце 1957 г. их число превысило 10 тыс. В феврале 1956 г. в Барнауле начал действовать телецентр с временной передающей установкой, которая позволяла принимать передачи в радиусе 20–40 км. В следующем году стали осуществляться телетрансляции из Бийска и Рубцовска. Население этих трех городов и прилегающих к ним районов имело в конце 1957 г. около 7 тыс. телевизоров. В эксплуатацию были сданы также телецентры в Тюмени, Омске и Новосибирске.

В Восточной Сибири первая студия телевидения была создана в декабре 1957 г. в Иркутске. Несмотря на трудности в освоении нового дела, она сумела подготовить ряд интересных, содержательных по творческому замыслу передач. Их прием обеспечивали около 20 тыс. телевизоров, приобретенных жителями области.

Открытие телецентра в конце 1957 г. стало большим событием в культурной жизни трудящихся Красноярска. В следующем году вышли в эфир первые передачи Норильской студии телевидения. Несколько позднее оно появилось в Забайкалье. В 1961 г. был введен в действие телевизионный центр в Улан-Удэ⁵⁸.

Таким образом, в послевоенный период расширилась материальная база культурной сферы. Однако отчетливо проявилась тенден-

ция неравномерного развития ее отдельных элементов. Значительно выросла киносеть, увеличилось число библиотек, домов и дворцов культуры. В то же время сократилось количество театров и музеев. Практически завершилась радиофикация городов. В семьях сибиряков зажгли экраны первых телевизоров. Все это влияло на жизненный уклад людей, формы проведения свободного времени.

Наиболее распространенной и массовой среди них было посещение кинотеатров. Если в 1940 г. в городах Алтайского края на киносеансах побывали 2 млн. чел., то в 1950 г. – 6,5, а в 1960 г. – 17,2 млн. Каждый зритель в 1950-е гг. просматривал здесь ежегодно в среднем около 20 кинофильмов. В Томской области киносеансы в 1950 г. посетили 2,7 млн. горожан, в 1955 г. – 6,3, а в 1958 г. – 7,3 млн. В Новосибирске число кинозрителей увеличилось с 7,7 млн. в 1948 г. до 12 млн. в 1954 г. Один житель города посещал кино примерно 2 раза в месяц. В Бурятской АССР кинотеатры и клубы в 1940 г. обслужили 2 млн. чел., в 1946 г. – 1,6, в 1952 г. – 5,1 млн.

В первое послевоенное десятилетие повсеместно и неоднократно демонстрировались такие кинофильмы, как «Великое зарево», «Клятва», «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 г.», «Сталинградская битва», «Падение Берлина», «Третий удар» и др., которые считались «лучшими произведениями советского киноискусства». Киноленту «Молодая гвардия» в Новосибирске просмотрели 239 тыс. чел., «Повесть о настоящем человеке» – 160 тыс. Более 100 тыс. зрителей посетили кинотеатры города, когда демонстрировались картины «Суд чести», «Далекая невеста», «Встреча на Эльбе», «Академик Иван Павлов» и др.⁵⁹

Послевоенные годы отмечены повышением интереса трудящихся к театральному искусству. Несмотря на сокращение сети театров в Сибири, их посещение было одной из массовых форм проведения досуга городского населения. Театральные коллективы Красноярского края в 1946 г. обслужили 607 тыс. чел., или значительно больше, чем в последний предвоенный год. Репертуар включал произведения советской драматургии, русской и зарубежной классики. Зрители увидели спектакли «Иван Грозный» А. Толстого, «Нашествие» Л. Леонова, «Под каштанами Праги», «Так и будет» К. Симонова, «Давным-давно» Ф. Гладкова, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Сын полка» В. Катаева. Большой популярностью пользовались русские классические пьесы: «Чудаки», «Мещане», «Васса Железнова» М. Горь-

кого, «Дядя Ваня» А. Чехова, «Гроза», «Волки и овцы», «Бесприданница», «Таланты и поклонники» А. Островского, «Горе от ума» А. Грибоедова. С успехом прошли спектакли «Укрощение строптивой» В. Шекспира, «Собака на сене» Лопе де Вега, «Стакан воды» Э. Скриба. В 1949 г. Красноярский драматический театр им. А.С. Пушкина, краевой театр музыкальной комедии, Хакасский областной театр русской драмы, Ачинский городской драматический театр и другие творческие коллективы осуществили 3,2 тыс. постановок, на которых побывали свыше 600 тыс. чел.⁶⁰

Одной из форм проведения свободного времени, способствующей активному освоению духовной культуры, является чтение. Повышение роли чтения в культурной жизни сибиряков определялось прежде всего ростом их образовательного уровня. Если в 1939 г. в расчете на 1 тыс. жителей в Западной Сибири приходилось 72 чел., имевших высшее и среднее (полное и неполное) образование, то в 1959 г. – 319, в Восточной Сибири – соответственно 90 и 336 чел.⁶¹ В регионе увеличился выпуск печатных изданий. В Омской области в 1940 г., было опубликовано 358 тыс. экз. книг, а в 1960 г. – 1427 тыс., журналов – соответственно 48 тыс. и 447 тыс. На 1 тыс. жителей в 1940 г. здесь издавалось 257 экз. книг и 34 экз. журналов, в 1960 г. – 840 и 263. В середине 1950-х гг. в Сибири выходили в свет 679 газет (без учета низовых) и 79 журналов тиражом соответственно 530 млн. и 4,2 млн. экз.

Возрастала подписка на периодическую печать. Если в 1950 г. население Новосибирской области выписывало 299 тыс. экз. газет и журналов, то в 1952 г. – 370 тыс. Жители Томска в 1958 г. подписались на 23,5 тыс. экз. центральных, более 27 тыс. экз. местных газет и на 35 тыс. экз. журналов.

Расширилась книжная торговля. Если в 1940 г. в Красноярском крае в расчете на одного человека было продано книг на сумму 3,2 руб., то в 1952 г. – на 10 руб. В Томской области в 1957 г. реализация книг на душу населения составила 13,2 руб., тогда как в 1952 г. – 6,6 руб. Однако развитие книготорговой сети в Сибири отставало от быстро растущего спроса населения. В Новосибирске, например, в 1960 г. один книжный магазин в среднем обслуживал 74 тыс. жителей. При издании и реализации литературы слабо учитывались интересы покупателей, в торговых организациях накапливались запасы непроданных книг⁶².

Тем не менее увеличение расходов на приобретение газет, журналов и книг являлось характерной чертой бюджета сибиряков в 1950-е гг. Если в 1954 г. в среднем одна рабочая семья в городах Сибири тратила на их покупку ежемесячно 5 руб., то в 1960 г. – 13 руб. При этом проявлялась дифференциация в затратах на литературные и периодические издания у отдельных категорий населения. В 1959 г. рабочие промышленных предприятий Красноярского края расходовали на покупку газет, журналов и книг в расчете на одну семью 22 руб. в месяц, рабочие совхозов – 4, а ИТР, врачи, учителя – 54 руб. Следовательно, промышленные рабочие приобретали различных изданий гораздо больше, чем сельскохозяйственные, но существенно уступали в этом отношении представителям интеллигенции⁶³.

Вместе с тем необходимо заметить, что покупка литературы в послевоенный период не отражала достаточно точно действительный интерес трудящихся к чтению. Многие из них «общались» с книгой преимущественно при посредстве публичных библиотек, которые к концу 1950-х гг. в городах Сибири обслуживали в несколько раз больше читателей, чем накануне войны. Среди библиотечных работников было немало подлинных энтузиастов своего дела. Они не сводили деятельность к выдаче или получению литературы, а стремились руководить чтением, воспитывали у людей любовь к книге. Этому способствовали так называемые громкие читки, литературные вечера, читательские конференции. Такие формы библиотечной работы особенно активно стали практиковаться в 1950-е гг. Так, библиотека новосибирского клуба «Транспортник» в 1953 г. организовала в общежитиях 36 читок по книге сибирского писателя А. Никулькова «Достойные счастья». Трудящиеся завода «Сибсельмаш» приняли участие в семи читательских конференциях, на которых обсуждались романы А. Волошина «Земля Кузнецкая» и С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды». Рабочие, ИТР и служащие завода «Тяжстанкогидропресс» в 1959 г. провели содержательное обсуждение книг Г. Николаевой «Битва в пути» и А. Кузнецова «Продолжение легенды».

В трудовом коллективе Иркутского завода тяжелого машиностроения им. В.В. Куйбышева неоднократно выступал писатель Г.М. Марков. Он консультировал членов заводского литературного кружка, участвовал в литературных вечерах. Прозаики и поэты часто встре-

чались со строителями Братской ГЭС, алюминиевого завода, высоковольтной линии Иркутск – Братск⁶⁴. Такие формы культурно-просветительной работы помогали лучше понять прочитанное, способствовали духовному развитию и росту читательских интересов трудящихся.

Социологические обследования, проведенные в начале 1960-х гг. в городах Красноярского края, показали, что затраты времени у одного работающего на чтение газет, журналов и книг составили в среднем 8,2 ч в неделю, тогда как в середине 1950-гг. – 5,6 ч.⁶⁵

Во второй половине 1950-х гг. культурно-просветительные учреждения стали чаще организовывать разнообразные вечера и диспуты, получили распространение объединения жителей по интересам – клубы молодых семей, пенсионеров, новаторов производства и др. Например, клуб «Гидростроитель» в Братске в 1958 г. провел более 20 тематических вечеров, на которых присутствовало свыше 6 тыс. человек. В начале 1959 г. интересно и содержательно прошли вечера на темы «Молодежь на строительстве Братской ГЭС» и «Тебе мой труд, любимая Отчизна». На одном из них строители, первыми пришедшие к Падунскому порогу, рассказали о том, как они трудятся, учатся, организуют свой досуг. На другом вечере состоялась встреча с первой на стройке бригадой коммунистического труда, возглавляемой Т. Гайнулиным⁶⁶.

Жители Сибири не только являлись объектом культурно-просветительной деятельности, но и участвовали в развитии духовной культуры. Для послевоенных лет характерен количественный и качественный рост художественной самодеятельности, которая представляла один из способов выражения творческих потребностей людей, содействовала рациональному использованию свободного времени. В небольших поселениях и отдаленных районах крупных городов, где отсутствовали театры и другие профессиональные культурно-просветительные учреждения, самодеятельные артисты были наиболее активными проводниками искусства в массы, знакомили жителей с драматическими и музыкальными произведениями.

Если в 1950 г. в самодеятельности профсоюзных организаций Сибири действовали 8,5 тыс. кружков, в которых состояло 160 тыс. рабочих, ИТР и служащих, членов их семей, то в 1960 г. количество любительских коллективов превысило 26 тыс. и в них занимались около 500 тыс. чел. Во второй половине 1950-х гг. произошли изме-

нения в репертуаре самодеятельных артистов. Перестали исполняться произведения, прославлявшие «вождя всех времен и народов», такие как «Кантата о Сталине», «Лети, победы песня» и др. В то же время со стороны партийных органов сохранялся сильный идеологический контроль за содержанием выступлений, их идейно-политической выдержанностью⁶⁷.

Укрепились связи между самодеятельным и профессиональным искусством. Выработались такие формы сотрудничества, как заключение договоров о содружестве, шефство мастеров профессиональной сцены над любительскими коллективами, руководство опытными артистами самодеятельными кружками. В Новосибирске при театрах были созданы самодеятельные коллективы-спутники. Театр оперы и балета организовал балетную студию и самодеятельный хор, «Красный факел» – театральную студию, юного зрителя – самодеятельный детский театр, филармония – любительские симфонический оркестр и хоровую капеллу, Сибирский народный хор – самодеятельный хоровой коллектив, отделение Союза художников – студию самодеятельных живописцев. Эти связи были взаимовыгодными. Повышался творческий уровень художественной самодеятельности, что, в свою очередь, способствовало притоку в «большое искусство» новых молодых дарований.

Многие любительские коллективы не ограничивали свою деятельность концертами, в которых преобладали песни и танцы, а осуществляли постановки сложных музыкальных и драматических произведений, для чего требовалась большая подготовка и артистические способности. В число лучших в Сибири входил хор красноярского Дворца культуры железнодорожников. В 1949 г. ему удалось поставить третий акт оперы А. Даргомыжского «Русалка». В 1955 г. красноярские железнодорожники на высоком профессиональном уровне исполнили оперу С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». Самодеятельные артисты клуба Барнаульского меланжевого комбината в 1959 г. успешно поставили оперу А. Бородина «Князь Игорь», а драматический кружок клуба им. К. Цеткин новосибирского завода «Сибсельмаш» сыграл трагедию В. Шекспира «Ромео и Джульетта».

Профессиональное художественное мастерство в 1950-е гг. демонстрировала самодеятельность Дворца культуры металлургов в Новокузнецке. Для хора, состоявшего из 50 чел., которым руково-

дил выпускник Кемеровского музыкального училища И.А. Ступин, были характерны высокая вокальная культура, собранность и внимание к дирижерским указаниям. Песни в его исполнении звучали чисто и слитно. Лучшим в Кемеровской области был духовой оркестр металлургов под управлением Л.М. Исаева. Игра музыкантов отличалась четким ритмом, разнообразием интонационных оттенков и их тембровой окраской. О мастерстве самодеятельных артистов свидетельствует тот факт, что они исполняли первую часть Пятой симфонии Л. Бетховена.

Далеко за пределами Новокузнецка было известно искусство танцоров хореографического коллектива Дома культуры строителей, созданного в 1948 г. энтузиастом-балетмейстером В.Ф. Павловой. В этом коллективе занимались люди самых разных возрастов и профессий. Среди них – монтажники П. Мухортов и В. Сергеев, машинист крана Л. Зыкина, маляры З. Петрова и М. Грибова, электрик Л. Ивлев и др. Более 10 участников самодеятельности стали впоследствии профессиональными артистами, причем несколько человек были приняты в труппу Новосибирского театра оперы и балета. В творческом репертуаре самодеятельного коллектива было свыше 50 различных постановок, которые имели неизменный успех у зрителей. Ему выпала честь выступать в Колонном зале Дома союзов и на других столичных площадках в дни VI Всемирного фестиваля молодежи в Москве. В 1956 и 1961 гг. на заключительном концерте Всесоюзного смотра художественной самодеятельности балетная группа новокузнецких строителей была удостоена звания лучшего самодеятельного коллектива профсоюзов СССР. Создателю этого талантливого хореографического ансамбля балетмейстеру В.Ф. Павловой было присвоено звание народной артистки РСФСР⁶⁸.

В конце 1950-х гг. лучшие самодеятельные кружки в городах Сибири были преобразованы в народные театры, представляющие собой высшую форму художественной самодеятельности. В Новосибирске это почетное звание было присвоено любительским театральным коллективам клубов им. К. Цеткин, им. С.М. Кирова, им. М.И. Калинина, «Транспортник», а также клубных учреждений новосибирского завода «Гажстанкогидропресс» и Бердского радиозавода. В репертуар народных театров, в которых занимались свыше 400 чел., входили пьесы В. Шекспира, А. Островского, В. Маяковского, В. Вишневского, К. Тренева, А. Арбузова и др. Для руководства народными

театральными коллективами при облсовпрофе был организован художественный совет, состоявший из профессиональных артистов и режиссеров, работников управления культуры облисполкома и представителей художественной самодеятельности.

В Омске первый народный театр был создан на базе двух самодеятельных кружков во Дворце культуры Октябрьского района. Его творческий коллектив насчитывал 90 чел., в том числе 55 рабочих, 35 ИТР, служащих и студентов. Они знакомились с классической музыкой, овладевали мастерством танца, художественного слова, дикции и пения. Руководили самодеятельным коллективом и вели большую учебную работу артисты областного драматического театра С.В. Мишулин и Л.Б. Борисова. В 1959 г. были поставлены пьесы «Дети Ванюшина», «Залп Авроры», «Когда цветет акация». Всего состоялось 22 спектакля, на которых побывали сотни омичей⁶⁹.

Народные театры, созданные во всех городах Сибири, способствовали эстетическому воспитанию населения, повышению роли искусства в духовной жизни людей и организации их свободного времени.

Смягчение международного климата во второй половине 1950-х гг., «хрущевская оттепель» в СССР способствовали возникновению такой новой для советских людей формы использования свободного времени, как зарубежный туризм. Причем поездки организовывались не только в «страны народной демократии», но и в Бельгию, Швецию, Турцию, Грецию, Индию, Ливан, Египет и другие государства. За 1956–1959 гг. в них побывали по путевкам профсоюзов 1200 новосибирцев, 474 тюменца, 875 красноярцев, 500 читинцев, 470 якутян. Однако такие поездки оставались практически недоступны для подавляющего большинства трудящихся. В них направлялись преимущественно работники административно-управленческого аппарата и представители интеллигенции. По отношению к общему числу туристов, выезжавших из Новосибирской области за рубеж, рабочие в 1958 г. составили лишь 8 %, в 1959 г. – 15 %⁷⁰. Основная часть населения была лишена возможности непосредственно познакомиться с культурой, бытом и общественно-политической жизнью народов зарубежных стран.

Более широкое распространение в этот период получил внутрисоюзный туризм, который стал одной из новых позитивных форм использования свободного времени. Если до середины 1950-х гг. в

Тюменской области в турпоходы отправлялись лишь отдельные группы физкультурников, то в 1959 г. в них участвовало свыше 2 тыс. рабочих, ИТР и служащих, студентов и школьников. Жители Новосибирска в 1958–1959 гг. совершили 68 походов по живописным местам Горной Шории, Алтая, побережья озера Байкал. Кроме того, более 25 тыс. чел. провели выходные дни в коротких, но увлекательных путешествиях по окрестностям Новосибирской области.

Первый в Сибири клуб туристов был создан в Чите. В 1958 г. он организовал 130 походов, в которых побывали свыше 3 тыс. жителей города. В следующем году совершили путешествия по окрестностям озер Арахлей и Арей, долинам рек Ингоды, Онона, Чикоя, другим чудесным местам Забайкалья около 7 тыс. чел.⁷¹ Туристские походы, входившие в жизнь городского населения Сибири, не только давали людям заряд бодрости и здоровья, но и способствовали воспитанию чувства патриотизма, любви к Родине, т.е. являлись существенным фактором культурного развития.

Итак, в послевоенный период восстановление и прогресс экономики, укрепление материальной базы социальной сферы создавали реальные предпосылки для развития народной культуры, улучшения условий досуга и отдыха населения. Возросла роль культурно-просветительных учреждений в духовной жизни людей. Они чаще стали посещать кино, театры, различные вечера, больше времени уделять чтению газет, журналов и книг. Однако в содержании культурно-просветительной работы сохранялись существенные противоречия. Если в первое послевоенное десятилетие она испытывала сильное воздействие догматизма и начетничества и ориентировалась на пропаганду культа личности в массах, то во второй половине 1950-х гг. на деятельности культурно-просветительных учреждений непосредственно отражались упрощенные представления о проблемах коммунистического строительства, что вело к ее отрыву от реальных жизненных процессов, игнорированию острых нерешенных вопросов и трудностей в экономике, общественно-политической и социально-культурной сферах.

В заключение мы можем сделать вывод, что одним из важнейших направлений деятельности по индустриальному освоению Сибири для партийно-государственных органов, как и находившихся под их контролем общественно-политических организаций, выступала культурно-просветительная работа. Она была призвана помочь форми-

рованию у населения Сибири необходимых для промышленного производства культурно-антропологических качеств.

Следует подчеркнуть, что в рассматриваемый период в городах Сибири была создана небывалая по масштабам и задачам система культурно-просветительной работы. Происходило массированное воздействие государства и правившей коммунистической партии на сознание и повседневную жизнь людей, особенно интенсивной идеологической обработке подвергалось городское население, прежде всего, рабочий класс.

Как и любое историческое явление, данный процесс нельзя рассматривать односторонне, оценивать только положительно или отрицательно. С одной стороны, сегодня мы можем критически относиться к принудительному насаждению коммунистической идеологии со стороны правившей партии и государства. Но с другой стороны, следует по достоинству оценить позитивную роль огромной культурно-просветительной работы, проводившейся в советский период. В частности, усилия государственных и общественно-политических организаций по развертыванию культурно-просветительной работы бесспорно имели важное значение в процессе индустриального освоения Сибири, способствовали утверждению в повседневной жизнедеятельности населения сибирских городов новых норм и ценностей индустриально-урбанистического общества.

¹ **Московский А.С.** Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1968. С.86-87.

² **Власть труда.** 1929. 7 дек.

³ **Социальное развитие рабочего класса СССР.** М., 1977. С.207.

⁴ **ГАИО.** Ф.Р-2280. Оп.2. Д.491. Л.14.

⁵ **Революция и культура.** 1929. № 2. С.49.

⁶ **ГАРФ.** Ф.5451. Оп.12. Д.594. Л.30.

⁷ **ГАИО.** Ф.Р-2280. Оп.2. Д.404. Л.91.

⁸ **Восточно-Сибирская правда.** 1930. 24 сент.

⁹ **ГАНУ.** Ф. П-3. Оп.1. Д.650. Л.133-147.

¹⁰ **ГАРФ.** Ф.5451. Оп.12. Д.775. Л.55.

¹¹ **Социальное развитие рабочего класса СССР.** С.207.

¹² **ГАРФ.** Ф.5451. Оп.19. Д.408. Л.11.

-
- ¹³ Там же. Д.407. Л.38.
- ¹⁴ **ГАИО.** Ф.Р-2280. Оп.2. Д.519. Л.76.
- ¹⁵ Там же. Л.109, 125.
- ¹⁶ **Ленинский шахтер.** 1936. 31 дек.
- ¹⁷ **ГАНО.** Ф.Р-627. Оп.1. Д.1207. Л.112.
- ¹⁸ **Буторин В.П.** Просвещение рабочих Западной Сибири. 1928 – 1933. Новосибирск, 1977. С.97.
- ¹⁹ **Советская Сибирь.** 1926. 10 февр.; **ЦХАФАК.** Ф.Р-78. Оп.2. Д.152. Л.28.
- ²⁰ **Жизнь Сибири.** 1929. № 1. С.106.
- ²¹ **Буторин В.П.** Просвещение рабочих... С.97; **Московский А.С.** Рост культурно-технического уровня рабочих Сибири. 1920–1937 гг. Новосибирск, 1979. С.273.
- ²² **Молодежь СССР.** Стат. сборник. М., 1936. С.268.
- ²³ **ГАИО.** Ф.Р-2280. Оп.2. Д.583. Л.37; Ф.Р-604. Оп.1. Д.35. Л.5.
- ²⁴ **Власть труда.** 1927. 13 апр.
- ²⁵ **ГАНО.** Ф.Р-627. Оп.1. Д.404. Л.10.
- ²⁶ Там же. Л.13.
- ²⁷ **ГАИО.** Ф.Р-2280. Оп.2. Д.84. Л.82.
- ²⁸ **ГАРФ.** Ф.5451. Оп.16. Д.745. Л.4-5.
- ²⁹ **ГАИО.** Ф.Р-2280. Оп.2. Д.519. Л.109.
- ³⁰ **Молодежь СССР.** Стат.сборник. С.270.
- ³¹ Там же. С.268.
- ³² **Власть труда.** 1926. 6 янв.
- ³³ **Томский зритель.** 1927. № 2. С.9.
- ³⁴ **ГАОО.** Ф.Р-1152. Оп.1. Д.1209. Л.7.
- ³⁵ **Проф. движение.** 1929. № 8. С.15.
- ³⁶ **ГАРФ.** Ф.5451. Оп.12. Д.773. Л.55.
- ³⁷ **Буторин В.П., Казанцева Л.К., Московский А.С.** Роль клубов и театров Сибири в формировании духовного облика рабочих в годы первых пятилеток. 1928-1937 гг. // Культура и быт рабочих Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1980. С.135.
- ³⁸ **ГАРФ.** Ф.5451. Оп.12. Д.785. Л.26.
- ³⁹ Там же. Д.549. Л.74.
- ⁴⁰ **ГАИО.** Ф.Р-2280. Оп.2. Д.411. Л.8.
- ⁴¹ **ГАРФ.** Ф.5451. Оп.12. Д.601. Л.33-35.
- ⁴² Там же. Л.4-18.
- ⁴³ **Молодой рабочий.** 1930. 20 янв.
- ⁴⁴ **ГАОО.** Ф.Р-690. Оп.1. Д.98. Л.244; Ф.Р-337. Оп.4. Д.31. Л.21.
- ⁴⁵ **Восточно-Сибирская правда.** 1931. - 25 марта.
- ⁴⁶ **ГАНО.** Ф.П-3. Оп.10. Д.1146. Л.27-28.

-
- ⁴⁷ **Рабочий** класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск: Наука. 1984. С.144-145.
- ⁴⁸ **Сибирь** в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1977. С. 299-301.
- ⁴⁹ **ГАНО**. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 67. Л. 40.
- ⁵⁰ **Рабочий** класс Сибири в период упрочения и развития социализма. С. 145.
- ⁵¹ **Букин С.С.** Жизненная среда Новосибирска в военное лихолетье.// Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск, 2004. С. 109-110.
- ⁵² **ГАНО**. Ф. 22. Оп. 1. Д. 255. Л. 72-79; Ф. 1376. Оп. 1. Д.66. Л. 6-7.
- ⁵³ **Из истории** литературы Сибири. Вып. 2. Красноярск. 1977. С. 107.
- ⁵⁴ **Из истории** партийных организаций Западной Сибири. Омск, 1967. С. 230.
- ⁵⁵ Рассчитано по данным: **Культурное** строительство РСФСР. Стат. сб. М., 1958. С. 10-11; 16-17, 50-51, 92-93, 96-96, 134-137, 140-141, 148-149, 156-157, 180-181.
- ⁵⁶ **НФ ГАКО**. Ф. 143. Оп. 98. Д.1.Л. 19; **ГАРФ**. Ф.5451.Оп. 25а. Д. 3136.Л.25; Оп.28. Д.367. Л.117-118; Д.1656. Л.109; **ГАТО**. Ф. 1598. Оп.1. Д.26. Л.13; **ГАНО**. Ф. 1650. Оп.1. Д.33. Л.17.
- ⁵⁷ **Советская** Сибирь. 1949. 7 мая; **ГАНО**. Ф.4. Оп.33. Д.2524. Л.4; **ЦХИДНИКК**. Ф.26. Оп. 16. Д. 481. Л. 46; Оп. 25. Д. 29. Л. 97; **ЦДНИИО**. Ф.127. Оп. 61. Д. 24. Л. 21; **Культурное** строительство в Иркутской области (1917-1965 гг.) Сб. документов. Иркутск. 1980. С. 243-244.
- ⁵⁸ **ГАТО**. Ф. 1598. Оп. 1. Д. 81.Л. 17; **РГАСПИ**. Ф. 556. Оп.2. Д. 837. Л.106; Д. 1274. Л. 84; Оп. 3. Д. 1. Л. 170; Д.1242. Л. 24; **Васильевская Э.В.** Из истории развития телевидения в Западной Сибири.// Проблемы истории Советской Сибири. Новосибирск, 1973. С. 319-321; **ГАНО**. Ф. 22. Оп.1. Д. 881. Л. 51; **ЦДНИИО**. Ф. 127. Оп. 61. Д. 24. Л. 21-26; **Культурное** строительство в Иркутской области. С. 241-243; Очерки истории Красноярской партийной организации. Красноярск, 1970. Т. 2. С. 272; **ЦХИДНИКК**. Ф.26. Оп. 30. Д. 13. Л. 126; **Культурное** строительство в Бурятской АССР (1917-1981 гг.). Документы и материалы. Улан-Удэ, 1983. С. 343.
- ⁵⁹ **Народное** хозяйство Алтайского края за 50 лет Советской власти. Стат. сб. Барнаул, 1967. С.102; **РГАСПИ**. Ф. 556. Оп. 3. Д.1. Л. 173; **Народное** хозяйство Томской области. Стат. сб. М., 1965. С. 171; **ГАНО**. Ф. 22. Оп.1. Д. 394. Л. 57; Д. 734. Л. 61; Ф. 4. Оп. 33. Д. 2524. Л. 37; **Советская Сибирь**. 1949. 3 июня; **ГАРФ**. Ф. 5451. Оп. 1. Д. 1656. Л. 174.
- ⁶⁰ **ЦХИДНИКК**. Ф. 26. Оп. 16. Д. 481.Л. 38; **РГАСПИ**. Ф. 17. Оп. 88. Д. 749. Л. 26; **ГАКК**. Ф. 1300. Оп. 2. Д. 2230. Л. 1, 6, 9, 13, 15.
- ⁶¹ Рассчитано по данным: **Итоги** Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1972. Т.3. С. 378-385.
- ⁶² **Народное** хозяйство Омской области. Стат. сб. Омск, 1969. С.242; **Культурное** строительство РСФСР. С. 446-447; **ГАНО**. Ф. 4. Оп. 33. Д.

-
1701. Л. 206; Д. 2558. Л. 18-19; **РГАСПИ**. Ф. 556. Оп. 3. Д. 1242. Л.38; **ЦХИНИКК**. Ф. 26. Оп.25. Д.23. Л.60; Оп.30. Д.13.Л.19.
- ⁶³ Рассчитано по данным бюджетных обследований: **ГАРФ**. Ф. 374. Оп. 30. Д. 5327. Л. 2, 11, 13, 16; Оп. 31. Д.8043. Л. 2,10,12,15,23; **ГАНО**. Ф.11. Оп.2. Д. 6503. Л. 1,2,16, 39,40,65,66; **ГАКК**. Ф. 1300. Оп. 3. Д. 258. Л. 40.
- ⁶⁴ **ГАРФ**. Ф. 5451. Оп. 28. Д. 1238. Л. 43; **ГАНО**. Ф. 4. Оп. 33. Д. 1659. Л. 219; Д.2454. Л. 62; Первенец тяжелого машиностроения: Очерк истории Иркутского завода тяжелого машиностроения им. В.В. Куйбышева. М., 1983. С. 82.
- ⁶⁵ **Болгов В.И.** Внеурочное время и уровень жизни трудящихся. Новосибирск, 1964. С. 104.
- ⁶⁶ Там же. Ф. 5451. Оп. 28. Д. 1693. Л. 95.
- ⁶⁷ **Букин С.С.** Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.) Новосибирск: Наука, 1991. С. 187.
- ⁶⁸ **ГАНО**. Ф. 4. Оп. 33. Л. 2432. Л.125; Д. 2483. Л. 11-12; **ЦХАФАК**. Ф. 26. Оп.21. Д.1250. Л. 10; **ЦХИДНИКК**. Ф. 2063. Оп. 1. Д.278. Л.7; **ГААК**. Ф.717. Оп.3. Д.76. Л.31; **ГАРФ**. Ф.5451. Оп.28. Д.1546. Л.1-3; **Шокель В.П.** Деятельность партийных организаций Кузбасса по развитию художественного творчества трудящихся (1956-1961 гг.)// Деятельность партийных организаций Западной Сибири по коммунистическому воспитанию трудящихся в условиях развитого социализма. Кемерово, 1978. С. 46-47.
- ⁶⁹ **ГАРФ**. Ф. 5451. Оп. 28. Д. 1759. Л. 6-7.
- ⁷⁰ **ГАРФ**. Ф. 5451. Оп. 25А. Д. 6226. Л. 63; Д. 6273. Л.227; Д.6275. Л. 301; Д. 8429. Л. 45; Д. 8443. Л. 65; Д. 8472. Л. 59; Д. 8474. Л. 68; **ГАНО**. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 305. Л. 64; Ф.4. Оп.33. Д.2556. Л. 218.
- ⁷¹ **ГАТюмО**. Ф.1809. Оп.1. Д.75. Л.24; Д.162. Л.109; Д.203. Л.197; **ГАНО**. Ф.1650. Оп.1. Д.305. Л.64; **ГАРФ**. Ф.5451. Оп.25а. Д.6490. Л.24; Д.6273. Л.233; Д. 7482. Л.80; Д. 8443. Л.65; Д. 8472. Л. 59; Д. 9368. Л.57.

**Формирование населения Новокузнецка
в процессе советской урбанизации.***

Индустриализация Сибири в годы первых пятилеток сопровождалась бурным ростом городских поселений на территории региона. Если в середине 1920-х гг. горожане составляли только 12,8 % населения Сибири, то к концу тридцатых годов доля городского населения достигла 31,3 %. Еще более быстрыми темпами росли города Кузбасса: здесь доля горожан с 15 % в 1926 г. возросла до 55 % в 1939 г.¹

Наиболее быстрым был рост тех городов, которые оказались местом создания и развития мощных промышленных комплексов. В условиях слабой заселенности Сибири в некоторых случаях строительство промышленных предприятий приходилось начинать даже на необжитом месте, когда это диктовалось задачами освоения природных ресурсов региона. Показательным примером создания крупного индустриально-городского комплекса практически с нулевого уровня является возникновение и развитие города Новокузнецка (Сталинска), неразрывно связанное со строительством Кузнецкого металлургического комбината.

В настоящей статье, подготовленной на основе архивных источников и опубликованной литературы, рассматриваются проблемы формирования населения Новокузнецка с момента основания КМК до середины 1930-х гг. Это позволит выявить характерные черты развития сибирских городов в начальный период индустриализации, изучить основные направления и особенности государственной политики по формированию и закреплению населения в районах нового индустриального освоения Сибири.

Промышленное освоение Сибири являлось одной из важнейших задач масштабного плана индустриализации страны, намеченного XV съездом ВКП(б). Угольные запасы Сибири и наличие железных руд на Урале должны были послужить основой для создания на

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-00508а

Востоке страны второй горно-металлургической базы – Урало-Кузнецкого промышленного комплекса. В рамках решения этой задачи Президиум ВСНХ принимает 22 марта 1928 г. постановление о сооружении металлургического завода в Кузнецком бассейне с одновременным развитием угольных шахт в районе Осинники – Араличево и железодобывающих рудников в Горной Шории.

В плане развития социальной базы процесса создания Урало-Кузнецкого комбината СНК СССР принял 6 августа 1930 г. развернутое постановление о развитии городов Кузбасса. В рамках реализации данного постановления Западно-Сибирским крайисполкомом был составлен подробный план развития городов в крае. В соответствии с наметками данного плана вместе с сооружением Кузнецкого металлургического комбината в Сибири должен быть создан новый крупный город с населением в 110 тыс. человек².

Выбор места строительства Кузнецкого металлургического комбината, одновременно предполагавший закладку рядом лежащего города строителей и металлургов, сопровождался бурными дискуссиями и рассмотрением различных вариантов. При этом преобладающими для принятия решений являлись, прежде всего, аргументы с точки зрения выгодного для промышленного производства местоположения. В какой мере выбранное место будет удобным для людей, которым предстояло строить комбинат и работать на будущем предприятии, обсуждалось гораздо в меньшей степени.

После некоторых отсрочек и затруднений с началом строительства Совет Труда и Оборона СССР своим решением от 15 января 1929 г. переводит дело создания Кузнецкого металлургического комбината в практическую плоскость. Весной 1929 г. близ деревни Бессоново, расположенной недалеко от старинного сибирского города Кузнецка, начинаются работы по подготовке котлована, строятся первые подсобные помещения и склады. Вскоре вокруг строительной площадки КМК возник рабочий поселок, получивший гордое название Сад-город.

Это название, с одной стороны, явилось отражением развернувшихся в начале двадцатого века среди архитекторов многих стран Европы, в том числе и России, дискуссий о строительстве нового типа городов. В них, в отличие от мрачных и задымленных городов начала индустриальной эпохи, предполагалось создавать благоприятную для жизни человека среду, включавшую зеленые зоны, парки

и скверы. С другой стороны, понятие «сад-город» в конце двадцатых годов стало активно использоваться в ходе обсуждения проектов создания социалистических городов, в которых основным типом жилища станут дома-коммуны, а вся жизнь людей будет организована на коллективистских началах³.

Однако вначале поселок строителей КМК был вовсе не похож на город-сад, представляя собой бесформенное скопление совсем не городских строений. Скорее он напоминал прифронтную зону, где многочисленные землянки и блиндажи перемежались с временными постройками типа шалашей и бараков.

Начав отсчет с нескольких сотен первых поселенцев, население будущего города стало прибывать очень быстрыми темпами. В первую зиму 1929/30 г. здесь находилось от трех до четырех тыс. чел., которым пришлось познать все трудности первооткрывателей необжитых мест. В середине 1930 г. число жителей насчитывало уже 14 тыс., а к началу 1931 г. в новом поселке проживало более 40 тыс. чел.⁴

По мере роста нового поселения закладывались и возводились здания городского типа, прокладывались первые улицы. Постепенно начал создаваться город, которому по первоначальному замыслу предстояло стать первым социалистическим городом в Сибири. Но стоит отметить, что в представлениях и реальной деятельности партийно-советского руководства региона задача создания соцгорода не являлась первоочередной; строительство социализма в Сибири понималось, прежде всего, как задача промышленного освоения края, вовлечения в экономический потенциал СССР его природных ресурсов.

Статус городского новому поселению, возникшему вокруг строительной площадки КМК, был присвоен 3 июля 1931 г. решением Президиума ЦИК СССР. Однако вместо Сад-города было выбрано все-таки менее амбициозное название – Новокузнецк. Скорее всего, название сменили вполне осознано. Дело в том, что статус социалистического города поселку строителей КМК был присвоен как бы авансом, в расчете на будущее. Но реальность резко отличалась от радужных планов, в 1931 г. условия жизни для большинства жителей нового города были очень далеки не только от городских, но и вообще приемлемых для жизни.

Видимо, не в последнюю очередь такое решение было вызвано также тем, что в мае 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о направлениях социалистического строительства в сфере быта, в котором осуждались как несвоевременные попытки внедрения коллективистских начал, создания бытовых коммун. Соответственно идея возведения соцгородов и преимущественного строительства домов-коммун была поставлена под сомнение. Название «Сад-город» с самого начала выступало синонимом соцгорода, поэтому, видимо, сочли за лучшее от него отказаться. В 1932 г. новый город был еще раз переименован, получив название «Ста́линск», что стало символическим отражением нарастания культа личности Сталина в жизни советского общества.

Формирование населения будущего города предполагалось осуществлять за счет самых разных источников. Вначале серьезные надежды возлагались на организованное привлечение рабочей силы. С этой целью проводились партийные, комсомольские и профсоюзные мобилизации, которые охватывали не только территорию Сибири, но и Европейской России. Кроме того, предприятия европейской части страны отправляли на строительство КМК некоторых работников в длительную служебную командировку, которая могла стать в конечном итоге переводом на новое место работы. Но в стране в целом в эти годы ощущалась нехватка промышленных кадров, предприятия неохотно отпускали подготовленных работников, да и сами люди не очень хотели ехать в необжитые места.

Важным источником рабочей силы для КМК должна была стать вербовка на территории Сибири и близлежащих регионов людей, желающих переехать на новое место жительства. С начала 1929 г. по городам и селам Сибири и Урала разъезжают вербовщики, направленные Управлением строительства КМК. Потенциальным новоселам обещались хорошие заработки на строительстве КМК. Важное место в программе вербовщиков занимала пропаганда нового типа поселения – соцгорода, в котором вся жизнь будет организована в соответствии с принципами социализма. Для привлечения переселенцев на строительство КМК агитаторы в своих рассказах рисовали картины светлого будущего, ожидавшего жителей города Сада.

Так, один из ветеранов строительства КМК И.А. Лимонов вспоминал о том, как он оказался жителем Сад-города. Зимой 1929 г. в глухую алтайскую деревню, где жил И.А. Лимонов, приехал вер-

бовщик Булатов. Он рассказал, что в районе Кузнецка будет строиться «второй в мире завод и «Сад-город», обещал хороший заработок и призывал крестьян ехать на стройку. Весной многие крестьяне с котомками за плечами двинулись в путь, спрашивая встречных, где строится Сад-город. Куда идти, толком никто не знал. Пришли не к Кузнецку, а к руднику Темир-Тау. Многие и остались там работать, но И.А. Лимонов все-таки решил добираться до Сад-города⁵.

Вербовка кадров на первом этапе строительства КМК рассматривалась как один из основных способов решения проблем с обеспечением рабочей силой. Однако возможности вербовщиков были ограничены, вряд ли они могли охватить достаточно обширные области проживания потенциальных работников. К тому же, по вербовке прибывали в основном необученные, зачастую неграмотные крестьяне. В редких случаях на строительство КМК приезжали уже сложившиеся бригады квалифицированных рабочих.

Большую часть новых работников Кузнецкстрой получал в ходе стихийной миграции населения. Пополнение происходило преимущественно за счет крестьянского населения сел и деревень Западной Сибири, в меньшей степени были представлены выходцы из городов Сибири. Из всех прибывавших по различным каналам в 1930-е гг. на Кузнецкстрой, а затем и для работы непосредственно на КМК рабочих, доля сибиряков составила 86 %, выходцы из других регионов дали КМК лишь 14 % работников⁶.

Крестьянство Сибири стало основой социальной базы превращения региона из аграрного в индустриальный. Именно сибирская деревня должна была предоставить недостающую рабочую силу для ускоренного развития промышленности. Партийные и советские органы ориентировались на пополнение рядов рабочего класса в основном за счёт крестьянства. В выступлении на июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) И.В. Сталин сформулировал задачу перекачки средств и людских ресурсов из аграрного в промышленный сектор, он заговорил о плате деревни за подъём индустрии, по существу поставил вопрос о «дани», о «сверхналоге», который нужно взять с крестьян. Сталин по сути выступил с тех позиций, за которые он прежде резко критиковал представителей троцкистской оппозиции. Свою позицию Сталин обосновывал необходимостью «сохранить и развить дальше нынешний темп развития индустрии».⁷

По данным профсоюзной статистики в составе новых рабочих в Западной Сибири в 1930 г. выходцы из крестьян составляли 80 %, в 1931 г. – 88 %, в 1932 г. – 85 %. А на строительстве КМК доля крестьян в новых пополнениях коллектива строителей достигала в эти годы более 90 %⁸.

Следует особо отметить, что в конце двадцатых – начале тридцатых годов сельское население еще имело возможности свободного перемещения между селом и городом. Правовые регуляторы миграции населения из деревни в город были отчасти определены в законе «Об отходничестве», принятом 30 июня 1931 г., по которому крестьяне имели право самостоятельно устраиваться на временную работу в городе.

В начале 1930-х гг. в связи с развертыванием форсированной и во многом насильственной коллективизации развернулось массовое бегство крестьян в города, миграция населения из деревни в город резко возросла. В условиях создаваемой Сталиным и его ближайшим окружением административно-командной системы управления экономикой и обществом государство стремилось поставить стихийное перемещение населения под свой контроль. В декабре 1932 г. в СССР вводится паспортная система и прописка по месту жительства. При этом колхозникам паспорта на руки не выдавали, они могли получить их только с разрешения общего собрания колхоза.

Очевидна сверхзадача, которую государство пыталось решить введением прописки – установление полного контроля над перемещением населения. Внедрение планового принципа в перемещение населения должно было положить конец неконтролируемой миграции. Однако в реальности достичь такого положения оказалось трудно, даже просто невозможно.

После организации колхозов они стали тем резервом, из которого партийное руководство могло черпать необходимые пополнения для промышленности. Вербовка отдельных людей была заменена привлечением целых коллективов, разработана система договорных обязательств между колхозами и промышленными предприятиями и стройками на поставку рабочей силы. В результате таких договоров конкретный человек уже не участвовал непосредственно в решении своей судьбы, он становился частью трудовых ресурсов, которые в административно-приказном порядке по особым нарядам направлялись на предприятия и стройки народного хозяйства.

Обычно договор включал следующие обязательства сторон: колхозы направляли рабочих, которые должны были отработать без увольнения назначенный срок, а стройки и предприятия в свою очередь оказывали помощь колхозам в ремонте машин, обеспечении механизмами и материалами, организовывали подготовку из колхозной молодежи квалифицированных кадров. Начиная с 1931 г., договоры с колхозами стали обеспечивать самый большой процент притока рабочих.

В марте 1933 г. принимается постановление ЦИК и СНК СССР «О новом порядке организованного отхода в колхозах», в котором запрещалось всякое самостоятельное неорганизованное перемещение колхозников в город. Соответственно прибытие новых жителей в Новокузнецк теперь регулировалось во все возрастающей степени. Например, из всех работников, прибывших на КМК в 1933 г., 91,4 % устроилось на работу в порядке оргнабора⁹.

Для пополнения резервов рабочей силы партийные и государственные органы Сибири взяли под контроль организацию вербовки на территории региона. Так, 19 сентября 1932 года Запсибкрайком ВКП (б) принимает постановление «О вербовке рабочей силы для Кузнецкстроя», в соответствии с которым была развернута деятельность по организованному набору колхозников для работы в промышленности¹⁰. В декабре 1933 года Запсибкрайисполком издает постановления «О порядке вербовки рабочих» и «О закреплении районов вербовки и рабгужсилы на 1934 год»¹¹.

Данные решения предусматривали, что для пополнения трудовых ресурсов промышленных предприятий и строек в Сибири необходимо осуществить в 1934 г. вербовку 234,5 тыс. чел. Однако передвижение людей не удавалось с той же легкостью, как передвижение материальных средств: задание было выполнено только наполовину. За первую половину 1934 г. в промышленность Западной Сибири намечалось завербовать 199 637 новых рабочих, в действительности оргнабор позволил привлечь только 105 228 чел., т.е. 53,4 % плана¹².

Существенные проблемы и большие трудности в формировании населения нового города, как и стабильного трудового коллектива Кузнецкстроя и КМК, порождала неустроенность быта. Из-за того, что строительство КМК пришлось начинать по существу на необжитых местах, большинство работников вынужденно было разме-

щаться в бараках, землянках, немногим удавалось снимать жилье в близлежащих населенных пунктах.

По свидетельствам первых строителей, собранным в архиве музея КМК, в первые годы площадку Кузнецкстроя утопала в грязи. Лучшими жилищами строителей и эксплуатационников считались дощатые насыпные бараки, в которых устраивали нары в два яруса. Семейные отгораживали углы мешками и простынями. Теснота была неимоверная, в бараках, рассчитанных на 30–40 чел., жило по 80 чел.; в тех, которые предназначались для 100 жильцов, размещалось более 200 чел. На одного проживающего приходилось в лучшем случае около двух квадратных метров жилой площади.

Бараков строилось много, но их все равно не хватало, поэтому вновь прибывавшие рабочие и их семьи не только летом, но часто и зимой вынуждены были жить в палатках, оборудованных печами. Многие новоселы начинали строить землянки.

Илья Эренбург, побывавший в это время на строительстве КМК, так описывал окружающую строительством местность: «День и ночь рабочие строили бараки, но бараков не хватало. Семья спала на одной койке. Люди чесались, обнимались и плодились в темноте. Они развешивали вокруг коек трухлявое зловонное тряпье, пытаясь оградить свои ночи от чужих глаз, и бараки казались одним громадным табором. Те, кто не попадали в бараки, рыли землянки... Земля покрылась волдырями: это были сотни землянок»¹³.

Множество землянок поднимались уступами по склонам каменного карьера. Между лачугами и огородами, обнесенными колючей проволокой, тянулись узкие извилистые проходы. Не было ни электричества, ни воды. Воду и уголь таскали в гору на себе. Обогревались землянки обычно самодельной железной печкой, изготовленной из бочки. В морозы в землянках было холодно, углы и стены покрывались инеем. Освещались землянки лучиной или керосиновыми лампами.

Забота об устройстве быта строителей Кузнецкстроя стала одним из основных направлений в деятельности администрации и общественных организаций. Первый секретарь Кузнецкого промышленного райкома ВКП(б), организованного осенью 1929 г., А.С. Кулаков значительную часть своего рабочего времени посвящал организации строительства бараков, проблемам устройства быта рабочих. Партийная и профсоюзная организации вместе с хозяйственной ча-

стью Кузнецкстроя постоянно держали в центре внимания вопросы об освещении и утеплении бараков, приобретении матрацев и необходимого инвентаря, обеспечении своевременной подвозки дров и т.п.¹⁴

Вместе с тем в государственной политике именно в этот период сложился приоритет задач промышленного строительства, которые должны быть решены любой ценой, в том числе за счет сокращения социальных программ. Так, согласно нормам, утвержденным на самом высшем правительственном уровне, основные ресурсы (финансовые средства и строительные материалы) должны были направляться на строительство промышленных предприятий. На жилищное строительство разрешалось выделять не более 25–30 %¹⁵.

Поэтому многие руководители строительства КМК, поставленные высшим партийно-государственным руководством перед задачей построить завод в сжатые сроки, считали, что забота об условиях жизни и быта строителей и эксплуатационников – дело второстепенное и даже неблагоприятное. Так, на первой районной партийной конференции Кузнецкстроя в октябре 1929 г. заместитель начальника строительства Морозов заявлял: «мы совершим преступление, если вместо заводских сооружений будем строить магазины, жилые помещения, контору кооперации и т.д. Кооперация – дело самого населения. Залезть в государственный сундук – дело самое легкое. Изыщите средства сами, не затрагивая заводских ассигнований... Нам партия поручила строить завод, а не здание дома торговли»¹⁶.

Таким образом, руководство строительства КМК готово было мириться с тем, что плохое бытовое положение работников является как бы неизбежностью. Казалось, что взятый курс на форсирование индустриализации оправдывал все трудности и невероятные лишения, которые приходилось испытывать жителям нового города. Люди на стройке комбината рассматривались, прежде всего, как трудовой ресурс, как часть единого индустриального механизма.

В целом в первые годы строительства комбината 95 % населения нового города жило в бараках и землянках¹⁷. К началу 1932 г. только 47,9 % рабочих были обеспечены хоть какой-то жилплощадью от предприятия, в основном это были бараки, остальные проживали в частном секторе, близлежащих деревнях и т.п.¹⁸

По отчетным данным в 1932 г. на одного жителя в Новокузнецке имелось 1,27 кв. м жилплощади. Но если исключить из отчетных показателей землянки и времянки, то относительно нормальной жи-

лой площади приходилось только 0,44 кв. м на человека. Даже к концу второй пятилетки в 1937 г. около половины рабочих КМК продолжали жить в бараках¹⁹.

История Новокузнецка наглядно отражает важную особенность советской государственной политики, заключающуюся в том, что решение многих задач «социалистического строительства» достигалось за счет колоссальных жертв со стороны простого населения. При этом в общественном сознании утверждалась мысль о том, что такие жертвы являются необходимой частью борьбы за светлое будущее. Таким образом, воспитывался аскетизм и самоотверженность поколения строителей социализма.

Одним из первых героический подвиг строителей КМК, первых жителей Сада-города, вынужденных преодолевать тяжелые условия жизни, воспел поэт В. Маяковский в стихотворении «Рассказ товарища Хренова...»:

«Сидят в грязи рабочие,
Промокший хлеб жуют...

Но шепот громче голода,
Он кроет каплей спад,
Через четыре года
Здесь будет город-сад...

...Я знаю – город будет,
Я знаю – саду цвествь,
Когда такие люди,
В стране Советской есть».

Действительно, участие в строительстве гиганта социалистической индустрии порождало в сознании определенной части строителей Кузнецкстроя чувство гордости и энтузиазма. В такой обстановке терпеть лишения и неудобства проживания на необустроенном месте считалось как бы естественным.

В рапорте строителей Кузнецкого металлургического завода XVI партийному съезду говорилось: «Убежденные в реальности сроков, беззаветно преданные Коммунистической партии и интересам рабочего класса нашей страны и всего международного пролетариата, мы, строители Кузнецкого металлургического завода, на боевой приказ партии отвечаем: под ее руководством, углубляя социалисти-

ческое соревнование и ударничество, наш завод построим в срок, хорошо и дешево. Союзу нужен металл, – он нами будет дан»²⁰.

Для многих строителей КМК задача скорейшего пуска завода буквально становилась смыслом жизни. Они как бы забывали о повседневных проблемах существования, считая их недостойными внимания. Об этом говорят и сохранившиеся документы тех лет. В Новокузнецком филиале госархива и в Архиве истории КМК хранятся материалы фондов воспоминаний рабочих, написанных в ходе работы в 1934–1935 гг. над историей строительства комбината²¹.

Казалось бы, созданные на основе недавних впечатлений воспоминания должны нарисовать живую картину быта, полную лишений и трудностей. Но в большинстве воспоминаний говорится только о производственной жизни рабочих, о быте в лучшем случае несколько скупых строк, а то и вообще ничего. Как о само собой разумеющемся факте упоминается о жизни в землянках, в лучшем случае в бараках, но подробно описывать трудности быта авторы воспоминаний не считают нужным. Можно сделать вывод, что если подобное игнорирование трудностей быта наблюдается даже в первичных архивных материалах, то в многократно проверенных партийными цензорами и опубликованных в советское время мемуарах строителей и работников КМК, тем более, внимание сосредоточено исключительно на производственных проблемах.

Плохие жилищные условия и низкий уровень жизни рабочих были типичны в 1930-е гг. для большинства промышленных предприятий Сибири. Одна из причин тяжелого положения строителей и работников КМК (помимо уже рассмотренных) заключалась в их маргинальности: большинство приходило из деревни, не имея ни образования, ни навыков городской жизни. Иначе говоря, они не были и не становились настоящими пролетариями, готовыми бороться за приемлемый уровень оплаты труда и достойный образ и уровень жизни.

К тому же сложившаяся в 1920-х гг. в общественном сознании социально-психологическая ситуация приоритетности положения рабочего, служащего, вообще городского жителя по сравнению с крестьянами была весьма своеобразно подтверждена и усилена развернувшейся в 1930 г. насильственной коллективизацией. Оказавшись перед перспективой лишения собственного хозяйства либо в результате раскулачивания, либо в результате его обобществления,

передачи колхозу, значительная часть крестьян предпочла вообще порвать с деревней и перебраться в город. Правда, это был не нормальный переезд, а паническое бегство. Получив в городе возможность хоть каким-то образом обеспечить собственное существование, а также и своей семьи, эти «беглые» крестьяне были весьма непритязательны к условиям быта и уровню оплаты.

Многие переселенцы из села продолжали и в городе сохранять традиции и привычки крестьянского уклада жизни. Это проявлялось в особенностях психологии и мировосприятия новых рабочих: будучи заняты в промышленном производстве, многие из них продолжали считать себя крестьянами. Так, по данным опроса, проведенного в феврале 1931 г. на Кузнецкстрое, из общего количества опрошенных – 13 573 чел., всего лишь 6 373 считали себя рабочими (46,9 %), а в качестве крестьян продолжали определять себя 7 225 чел. (51,4 %) ²².

В определенной мере пополнение населения Новокузнецка за счет крестьянства, являясь закономерным процессом, имело свои теневые стороны. В частности, массовый приток деревенских жителей порождал маргинальное состояние, затруднял формирование городского образа жизни, вызывал постоянную текучесть кадров на промышленных предприятиях.

Проблемы неустроенности быта, низкий уровень адаптации прибывших мигрантов к новым условиям отрицательно сказывались на ходе выполнения производственных программ и заданий. На строительстве КМК условия труда и социально-бытовые условия были настолько плохими, что значительная часть прибывавших на Кузнецкстрой рабочих, отработав некоторое время и прочувствовав всю тяжесть ситуации, предпочитала покинуть стройку. Поэтому строительство КМК и развитие нового поселения затруднялось из-за высокого уровня текучести кадров.

Правда, текучесть кадров обусловлена была и некоторыми объективными причинами. Значительная часть людей, приехавших на Кузнецкстрой, – это неквалифицированная рабочая сила. Многие крестьяне из сибирских деревень приезжали на Кузнецкстрой на летние месяцы с единственной целью заработать денег. Эти люди не собирались связывать своё будущее с жизнью в городе и работой на металлургическом комбинате. Ближе к осени, ко времени сбора

урожая, они увольнялись с Кузнецкстроя и возвращались в свои деревни.

Отработав на строительстве несколько месяцев, сезонные рабочие покидали площадку Кузнецкстроя. Например, в августе 1929 г. на работу было принято 1 320 чел., а уволилось 1 459 (соответственно сменяемость кадров превысила 100 %). В осенние и зимние месяцы текучесть несколько снижалась, так, в октябре 1929 г. было принято на работу 1 957 чел., а уволилось 997 (текучесть составила 51 %) ²³.

Текучесть кадров подрывала саму возможность складывания постоянного контингента жителей нового города. Так, в 1-м квартале 1931 г. на Кузнецкстрой самостоятельно приехало 11,3 тыс. чел. (в документах того времени это метко называлось «прибыли самотекком»), в то же время ушли со стройки 10,9 тыс. чел., т.е. текучесть кадров в итоге составила 96,5 % ²⁴.

В течение 1933 г. с промышленных предприятий Сталинска, т.е. в основном с Кузнецкого металлургического комбината уволилось 58 593 рабочих. Из них 49 092 чел. уволились по собственному желанию, 9 501 – по требованию администрации, 2 749 ушли по окончании срока вербовки, 553 – в связи с началом сельскохозяйственных работ, остальные по другим различным причинам ²⁵. В основном причинами увольнения рабочих послужили отсутствие нормальных жилищных условий, трудности снабжения.

Важной особенностью государственной политики рассматриваемого периода, наглядно отразившейся в формировании населения Новокузнецка и пополнении трудовых ресурсов Кузнецкстроя и КМК, стало использование заключенных и ссыльных в качестве дополнительного источника рабочей силы. Следует заметить, что использование труда заключенных в СССР стало приобретать все возрастающее значение именно с началом индустриализации. В царской России наказание в виде лишения свободы не предполагало массового использования заключенных на строительстве крупных объектов, хотя, наверное, можно было бы решить проблемы с обеспечением рабочей силой, например, при прокладке Транссибирской магистрали.

Уже в первые годы строительства состав рабочих на Кузнецкстрое начал активно пополняться за счет так называемых «спецконтингентов»: заключенных и спецпереселенцев, а также тылоопол-

ченцев. Тылоополченцами в то время называли достигших призывного возраста мужчин – представителей «нетрудовых, социально чуждых» слоев населения, которые были лишены права голоса, призывались в трудовую армию и направлялись на работу в строительство или промышленность.

«Спецконтингент» становится частью трудовых ресурсов Кузнецкстроя в 1930 г., заключенные стали использоваться на самых тяжелых работах. В имеющихся источниках данная проблема по понятным причинам освещена крайне скупо. Так, в архивных фондах партийных органов Сибири имеются упоминания о том, что в 1931 г. на строительство КМК было направлено 1500 заключенных. Характерно, что руководство КМК осенью 1931 г. обратилось именно к Западно-Сибирскому крайкому ВКП(б), а не в какую-либо более близкую к правоохранительной сфере инстанцию, с просьбой о направлении на строительство комбината еще одной партии заключенных. Эта просьба была удовлетворена²⁶.

Частью пополнения населения Новокузнецка также становились семьи из некоторых категорий общего потока спецпереселенцев, хлынувших в Сибирь в начале 1930-х гг. На 1 января 1931 г. на Кузнецкстрое уже работало 1 138 спецпереселенцев²⁷. В августе 1931 г. на поселение в новый город при Кузнецкстрое было направлено 4 617 семей спецпереселенцев (22 077 чел.)²⁸. Таким образом, стройки социализма в Сибири заменили для многих людей, депортируемых из европейской части России, традиционные места каторги и ссылки. В 1931 г. на КМК прибыло 4 тыс. ссыльных крестьян из Белоруссии. В 1933 г. число ссыльных, пополнивших население Сталинска, достигло более 10 тыс., в 1934 г. их количество несколько снизилось, составив более 7,5 тыс.²⁹

Разумеется, участие спецконтингента в формировании населения нового города накладывало специфический отпечаток на взаимоотношения между властями и народом. Об этом, в частности, свидетельствуют архивные документы, в которых зафиксирован следующий конфликт между законом и стремлением руководства КМК и города к административно-командному управлению населением. 5 декабря 1930 г. краевой прокурор Бурмистров направил в крайком ВКП(б) и крайисполком докладную записку, в которой сообщал, что руководство Кузнецкстроя совместно с партийными органами организовало в ноябре 1930 г. незаконную чистку населения Сад-

города. Была создана комиссия по чистке, которая дала поручение милиции провести облаву с целью выявления и задержания лиц, находившихся на территории города, но не работавших на Кузнецкстрое. В ходе облавы задержали около 200 чел., которых для проверки в течение суток содержали в холодном бараке без пищи. 137 чел. были выдворены из города как «классово-чуждые элементы»³⁰.

В ответ на эти обвинения секретарь Кузнецкстроевского райкома ВКП(б) Станкин в своей объяснительной записке подтвердил, что «управление Кузнецкстроя, пользуясь предоставленными ему правами, с согласия и при содействии партийной организации, действительно провело проверку». Но никакого нарушения партийный секретарь в этом не усмотрел. По его мнению на площадке Кузнецкстроя находилось большое количество людей, не работавших на строительстве, которых необходимо было удалить за пределы города. Более того, Станкин квалифицировал позицию краевого прокурора как «искривление классовой линии и явное потакание чуждым элементам»³¹. Этот эпизод показывает, что население Новокузнецка рассматривалось партийно-советским руководством, прежде всего, как рабочая сила, задействованная в строительстве и эксплуатации металлургического комбината, а уже во вторую очередь как жители города. С такой точки зрения уже не принято было рассуждать и вспоминать о правах и свободах граждан.

В составе прибывавшего в новый город населения в значительной степени отразилась социальная и половозрастная структура населения Сибири в целом. Вместе с тем мигранты были все же своеобразным снятием наиболее мобильного слоя населения, поэтому, прежде всего, молодежь как наиболее мобильная группа составляла более высокую долю в составе мигрантов.

Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что обострившаяся общественно-политическая ситуация в деревне в конце 1920-х гг. формировала у сельской молодежи ориентацию на переезд из села в город. Власть подкрепляла такую ориентацию конкретными примерами всестороннего давления со стороны государства на крепкое крестьянское хозяйство. Под тяжким прессом налогов и морального давления даже те молодые люди, которые уже фактически заняли свое место в деревенском обществе, готовы были пойти на радикальное изменение своего жизненного выбора в пользу города. Еще более высокой оказалась степень потенциальной социальной

мобильности среди сельских подростков, только выбиравших свой жизненный путь. По данным некоторых опросов, проводившихся в конце 1920-х гг. среди сельских школьников Сибири, до 80 % из них связывали свое будущее с переходом в ряды городских жителей³².

Развернувшаяся в 1930 г. кампания по раскулачиванию крепких крестьян своеобразным способом убедила сельскую молодежь, что прежняя перспектива создания собственного хозяйства становилась не только непривлекательной, но и опасной. Неизбежным следствием такой ситуации явилось стремление молодежи покинуть деревню, переехать в город, занять какое-либо место в городском обществе.

В результате молодые люди составили значительную часть жителей нового города. По данным переписи городского населения Кузбасса, проведенной в 1931 г., среди трудоспособного населения Новокузнецка в возрасте от 16 до 59 лет молодежь от 16 до 30 лет составляла 58,5 %, а в составе всех жителей доля молодежи достигала 38,3 %³³. В то же время по данным Всесоюзной переписи 1926 г. среди сибирского населения в целом доля молодежи составляла только 28,3 %³⁴.

В большинстве случаев молодежь получала определенную профессию и квалификацию после прибытия на Кузнецкстрой, в процессе адаптации к новым требованиям и условиям. Поэтому большинство из них впоследствии готово было связать свою судьбу с развитием нового города. Начальник строительства Кузнецкого металлургического комбината С.М. Франкфурт в воспоминаниях отмечал, что вначале на стройке преобладали старые строители-сезонники, «объездившие со своим топором и пилой почти всю Россию, некогда строившие в Сибири церкви и тюрьмы. Потом стали прибывать новые люди – сибиряки, большей частью молодежь. Многие из них, отправляясь на Кузнецкстрой, впервые садились в поезд. В первые дни они ходили по стройке ошарашенные, пугаясь треска и шума механизмов, робко озираясь по сторонам и убегая от автомобилей. Но это продолжалось недолго. Тысячи славгородцев, барнаульцев, барабинцев – люди крепкие, кряжистые, смекалистые – скоро свыклись с работой. Землекоп-чернорабочий через два месяца становился каменщиком, плотником, арматурщиком, бетонщиком. Это была сырая сила – сила, которая формировалась на наших гла-

зах, сила, которая должна была стать и стала основой Кузнецкстроя на строительстве, а затем и в эксплуатации завода»³⁵.

Несмотря на острые бытовые проблемы и высокую сменяемость жителей, можно констатировать, что в первой половине 1930-х гг. в Сибири возник новый город – Новокузнецк (Сталинск). Он сложился как своеобразный индустриально-городской комплекс. К концу 1933 г. численность населения Сталинска достигала 60 тыс. чел.³⁶ В целом с момента начала строительства КМК население города росло невиданными темпами. За период с 1930 по 1939 гг. численность населения Сталинска увеличилась в 12 раз.³⁷ В момент проведения Всесоюзной переписи населения 1939 г. в городе проживало около 170 тыс. чел.³⁸

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. История начального периода города Новокузнецка является ярким отражением процесса преобразования Сибири из отсталой сельскохозяйственной окраины в один из главных индустриальных центров российского государства. Благодаря созданию Кузнецкого металлургического комбината, в первой половине тридцатых годов XX в. в Сибири возник типичный советский индустриальный город. Жизнь людей в нем всецело определялась состоянием дел на главном и нескольких ведущих промышленных предприятиях.

Индустриализация Сибири разворачивалась на рубеже 1920-х – 1930-х гг. в условиях модернизации общества и перехода к принципиально иной социальной структуре населения, в которой на ведущие позиции выдвигался рабочий класс. Поэтому рост городов в Сибири в 1930-е гг. происходил в основном за счет миграции в них крестьян. Ускоренными темпами росла численность городского населения, в свою очередь в составе горожан опережающими темпами росла доля рабочих. Особенно характерны были такие тенденции для тех областей Сибири, в которых создание промышленности начиналось либо с нуля, либо с низкого исходного уровня индустриального развития.

На примере формирования населения Новокузнецка можно проследить типичные черты, механизмы урбанизации, проведенной по советскому образцу. Урбанизация Сибири явилась процессом, который в значительной мере инициировался «сверху» и форсировался государственными органами власти. Ключевую роль в процессе урбанизации Сибири играла социально-экономическая политика госу-

дарства. Это было обусловлено тем, что концентрация собственности в его руках, плановый характер экономического и социального развития обеспечивали решающие возможности управления процессом со стороны государства.

Трудности и проблемы социально-бытового положения жителей Новокузнецка наглядно показывают, что в ходе проведения индустриализации Сибири, сопровождавшейся ускорением урбанизации региона, социальные потребности населения не получали достаточного удовлетворения. Более того, зачастую они просто игнорировались, приносились в жертву геополитическим амбициям правившей в СССР коммунистической партии.

В годы первых пятилеток главной задачей государства являлось создание современного военно-промышленного комплекса на основе индустриального производства, призванного обеспечивать усиление обороноспособности и оснащение армии. В этих условиях, как верно замечает известный специалист по истории урбанизации А.С. Сенявский, советская урбанизация в конечном итоге оказалась побочным продуктом индустриализации³⁹. Это и определило низкий жизненный уровень населения, а также колоссальные трудности бытового плана, особенно в районах нового индустриального освоения.

¹ **Московский А.С., Исупов В.А.** Формирование городского населения Сибири. (1926 – 1939). Новосибирск. 1984. С. 31 - 34.

² См. подробнее: **Новокузнецк** в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции, посвящённой 350-летию основания Кузнецка. Новокузнецк, 1971; **История** Кузнецкого металлургического комбината им. В.И. Ленина. М., 1973.

³ См., подробнее: **Исаев В.И.** От утопии к реальности: проблемы строительства соцгородов в Сибири. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. №2. С.76-79.

⁴ **Кузбасс.** Результаты переписи городского населения.1931 г. Новосибирск, 1931. С.16.

⁵ **История Кузбасса.** Ч. III. Кемерово, 1970. С. 8.

⁶ **Волченко А.В.** Источники и формы комплектования рабочих кадров Кузнецкстроя – Кузнецкого металлургического комбината в 1929–1940 гг. //

Новокузнецк в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции, посвящённой 350-летию основания Кузнецка. Новокузнецк, 1971. С.115.

⁷ **Сталин И.В.** Соч. Т. 11. С 159, 188-189.

⁸ **Рабочий класс** Сибири в период строительства социализма. 1917–1937. Новосибирск, 1982. С.235.

⁹ **Московский А.С., Исупов В.А.** Формирование городского населения Сибири. С. 79.

¹⁰ **ГАНО.** Ф. Р-981. Оп.1. Д.73. Л.91.

¹¹ **ГАНО.** Ф.Р-12. Оп.3. Д.276. Л.27-29.

¹² **ГАНО.** Ф.Р-12. Оп.3. Д.276. Л.224.

¹³ **Эренбург И.** Собр. соч. в 9 т. М., 1964. Т.3. - С.153.

¹⁴ **ГАНО.** Ф.П-74, Оп.2, Д.1, Л.191–192.

¹⁵ **Исаев В.И.** Социальные проблемы формирования Урало-Кузнецкого комплекса // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 135.

¹⁶ **Преобразование Кузбасса** в индустриальный регион. 1927–1937 гг. Кемерово, 1995. С. 37.

¹⁷ **НФГАКО.** Ф.143. Оп.1. Д.60. Л.66-67, 72; **АИКМК.** Оп.2. Д.45. Л.205, 127.

¹⁸ **НФГАКО.** Ф.3. Оп.2. Д.6. Л.6; **АИКМК.** Оп.2. Д.45. Л.216.

¹⁹ **Полянская Е.М.** Строительство социалистического города в довоенные пятилетки. // Новокузнецк в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции, посвящённой 350-летию основания Кузнецка. Новокузнецк, 1971. С.108.

²⁰ **История** Кузнецкого металлургического комбината им. В.И. Ленина. М., 1973. С. 75.

²¹ **Архив** истории КМК. Оп.2. Материалы к истории КМК; **НФГАКО.** Ф.137. Воспоминания ветеранов КМК.

²² **ГАНО.** Ф. Р-233. Оп.1. Д.595. Л.6.

²³ **Бюллетень** Кузнецкстроя. М, 1929. С. 11.

²⁴ **Московский А.С., Исупов В.А.** Формирование городского населения Сибири. С. 78.

²⁵ **ГАНО.** Ф.П-74. Оп.1. Д.53. Л.8.

²⁶ **ГАНО.** Ф. П-3. Оп.7. Д.417. Л.10-14.

²⁷ **НФГАКО.** Ф.143. Оп.1. Д.15. Л.4

-
- ²⁸ **Бикметов Р.С.** Участие спецконтингента в формировании инфраструктуры городов Кузбасса в 1930-е – 1950-е гг. // Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2007. С.133.
- ²⁹ **НФГАКО.** Ф.3. Оп.5. Д.92. Л.51.
- ³⁰ **ГАНО.** Ф.Р-47. Оп.5. Д.115. Л.41.
- ³¹ Там же. Л.42.
- ³² **ГАНО.** Ф.П-188. Оп.1. Д.921. Л.54-56.
- ³³ **Кузбасс.** Результаты переписи городского населения 1931 г. Новосибирск, 1931. С. 16.
- ³⁴ **Население Западной Сибири в XX в.** Новосибирск, 1997. С. 41-43.
- ³⁵ **Франкфурт С.М.** Рождение стали и человека. М., 1935. С. 31.
- ³⁶ **Волченко А.В.** Источники и формы комплектования рабочих кадров Кузнецкстроя – Кузнецкого металлургического комбината в 1929–1940 гг. С. 112.
- ³⁷ **Десять лет города угля и металла.** Сталинск, 1939. С. 17.
- ³⁸ **Волченко А.В.** Источники и формы комплектования рабочих кадров Кузнецкстроя – Кузнецкого металлургического комбината в 1929–1940 гг. С. 112.
- ³⁹ См.: **Уральский исторический вестник.** 2000, № 5-6, С. 145

Р.Е. Романов

**Деятельность комсомольских организаций
по формированию и закреплению молодежных рабочих кадров
оборонной промышленности Западной Сибири в годы
Великой Отечественной войны (1941–1945)*.**

В военные годы одним из важнейших механизмов государственной политики по формированию и закреплению рабочих кадров промышленных предприятий западносибирского региона являлись мероприятия комсомольских организаций, направленные на массовое вовлечение молодежи в сферу оборонного производства. Комсомол функционировал как неотъемлемая часть системы общественно-политических институтов советского государства, осуществлявшего комплекс мер по созданию и развитию военно-экономической базы в восточных районах страны. В условиях острой нехватки трудовых ресурсов решение этой стратегической задачи во многом зависело от включения неработающего населения, в том числе подростков и молодых людей, в производственные коллективы оборонных заводов Западной Сибири. Существенную роль в этом процессе играли комитеты ВЛКСМ общесоюзного, регионального и местного уровня, участвовавшие в компаниях по мобилизации юношей и девушек на предприятия, в организации технического обучения, материально-бытового обеспечения рабочей молодежи.

Объектом изучения в данной статье является деятельность комсомольских организаций по комплектованию и подготовке кадров, жизнеобеспечению молодых рабочих оборонной промышленности западносибирского тыла. Основное внимание уделяется исследованию совокупности мероприятий ЦК ВЛКСМ, областных, городских, районных, заводских комитетов комсомола, направленных на создание условий для призыва юношей и девушек на производство и в учебные заведения гострудрезервов, профессионального обучения, жилищно-бытового и продовольственного обеспечения подростков и молодых людей, занятых на предприятиях Новосибирской, Кемеровской и Томской областей.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-00508а.

В военных условиях на формирование категории промышленных рабочих Западной Сибири влияли экономические и социально-демографические факторы, вызвавшие значительное сокращение численности населения региона. Массовый призыв мужчин в действующую армию привел к снижению количества трудоспособных жителей края, в том числе рабочих и служащих. Несмотря на интенсивный приток эвакуированного населения из прифронтовой полосы в восточные районы страны, в отраслях народного хозяйства западносибирского тыла ощущалась острая нехватка кадров. Другой причиной их дефицита являлась эвакуация сотен заводов из западной и центральной части СССР в городские поселения региона. К концу 1942 г. только в Новосибирск, Томск и города Кузбасса прибыли более 170 заводов, в том числе 50 оборонных¹. Создание новых производственных объектов на базе эвакуированного оборудования способствовало существенному обострению кадровой проблемы в промышленности. Пополнение трудовых коллективов предприятий осуществлялось за счет крупных контингентов неработающих горожан и колхозников, прежде всего, женщин, подростков и молодежи.

Основной формой комплектования рабочих кадров служили трудовые мобилизации населения на производство, проводившиеся с осени 1941 г. В начале 1942 г. данная практика получила окончательное закрепление на уровне общесоюзного законодательства. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» от 13 февраля 1942 г. призыву на предприятия подлежали мужчины в возрасте от 16 до 55 лет и женщины – от 16 до 45 лет. Кроме того, в их составе выделялась категория лиц от 16 до 18 лет, поступавших в учебные заведения гострудрезервов².

Значительную роль в организации и проведении призыва юношей и девушек на военные заводы, в ремесленные училища и школы ФЗО играли комсомольские организации. 30 декабря 1941 г. Новосибирский обком партии и облисполком приняли постановление «О подготовке государственных трудовых резервов в школах фабрично-заводского обучения в 1942 г.». В соответствии с данным нормативным актом комитета комсомола при взаимодействии с призывными комиссиями налаживали массовую агитационную работу, стимулирующую набор городской и сельской молодежи в РУ и шко-

лы ФЗО³. В январе 1942 г. в ходе компании по трудовой мобилизации активисты комитета комсомола Дзержинского района Новосибирска провели беседы с родителями подростков и молодых людей об условиях их приема, профессиональной подготовки, материально-бытовом обеспечении в учебных заведениях трудрезервов. В результате этих мероприятий в распоряжение облтрудрезервов поступило 420 чел., в том числе 300 добровольцев. Их значительную часть составляли учащиеся 5–8 классов средних школ. В других районах Новосибирска численность мобилизованной молодежи составила от 110 до 213 чел., среди них добровольцев – от 9 до 50 чел.⁴. Следовательно, опыт трудовой мобилизации, проведенной в Дзержинском районе Новосибирска, стал, по сути, эталоном для последующих наборов подростков и молодых людей в ремесленные училища и школы ФЗО.

В годы войны существенное влияние на эффективность агитационно-массовой работы комсомола оказало создание в городах Западной Сибири пунктов сбора молодежи, призванной на заводы и в учебные заведения гострудрезервов. При этих пунктах действовали группы комсомольских активистов, помогавшие призывным комиссиям в осуществлении набора неработающих молодых горожан на предприятия. Например, в октябре 1944 г. комсомольцы г. Кемерово провели родительские собрания для разъяснения целей и задач, перспективности профессионального обучения юношей и девушек в ремесленных училищах и школах ФЗО. Одной из форм адаптации мобилизованных подростков являлись комсомольско-молодежные вечера, создававшие условия для их общения с воспитанниками учебных заведений трудрезервов. Молодежь участвовала в экскурсиях по ознакомлению с системой технической подготовки рабочих в РУ и школах ФЗО, что в последствии позволяло ей быстрее адаптироваться к режиму учебно-производственной работы этих учебных заведений⁵.

Наряду с проведением пропагандистских компаний, комитеты ВЛКСМ направляли на производство крупные контингенты комсомольцев. В начале 1942 г. на военные заводы Новосибирска из районов города было призвано 4260 юношей и девушек, в том числе по разнарядке горкома комсомола – 2236. Комсомольцы составляли 52,5 % от общей численности молодежи, поступившей на оборонные предприятия. В Центральном, Кировском, Октябрьском и Заельцов-

ском районах их доля среди мобилизованных молодых горожан была еще выше⁶.

С весны 1942 г., в связи со значительным сокращением трудовых ресурсов в городских поселениях западносибирского тыла, обкомы комсомола в соответствии с директивами центральных и региональных партийных органов приступили к призыву сельской молодежи. Основная масса юношей и девушек поступала на военное производство из колхозов. Их массовый отток из деревни привел к снижению численности трудоспособного населения, занятого в сельском хозяйстве. 8 июля 1943 г. Новосибирский обком ВКП(б) запретил проведение трудовых мобилизаций колхозников во время уборочной страды. В этих условиях промышленные предприятия временно утратили один из основных источников комплектования рабочих кадров. В частности, завод № 296 не получил 400 чел., в которых очень нуждался. После окончания уборки урожая областной партийный комитет поручил обкому ВЛКСМ направить на предприятие 150 чел. В ноябре – декабре 1943 г. на завод № 296 из сельских районов Новосибирской области прибыло 134 чел., что составляло 89,3 % от запланированного контингента мобилизованных комсомольцев⁷.

В последний год войны, после окончательного прекращения призыва населения из колхозов, комсомольские организации вновь активизировали проведение трудовых мобилизаций молодых горожан. В 1944 г. в Новосибирске по разнарядкам горкома ВЛКСМ на предприятия было направлено 3,5 тыс. чел., в том числе около 2 тыс. девушек⁸. Преобладание девушек среди молодежи, призванной на производство, обуславливалось значительным сокращением численности и удельного веса юношей, состоявших в комсомоле.

В связи с поступлением на оборонные заводы крупных контингентов подростков и молодых людей, не имевших специальности и квалификации, особое значение приобрела проблема профессионального обучения и воспитания нового поколения трудящихся в военных условиях. Подготовка молодежных рабочих кадров осуществлялась на базе предприятий и учебных заведений гострудрезервов. В ремесленных училищах техническая учеба продолжалась в течение года, в школах ФЗО и на заводах – до 3 месяцев. На производстве ученики, прикрепленные к опытным рабочим и специалистам, получали специальность и квалификацию за счет индивидуально-бригадного обучения, в стахановских школах, на курсах техмини-

му и т.д. Подготовка молодежи в РУ и школах ФЗО проходила в учебно-производственных группах под руководством мастеров. Основная масса подростков и молодых людей осваивали несложные технологические операции, что затрудняло их адаптацию к индустриальному труду.

Комсомольские организации проявляли инициативу в процессе подготовки рабочих кадров оборонных предприятий западносибирского тыла. Летом–осенью 1941 г. обкомы и горкомы ВЛКСМ региона поручили заводским комитетам комсомола создать условия для передачи профессиональных навыков подросткам и молодым людям, впервые пришедшим на производство⁹. В первый год войны наиболее массовой формой профессионально-технического обучения являлось прикрепление юношей и девушек к квалифицированным рабочим. В октябре 1941 г. в 1-й цех комбината № 179 поступил Петр Свириденко, который стал учеником молодого стахановца. За короткое время юноша освоил специальность штамповщика и стал перевыполнять нормы выработки. Впоследствии П. Свириденко возглавил комсомольско-молодежную бригаду и за высокие производственные достижения был награжден орденом Трудового Красного Знамени¹⁰.

Наряду с обучением отдельных рабочих, на военных заводах использовался опыт групповой профессиональной подготовки. Весной 1942 г. на заводе им. Чкалова по инициативе комсомольцев была организована школа коллективного обмена опытом, в которой производственное обучение юношей и девушек осуществлялось силами молодых стахановцев предприятия. Передовики производства, владевшие теми или иными техническими навыками, передавали их ученикам и рабочим, не выполнявшим нормы выработки¹¹. В целом по уровню подготовки новых кадров школы коллективного обмена опытом превосходили индивидуально-бригадное обучение.

Широкое распространение на предприятиях получило также шефство комсомольцев над молодыми рабочими, не выполнявшими производственные задания. В начале 1942 г. на томском заводе № 690 был создан цех под руководством комсомольца Завьялова, в котором трудились выпускники школы ФЗО. Большинство юношей и девушек не умели читать чертежи, затачивать инструмент, устанавливать детали. Благодаря организаторским способностям начальника цеха, успешно руководившего подготовкой рабочих кадров, моло-

дежь быстро освоила несложные производственные операции, позволявшие ей выполнять в среднем по 3–4 нормы в смену¹².

Комитеты ВЛКСМ принимали активное участие в организации и повышении результативности профессиональной подготовки юношей и девушек в учебных заведениях гострудрезервов. В начале 1942 г. среди подростков и молодых людей, поступивших в школу ФЗО № 27 г. Новосибирска, на «отлично» учился 61 чел., «хорошо» – 106, «посредственно» – 298, «плохо» – 55 чел. Для повышения их успеваемости коллектив школы включился во всесоюзное социалистическое соревнование, проводившееся между учебными заведениями трудрезервов. Благодаря организационной деятельности комитета комсомола многие воспитанники достигли высоких показателей в процессе обучения и сдаче техэкзамена. В июне 1942 г. по итогам соревнования школа ФЗО № 27 заняла второе место в Новосибирске и получила в качестве поощрения денежную премию¹³.

С середины 1942 г. комсомольские организации стали уделять большое внимание производственно-теоретическому обучению рабочей молодежи. 26 июня 1942 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление «О работе комсомольских организаций по производственно-техническому обучению молодых рабочих», определившее основные направления деятельности комсомола по развитию профессиональной подготовки новых кадров. Заводским комитетам ВЛКСМ поручалось «добиваться проведения с ними [молодыми рабочими – Р.Р.] в обязательном порядке технико-теоретического инструктажа в пределах от 20 до 40 часов, в зависимости от условий и сложности производства»¹⁴. Для совершенствования обучения рабочей молодежи на предприятиях, ремесленных училищах и школах ФЗО было организовано чтение лекций, проведение бесед по вопросам техники безопасности производства, применения стахановских методов труда, создание «витрин брака», технических кабинетов, обеспечение заводских библиотек технической литературой, преподавание технологии, черчения, материаловедения, физики, математики в сочетании с производственной практикой.

В 1943 г. комитеты комсомола оборонных предприятий активизировали мероприятия по организации дополнительного технического обучения молодых рабочих, имевших низкую производительность труда. В это время на военных заводах Томска нормы выработки не выполняли более 500 чел. В данных условиях комсомольские орга-

низации проявили инициативу в развитии форм курсовой подготовки, в частности техминимума, шефства стахановцев над рабочей молодежью. На заводе № 653 после принятия мер по совершенствованию профессионального обучения юноши и девушки, впервые пришедшие на производство, стали вырабатывать 3 нормы и более¹⁵. На заводе № 355 комсомольцы проводили беседы с подростками и молодыми людьми для выявления причин низкой результативности их трудовой деятельности. В цехе № 43 рабочий Леонов не мог освоить станок и поэтому не выполнял план. По рекомендации комитета комсомола он был закреплен за менее сложным оборудованием и стал вырабатывать до 2 норм¹⁶.

В последние два года войны одной из форм повышения квалификации молодых рабочих стало их включение во фронтовые комсомольско-молодежные бригады. В Новосибирске на заводе им. Чалова в производственных коллективах Ильгача, Кармановой, Безродной и других бригадиров юноши и девушки получали навыки правильной эксплуатации оборудования, чтения чертежей, установки и заточки деталей¹⁷.

В целом деятельность комсомольских организаций оказывала значительное влияние на процесс комплектования и подготовки молодежных рабочих кадров. Существенную роль комитеты ВЛКСМ играли также в развитии форм соцсоревнования, движения рационализаторов, повышении культурно-технического уровня юношей и девушек. Вместе с тем, суровые условия повседневной жизни военных лет ослабляли мобилизационный эффект данных мероприятий комсомола, направленных на стимулирование трудовой активности подростков и молодых людей.

Значительное обострение социально-бытовых проблем в городах западносибирского тыла было обусловлено дефицитом жилья, товаров повседневного спроса, ростом рыночных цен и т.д. Решение жилищного вопроса на оборонных предприятиях осуществлялось путем массового строительства домов, бараков, землянок. Во многих жилых помещениях создавались рабочие общежития, в которых размещалась большая часть юношей и девушек, занятых на производстве. В общежитиях ощущалась острая нехватка жилплощади, часто отсутствовало электрическое освещение, центральное отопление, водопровод, канализация. В комнатах царил антисанитария, не хватало мебели, кроватей, бачков для воды, камер для хранения

вещей и т.д. Многие жильцы не имели сменного нательного белья, верхней одежды и обуви.

Наряду с тяжелыми жилищно-бытовыми условиями, одной из проблем повседневной жизни труженников западносибирского тыла являлась острая нехватка продуктов питания. В военных условиях в регионе, как и других не оккупированных районах страны, была введена карточная система продовольственного обеспечения городского населения. Рабочие оборонной промышленности, в том числе подростки и молодые люди, получали в день по 800 г хлеба. На месяц им выдавалось по 2 кг мяса, 1,5 кг крупы и макарон, 600 г жиров и сахара¹⁸. Юноши и девушки отоваривались продуктами питания по установленным нормам в магазинах, прикрепленных к отделам рабочего снабжения (ОРСам) оборонных предприятий. В заводских столовых молодежь получала обеды, отличавшиеся низкой калорийностью и плохим качеством приготовления. Многие подростки и молодые люди получали одноразовое питание и лишь передовики производства могли рассчитывать на дополнительные стахановские обеды.

В начальный период войны в условиях развертывания производственных мощностей эвакуированных предприятий решение материально-бытовых проблем рабочей молодежи оставалось второстепенной задачей. После выхода постановления ЦК ВЛКСМ от 3 октября 1942 г.¹⁹, комитеты комсомола регионального и местного уровня стали уделять больше внимания улучшению жилищных условий, обеспечению молодых рабочих промышленными и продовольственными товарами. В ноябре 1942 г. в Новосибирске комсомольцы завода № 69 провели воскресник по подготовке общежитий к зиме, в которых были размещены подростки, призванные на предприятие. Для удовлетворения их нужд рядом с общежитиями были созданы мастерские для пошива и починки обуви, прачечная для стирки белья, парикмахерская²⁰.

Одной из распространенных форм бытовой работы комсомола являлись месячники по благоустройству жилья. В 1943 г. в Томске во время месячника комсомольцы отремонтировали 23 молодежных общежития²¹. В бараках были отштукатурены и побелены стены, покрашены двери, зашпаклеваны оконные рамы. Помещения стали чистыми, светлыми и уютными. В школе ФЗО № 27 Новосибирска по инициативе комитета комсомола в жилых помещениях для уст-

ройства комнат учащиеся возвели перегородки, деревянные нары заменили железными кроватями. Подростки и молодые люди получали предметы повседневного обихода, в том числе тумбочки, табуретки, столы, вешалки, тазы, электролампы.

Комсомольские организации предприятий обеспечивали юношей и девушек одеждой, нательным бельем, обувью. В мае 1944 г. в Киселевске учащиеся РУ № 22 получили 799 мужских рубашек, 689 дамских сорочек, 544 кальсон, 158 трико, 159 пар мужской и 136 пар женской обуви. В Новосибирске комитет комсомола завода им. Чкалова при содействии дирекции передал молодежным общежитиям 100 пар валенок, 100 шапок, 300 стеганых брюк и курток, несколько комплектов нательного белья²².

В общежитиях создавались бытовые советы, занимавшиеся обустройством внутренних помещений, обеспечением рабочей молодежи товарами повседневного спроса. В 1943 г. в бараках промышленных предприятий Новосибирска действовало 270 таких советов²³. В конце 1944 г. на заводе № 153 в одном из барачков избрали бытсовет под руководством комсомольца Кислого. По инициативе его членов открылась прачечная, в красных уголках появились скамейки и тумбочки. Для обеспечения общежития топливом комсомольцы организовали коллективный выезд молодежи за опилками²⁴.

Вместе с тем безразличное отношение части подростков и молодых людей к чистоте и порядку в жилых помещениях ослабляло эффективность мероприятий, направленных на улучшение условий их повседневной жизни. В начале 1944 г. на заводе № 188 комсомольцы провели месячник по благоустройству общежитий. Но из-за низкой бытовой культуры юношей и девушек через некоторое время бараки вновь оказались в антисанитарном состоянии²⁵.

Комсомольские организации предприятий часто привлекали самих молодых рабочих к решению их бытовых проблем. В Новосибирске на одном из военных заводов комсомолец Николай Юрьев принял шефство над комнатой в общежитии. Юноша следил за чистотой и порядком, организовал досуг сверстников. В августе 1943 г. на заводе № 188 в месячнике по благоустройству быта участвовали 210 комсомольцев. Они вели также воспитательную работу с подростками и молодыми людьми²⁶.

Для бытового воспитания юношей и девушек в общежитиях проводились конкурсы на лучшее состояние комнаты. В феврале 1944 г.

молодые рабочие завода № 296 обязались в течение месяца соблюдать чистоту в жилых помещениях, содержать в порядке имущество, соблюдать правила внутреннего распорядка и посещать баню раз в неделю. Победители получали в награду репродукторы, чайники, стулья, столы, тумбочки, занавески²⁷.

Комитеты комсомола принимали активное участие в мероприятиях по налаживанию продовольственного обеспечения рабочей молодежи. В конце 1942 г. в столовых оборонных предприятий была создана сеть контрольных постов, занимавшихся выявлением «утечки» продовольствия, махинаций работников сферы общественного питания. Осенью 1942 г. на кемеровском комбинате № 392 в ходе проверки столовой № 16 контролеры установили, что буфетчица Белых не довешивала по 25 г хлеба каждому. За нарушение продовольственных норм она была снята с работы и отдана под суд²⁸.

Наряду с установлением контроля за распределением продовольствия, комсомольские организации стремились улучшить качество питания молодых рабочих. В июле 1943 г. в одной из столовых завода № 564 юноши и девушки один раз в день получали на обед небольшие порции плохо сваренного супа. После проверки столовой, проведенной членами заводского комитета ВЛКСМ, подростки и молодые люди были переведены на трехразовое питание. Их утреннее меню состояло из каши и творога, дневное – жареной рыбы с гарниром, колбасы, вечернее – мясного гуляша. Вместе с обедами, каждому рабочему ежедневно по карточкам выдавались 500 г хлеба²⁹.

Несмотря на принимаемые меры, карточная система являлась суровым испытанием для рабочей молодежи. Нередко подростки и молодые люди теряли продовольственные карточки и оставались без гарантированного пайка. В 1943 г. на одном из военных заводов Новосибирска у рабочего Михайлова пропали карточки. Руководство цеха и комитет комсомола предприятия не оказали ему своевременной помощи. Кончилось тем, что молодой рабочий умер от голода³⁰.

Для преодоления недостатков системы централизованного продовольственного обеспечения комитеты комсомола, наряду с партийными и профсоюзными организациями, создавали условия для развития подсобных хозяйств оборонных предприятий, ремесленных училищ и школ ФЗО. В 1943 г. РУ и школы ФЗО Новосибирска из подсобных хозяйств общей площадью 33,5 га получили 268,1 т кар-

тофеля, 110,2 т овощей³¹. Несмотря на поставки продовольствия, в столовых РУ и школ ФЗО по-прежнему не хватало продуктов питания. В этих условиях областное управление гострудрезервов и обком ВЛКСМ приняли совместное решение о расширении подсобных хозяйств учебных заведений. В 1944 г. их посевные площади по сравнению с предыдущим годом увеличились в 3,6 раза, что способствовало значительному росту продовольственных фондов РУ и школ ФЗО³².

В условиях острой нехватки продуктов питания, комитеты ВЛКСМ стремились привить молодым рабочим навыки коллективного огородничества. В 1944 г. на комбинате № 179 по ходатайству комсомольской организации под огородные участки молодежи юнгородка было отведено 10 га земли, на которых выращивались картофель и овощи³³.

В целом, деятельность комсомольских организаций по формированию и закреплению молодежных рабочих кадров оборонных заводов западносибирского тыла являлась важной составляющей социально-экономической политики государства в годы войны. В связи с интенсивным включением юношей и девушек в сферу военного производства, мероприятия по направлению комсомольцев на предприятия служили одной из форм комплектования категории промышленных рабочих. Пропагандистские компании, проводившиеся комсомолом в ходе трудовой мобилизации населения, позволяли наладить взаимодействие призывных комиссий с семьями подростков и молодых людей, поступавших в учебные заведения трудрезервов, создать благоприятную психологическую атмосферу для их добровольного поступления в ремесленные училища и школы ФЗО.

Учебно-производственная работа комитетов ВЛКСМ обеспечивала развитие сложившихся форм профессиональной подготовки, создававших условия для адаптации молодежи к индустриальному труду. Комсомольцы, передававшие технические знания и навыки подросткам и молодым людям, впервые пришедшим на производство, широко использовали опыт индивидуально-бригадного обучения, стахановских школ, шефства передовиков производства над неопытными рабочими. Их активная деятельность по организации производственного обучения молодых кадров способствовала повышению квалификации и производительности труда юношей и девушек, занятых на оборонных предприятиях.

Мероприятия комсомольских организаций в сфере быта также являлись продолжением деятельности государственных органов власти, партии, профсоюзов по налаживанию системы жизнеобеспечения населения тыловых районов страны. В компетенции комитетов ВЛКСМ, как и других государственных организаций, находились вопросы жилищного и бытового благоустройства, продовольственного обеспечения молодых рабочих. Их решение осуществлялось за счет разнообразных форм работы комсомола по улучшению материально-бытового положения рабочей молодежи: воскресников и месячников по внутреннему обустройству общежитий, шефства комсомольцев над отдельными жилыми помещениями, снабжения юношей и девушек вещами личного пользования; организации контроля за распределением продуктов питания в заводских столовых, развития подсобных хозяйств и коллективного огородничества.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны комитеты комсомола на государственном, региональном и местном уровне проводили комплекс мер, направленных на комплектование и подготовку кадров, материальное обеспечение молодых рабочих оборонных предприятий Западной Сибири. Их реализация создавала условия для профессиональной и бытовой адаптации юношей и девушек, трудившихся в сфере военного производства восточных районов страны.

¹ **Акулов М.Р.** Промышленное развитие Сибири в годы Великой Отечественной войны. Ставрополь, 1967. С. 174,178; **Шуранов Н.П.** Создание оборонной промышленности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. С. 193.

² **Решения** партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. документов. М., 1968. Т. 3. С. 164.

³ **Оборонная** промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Сб. документов. Новосибирск, 2005. С. 222.

⁴ **ГАНО.** Ф. 22. Оп. 3. Д. 1145. Л. 54.

⁵ **ГАКО.** Ф. 126. Оп. 1. Д. 42. Л. 24.

⁶ **ГАНО.** Ф. 22. Оп. 3. Д. 1179. Л. 10.

⁷ **ГАНО.** Ф. 190. Оп. 2. Д. 671. Л. 13.

⁸ **ГАНО.** Ф. 198. Оп. 1. Д. 265. Л. 15.

⁹ **ГАНО.** Ф. 190. Оп. 2. Д. 582. Л. 4.

-
- ¹⁰ **Доблестный труд** рабочих, крестьян, интеллигенции Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Сб. документов. Новосибирск, 1964. С. 120.
- ¹¹ **Советская Сибирь**, 13 июня 1943 г.
- ¹² **ГАНО**. Ф. 190. Оп. 2. Д. 672. Л. 62.
- ¹³ **ГАНО**. Ф. 22. Оп. 3. Д. 1184. Л. 59.
- ¹⁴ **Товарищ Комсомол**. 1918–1968: Сб. документов. М., 1969. Т. 2. С. 9-10.
- ¹⁵ **ГАТО**. Ф.1221. Оп.1. Д. 132. Л. 7.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ **ГАНО**. Ф.190. Оп. 2. Д. 956. Л.13.
- ¹⁸ **Букин С.С.** Жизненная среда Новосибирска в военное лихолетье // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 81; **ГАНО**. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 40. Л. 75.
- ¹⁹ Речь идет о постановлении ЦК ВЛКСМ «О многочисленных фактах формально-бюрократического отношения к молодым рабочим и неотложных мерах по усилению работы комсомольских организаций среди этих рабочих», определившем основные направления деятельности комитетов комсомола в сфере быта рабочей молодежи промышленных предприятий тыловых регионов СССР.
- ²⁰ **ГАНО**. Ф.190. Оп.2. Д.705. Л.1.
- ²¹ **ГАТО**. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 132. Л. 27–28.
- ²² **ГАНО**. Ф. 190. Оп. 2. Д. 658. Л. 33.
- ²³ Там же. Оп. 2. Д. 853. Л. 2.
- ²⁴ **ГАНО**. Ф. 190. Оп. 2. Д. 953. Л. 60.
- ²⁵ **ГАНО**. Ф. 22. Оп. 3. Д. 1556. Л. 190.
- ²⁶ **ГАНО**. Ф. 190. Оп. 2. Д. 972. Л. 83.
- ²⁷ Там же. Д. 951. Л. 68.
- ²⁸ **ГАКО**. Ф. 126. Оп. 1. Д. 42. Л. 20.
- ²⁹ **ГАНО**. Ф.190. Оп. 2. Д. 810. Л. 51-52.
- ³⁰ Там же. Ф. 190. Оп. 2. Д. 814. Л. 32.
- ³¹ **ГАНО**. Ф. 22. Оп. 3. Д. 1556. Л.100.
- ³² **Букин С.С.** Жизненная среда Новосибирска в военное лихолетье // Западная Сибирь в годы Великой Отечественной войны. С. 81.
- ³³ **Оборонная промышленность Новосибирска...** С. 682.

Социально-экономические проблемы освоения северных районов Сибири во второй половине XX – начале XXI вв.

Перспективы развития России, благополучие её населения в новых условиях рыночной экономики непосредственно связаны с освоением северных районов страны. К ним частично или полностью относятся 27 субъектов Российской Федерации, в которых проживает около 10 млн. человек. Недра Севера хранят свыше 90 процентов российских запасов природного газа, 70 процентов нефти, меди, практически все апатитовые руды, алмазы, редкоземельные металлы, более половины запасов угля, древесины. Здесь сосредоточено самое крупное в мире стадо северных оленей. Эксперты ООН оценивают стоимость полезных ископаемых Севера в 22–24 триллиона долларов. Его доля в национальном производстве – 93 процента природного газа, 80 процентов нефти, 100 процентов алмазов, кобальта, платины, молибдена, апатитового концентрата, 90 процентов никеля, меди, 66 процентов золота, половина деловой древесины и рыбопродукции¹. Не случайно в общественном сознании все шире утверждается понимание того, что Север – не край, а начало России, опорный стержень её экономического каркаса.

Масштабен, уникален и противоречив советский опыт освоения северных районов страны. Централизованная, плановая экономика, концентрация в руках государства основных материальных, финансовых и людских ресурсов позволили реализовать крупнейшие народнохозяйственные программы: Ангаро-Енисейскую, Западно-Сибирскую нефтегазовую, Байкало-Амурскую, коренным образом изменившие социально-экономический облик Севера и резко поднявшие его роль в народнохозяйственном комплексе СССР.

Беспрецедентное наращивание экономического потенциала северных районов развернулось с середины 1950-х гг. Среднегодовые темпы прироста валовой продукции в промышленных отраслях народного хозяйства Севера Сибири стали значительно превосходить аналогичные показатели развития её южной зоны. С особым динамизмом развивались электроэнергетика и промышленность строи-

тельных материалов. В 1960–1980 гг. среднегодовые темпы роста электроэнергетики в традиционной зоне Западной Сибири составили 5,2 %, на Ближнем и Дальнем Севере соответственно 45,2 и 28,9 %. В промышленности строительных материалов в южной зоне – 5,6 %, на Ближнем Севере – 32,2 % и на Дальнем – 52,7 %.

Аналогичные тенденции территориального смещения центров роста нового производства в направлении северных широтных зон наблюдались в Восточно-Сибирском и Дальневосточном экономических районах. Удельный вес Ближнего Севера в общем объеме промышленного производства Восточной Сибири в 1960–1980 гг. возрос с 7,7 до 11,7 %, в том числе в металлургии с 5,7 до 19,7 %. Доля Ближнего Севера в электроэнергетике Восточной Сибири составила 33 % и была заметно выше, чем в любой другой отрасли промышленности. В Якутии, территория которой целиком относится к северной широтной зоне Сибири, особенно интенсивно развивались районы Ближнего Севера. К началу 1981 г. здесь было сосредоточено 66 % промышленного производства основных отраслей специализации республики, в том числе добыча алмазов².

Уникальным явлением не только в отечественной, но и мировой практике стало формирование Норильского горнопромышленного района в северной части Красноярского края. Ещё в годы Великой Отечественной войны, используя эвакуированное оборудование Мончегорского комбината, строители – вольнонаемные и заключенные в тяжелейших условиях Заполярья обеспечили быстрый пуск первой очереди никелевого завода. В конце апреля 1942 г. страна получила первую тонну норильского никеля. В этом же году вошли в эксплуатацию четыре крупных цеха, электролитный завод, мощная ТЭЦ и другие промышленные объекты. Решением ГКО была выделена специальная группа самолетов для быстрейшей доставки никеля оборонным предприятиям. За 1942–1944 гг. выпуск никеля возрос в 7,5 раза, меди – в 8 раз. В 1945 г. комбинат произвел продукции в 11 раз больше, чем в 1942 г. В последующие десятилетия непрерывно нарастали производственные мощности Северо-Енисейского промышленного района. В 1980-е гг. в его состав входили Норильский горно-металлургический комбинат, Надеждинский металлургический завод, Талнахский медно-никелевый рудник, Хантайская ГЭС, порты Игарка и Дудинка, другие предприятия и транспортные коммуникации³.

Выдающимся результатом в развитии производительных сил страны явилось создание на севере Западной Сибири крупнейшего нефтегазового комплекса. В 1964 г. здесь началась промышленная эксплуатация месторождений, а в 1987 г. западносибирские промыслы обеспечивали уже более 2/3 общесоюзной и 1/5 мировой добычи нефти и газа. Темпы развития комплекса оказались поистине беспрецедентны. Они отразили неизмеримо возросшие материальные, научно-технические возможности СССР. В 1966–1985 гг. капиталовложения в народное хозяйство Тюменской и Томской областей составили 108,6 млрд. руб., или почти 5 % от их общего объёма в СССР. Доля капиталовложений в нефтяную индустрию Западной Сибири за эти же годы возросла с 19 до 35 %, в газовую – с 1 до 50 % ко всем ассигнованиям в эти отрасли.

За два десятилетия в северных районах Западной Сибири образовался мощный промышленный потенциал. Здесь было построено 43 тыс. эксплуатационных скважин, в том числе 41,4 тыс. нефтяных и 1,6 тыс. газовых, почти 30 тыс. км трубопроводов, газоперерабатывающие заводы общей мощностью 18 млрд. кубометров, крупные ГРЭС мощностью 5,4 млн. кВт., более 21 тыс. км ЛЭП, сотни других нефте- и газопромысловых объектов.

Созданный на общенародные средства, усилиями представителей многих республик, областей и краёв СССР, нефтегазовый комплекс Западной Сибири оказал огромное воздействие на развитие советской экономики. Коренным образом изменился топливно-энергетический баланс страны. В нем стала быстро возрастать доля нефти и газа. В 1960 г. она составляла 38 %, в 1985 г. уже 76 %. В топливно-энергетическом балансе Сибири в 1965–1980 гг. удельный вес нефти возрос с 1,4 до 56 %, газа с 0,01 до 25 %.

С помощью природного газа производились 30 % электроэнергии, 25 % цветных металлов, 40 % проката, 50 % цемента, 93 % чугуна и мартеновской стали, 95 % минеральных удобрений, осуществлялись почти все технологические процессы в стекольной и керамической промышленности. Это дало возможность существенно сократить затраты на производство продукции, улучшить её качественные характеристики. При выплавке стали, например, в мартеновских печах за счет применения газа на 20 % сократились потребности в топливе, на 25 % возросла производительность печей.

Нефтегазовый комплекс Западной Сибири существенно стимулировал развитие многих отраслей народного хозяйства страны, ибо являлся одним из крупнейших потребителей труб, продукции черной и цветной металлургии, машиностроения, цемента и других строительных материалов. На север Западной Сибири поступало 2/5 этих видов ресурсов, направлявшихся на топливно-энергетические предприятия СССР. Комплекс способствовал ускорению научно-технического прогресса в стране. Он потребовал разработки и внедрения новых видов бурового, нефтегазопромыслового оборудования, транспортных средств, коренных изменений в организации труда и управлении применительно к специфическим условиям Севера.

Нефтегазовый комплекс Западной Сибири существенно укрепил международные позиции СССР, позволив ему выйти на первое место в мире по добыче нефти и газа. Многократно расширились возможности экономического сотрудничества с другими странами. В 1965 г. топливно-энергетические ресурсы в экспорте СССР составляли 17 %, в 1985 г. – 52,8 %, в том числе 38,9 % нефти и 10 % газа. СССР осуществлял поставки нефти и нефтепродуктов в 32 страны. Экспорт газа производился в 13 государств. В этих поставках с каждым годом росла доля углеводородного сырья Западной Сибири. В 1970 г. экспорт нефти и нефтепродуктов составил 95 млн. т, причем из северных и восточных районов транспортировалось 15 млн., в 1980 г. уже соответственно, 130 и 113 млн. т⁴. Вместе с тем возможности широких поставок нефти и газа повлекли за собой эйфорию закупок за рубежом машин, оборудования, предметов ширпотреба, продуктов питания, что ослабляло развитие отечественного производства. «Нефтегазовая игла» все глубже входила в тело страны.

Центральным звеном советской административно-командной экономики, ее системы управления являлось планирование, служившее главным рычагом и регулятором обеспечения основных пропорций народного хозяйства, размещения производства на территории страны, в том числе в северных районах. Новая система планирования и экономического стимулирования, предусмотренная реформой 1965 г., совпавшая по срокам с началом нового масштабного этапа освоения Севера, должна была обеспечить оптимальное сочетание централизованного государственного планирования с широкой хозяйственной самостоятельностью предприятий, стабильность плановых за-

даний, проведение тщательной увязки показателей плана с необходимыми ресурсами. В связи с этим намечалось проводить в жизнь такие принципы и методы планирования, как компетентность и объективность; учет всех условий, включая субъективные факторы и местную специфику; соблюдение последовательности в развитии; планирование не от достигнутого, а с учетом общественных потребностей и экономических возможностей; использование показателей, связанных с потребностями и интересами общества; привлечение с наибольшей полнотой резервов производства; пропорциональное развитие социальной сферы. По сути, формировалась модель комплексного планирования, которая при её воплощении в жизнь могла бы обеспечить динамичный и устойчивый рост экономики страны.

Однако сама хозяйственная система и её политическая надстройка оказались невосприимчивыми к подобным нововведениям. Для решения острейших проблем социально-экономического развития Советского Союза требовалось все больше топливно-энергетических и других сырьевых ресурсов, увеличение их экспортных поставок. Перед ещё не сложившимся в достаточной мере нефтегазовым комплексом Тюменской области политическими органами была поставлена задача довести суточную добычу нефти до миллиона тонн, а газа до миллиарда кубометров, что привело к «авральному» наступлению на природные богатства Севера. Их эксплуатацией занимались различные ведомства, по сути своей советские удельные княжества, обладавшие мощной экономической силой, которая направлялась прежде всего на решение собственных отраслевых задач.

В то время как геологи предлагали расширить поиск нефти, чтобы быстрее наращивать ее разведанные запасы, нефтяники не торопились пойти навстречу, предпочитая снимать «жирные сливки» с уже обустроенных месторождений. Над многими нефтяными скважинами горели гигантские факелы попутного газа. Он не собирался и не использовался – ведомства разные. Каждый ведомственный главк имел свой флот, базы и магазины, склады, системы коммуникаций в «своих» микрорегионах, собственную систему финансирования и оплаты труда, заметно отличающуюся от остальных, что вело к искусственному перетоку кадров, погоне за более «длинным» рублем.

Если в столкновениях между собой ведомства все же находили «общий язык», то интересами природы пренебрегали постоянно.

Она гибла под натиском бульдозеров и вездеходов, горящих факелов и просто разлитой нефти. До начала нефтегазовой эпопеи в пойме Оби вылавливалось более пятой части всей рыбы, полученной во внутренних водоемах страны. После того как из-за нарушения правил бурения и эксплуатации нефтяных скважин в реки и озера стали попадать тысячи тонн нефти, уловы рыбы резко сократились. Только одна тонна нефти, вылитая в водоем, покрывала непроницаемой пленкой 25 кв. км водной поверхности, что пагубно отражалось на его обитателях. За первую половину 1960-х гг. вылов муксуна, нельмы и других сиговых рыб сократился на четверть. А к 1970 г. общий улов рыбы уменьшился еще вдвое.

К концу 1980-х гг. содержание нефтепродуктов в Оби превышало предельно-допустимые концентрации в 5-10 раз. В створе реки у Салехарда годовой объем стока растворенных в воде нефтепродуктов составлял 122 тыс. т. Особую опасность представляло загрязнение Обской и Тазовской губ, которые служат единственным питомником и играют важную роль в воспроизводстве самых ценных видов рыб всего Обь-Иртышского бассейна.

Загрязнение водоемов не только вызывало гибель рыбы и кормовых организмов, но и выводило из строя нерестилища и зимовальные ямы, вело к нарушению нормального развития рыб и личинок, что вызывает их уродство и гибель. Суммарные потери среднегодового вылова рыбы в водоемах Тюменского региона в результате неблагоприятного антропогенного воздействия в это время оценивались в 10 тыс. т.

Под нефтегазовое строительство отводились большие площади леса и тундры. На них уничтожалось много леса, нарушался растительный покров, гибли олени пастбища. Только в Ханты-Мансийском автономном округе при прокладке трубопроводов, линий электропередач, обустройстве нефтяных и газовых месторождений ежегодно вырубалось до 2 млн. кубометров леса. В 1984–1985 гг. тюменские геологи, нефтяники, дорожники оставили гнить в тайге 400 тыс. кубометров леса, в то время как у предприятий лесной промышленности области ежегодно закупалось около 500 тыс. кубометров древесины для устройства лежневых дорог и оснований буровых вышек. В Ямало-Ненецком автономном округе с начала нефтегазового строительства и до 1985 г. было изъято из оборота 6 млн. га оленьих пастбищ.

Природа Севера чрезвычайно ранима. След от вездехода в тундре сохраняется в течение пятидесяти лет. Для того чтобы вырос сантиметровой слой ягеля, необходимо пять лет, а о полном восстановлении говорить не приходится. Нарушение вечной мерзлоты приводит к необратимым последствиям – подтоплению, заболачиванию больших пространств⁵.

Не в меньшей мере, чем природно-климатические условия, испытывали на прочность характер северян материально-бытовые трудности в повседневной жизни. Резкая диспропорция в масштабах развития экономики, прежде всего её базовых отраслей, и социальной сферы образует одно из ключевых противоречий освоения Сибири и особенно её северных регионов.

Мощное наращивание их производственного потенциала вызвало бурный рост населения, который в основном происходил за счет лиц в трудоспособном возрасте, пополнявших производственные коллективы. Однако сильные ведомственные интересы, применение традиционных, присущих советской экономической системе подходов и методов освоения природных ресурсов на Севере, приводили к нерациональному использованию кадров, формированию предприятиями множества вспомогательных хозяйств, чрезмерному росту численности персонала, занятого вне основного производства. Одновременно более резко, чем в других регионах, проявилось отставание в развитии социально-бытовой инфраструктуры.

Освоение газовых и нефтяных месторождений Западной Сибири демонстрировало удивительный парадокс в мировом экономическом развитии. Широкомасштабная добыча ценнейшего углеводородного сырья не принесла благополучия тем, чей труд превратил страну в ведущего экспортера газа и нефти. Обильный дождь «газо-нефтедолларов» не коснулся районов, породивших его. По подсчетам экономистов, эксплуатация нефтяных и газовых ресурсов Севера в течение 40 лет дала доходы, эквивалентные триллиону долларов. Но для подавляющего большинства жителей северных регионов эта гигантская сумма осталась абстрактной величиной.

Уже на начальных этапах нефтегазовой эпопеи развернулись бурные дискуссии о путях заселения Севера. Широкое распространение получило мнение о том, что не следует строить в тундре города-призраки, ибо сроки эксплуатации нефтяных и газовых месторождений ограничены, а все более или менее крупные поселения

привязаны к ним. Что будет с этими городами через полвека – вопрошали сторонники этой концепции. Кто будет здесь жить, когда истощатся запасы нефти и газа? Гораздо мощнее оказались ряды приверженцев долговременного обживания Севера. По их убеждению, запасы природного газа и нефти, разведанные в приполярных и арктических районах, способны обеспечить устойчивую добычу на столетия, а если учесть неполную геологическую изученность – и того больше. Поэтому необходимо строить города и рабочие поселки даже на дальних промыслах, т.к. они рано или поздно перерастут в городские поселения. Рабочие и инженерно-технический персонал должны жить вместе с семьями там, где трудятся.

Одновременно росло число сторонников вахтового метода, которые не видели необходимости создания дорогостоящей инфраструктуры на Севере. Тем более, в условиях масштабного продвижения в труднодоступные районы, дефицита в них трудовых ресурсов и хронического отставания жилищно-бытового строительства на практике все чаще приходилось прибегать к завозу вахтовиков.

В середине 1980-х гг. в Приобье было создано около 1,5 тыс. вахтовых поселков. В нефтяной, газовой промышленности и строительстве вахтовым методом работали свыше 150 тыс. чел. Они выполняли 60 % заданий по обустройству промыслов, обеспечивали 35 % добычи нефти. Благодаря этому методу удалось ускорить ввод в действие многих объектов, главным образом за счет привлечения высококвалифицированных специалистов, да и работников массовых профессий, проживавших в других районах страны и обходившихся минимумом коммунально-бытовых удобств на Севере.

Наибольшее распространение получил вахтово-экспедиционный метод. Буровики, нефтяники, строители доставлялись непосредственно в вахтовые поселки из мест постоянного проживания – с Украины, Закавказья, Поволжья, Казахстана. Они работали на промыслах полмесяца-месяц, после чего сменялись новыми «летающими бригадами». При этом отпадала необходимость расселять людей на постоянное место жительства, не возникало проблем с трудоустройством вторых членов семей.

Накопленный опыт показал, что вахтово-экспедиционный метод более эффективен, когда он используется в пределах одного региона и не связан с переброской людей из других климатических и часовых поясов, а опирается на систему базовый город – вахтовый посе-

лок. В качестве примера такой системы в 80-е гг. приводился г. Стрежевой – вахтовые поселки Томской области, где достаточно полно были обеспечены организационные и социально-экономические предпосылки освоения нефтяных месторождений в радиусе до 300 км.

«Великое авиакочевье», как называли вахтовый метод, страдал серьезными издержками. Нарушался режим труда и отдыха работников. Им приходилось адаптироваться к постоянному чередованию длительных периодов работы и отдыха, значительным физическим и нервным перегрузкам, связанным с высокой интенсивностью труда на вахте, утомительными переездами и перелетами. Все это вело к подрыву здоровья и снижению трудоспособности. Медики не рекомендовали людям старше 40 лет работать на вахте. У «летающих бригад», как правило, производительность труда оказывалась существенно ниже, чем у постоянных кадров. К тому же возникали гигантские затраты на авиаперевозки. В отличие от сравнительно доступного среднего Приобья, вахтовый метод вряд ли применим в Заполярье или в далеких северо-восточных регионах⁶.

На фоне советской политики и практики «покорения» Севера представляет интерес опыт освоения северных территорий Канады и Аляски. Схожесть природно-климатических условий, определенное совпадение временных рамок позволяют провести параллели, сравнить как стратегические установки, так и практическую деятельность в малообжитых районах.

Если при освоении Зарубежного Севера первоначально за основу бралась моноресурсная модель, основанная на преднамеренном сужении специализации производственных центров и не стимулирующая общее хозяйственное развитие территории, то при формировании нефтегазодобывающего комплекса Западной Сибири в директивных документах ставилась задача широкомасштабного хозяйственного освоения территории, ее комплексного развития. Для Зарубежного Севера освоение не являлось синонимом заселения. Люди, прибывавшие на Север Канады, например, ориентировались на непродолжительный срок проживания. Напротив, в северных районах Тюменской области уже на начальном этапе планировалось создать многочисленное постоянное население.

В 1930–50-е гг. на Севере Канады образовывались так называемые «города-компании», где компания – владелец практически всего поселка – ограничивалась формированием минимально необхо-

димых удобств для проживания работающего персонала. Однако в 1960-е гг. развернулся принципиально новый этап, связанный с созданием образцовых городов, при планировке и застройке которых использовались последние достижения градостроительства того времени, обеспечивающие комфортабельные условия для жителей. Хотя хозяйственная деятельность по-прежнему носила очаговый характер, сопровождалась созданием дисперсной сети мелких поселений, но смена парадигмы освоения в 60-е гг., совпавшая по времени с развертыванием научно-технической революции, позволила оптимизировать производство и в связи с этим обеспечить рациональные размеры и структуру новых городов. Для них характерны небольшая численность населения и одновременно значительный объем выпускаемой продукции в расчете на одного жителя.

Социально-бытовая инфраструктура в районах Зарубежного Севера формировалась раньше промышленных объектов, что позволило добиться не только высоких экономических результатов, но и создать поселения, где качество услуг и потребления, да и сам архитектурный облик не хуже, а зачастую даже лучше, чем в «старых» городах.

В отличие от градостроительной практики в северных районах Канады и США, где архитекторы и строители имели возможность вырабатывать и применять новые неординарные градостроительные решения, учитывающие природно-климатические особенности, на Севере Западной Сибири такой подход реализовать не удалось. Сказалось отсутствие обоснованной, всесторонне проработанной градостроительной концепции, а также недостаток времени в условиях нефтегазового бума на подготовку проектной документации, учитывающей природно-климатическую специфику Севера. Поэтому при разработке генеральных планов сибирских городов опыт «черпался» не из лучших мировых достижений архитектуры, используемых при строительстве на Севере Канады и на Аляске, а из проектов застройки районов Поволжья, Татарии и Башкирии, которые по своим характеристикам существенно отличались от северных районов Западной Сибири. К тому же эти проекты «усекались» и «удешевлялись» в процессе реализации, что в конечном итоге могло обеспечить только низкие жизненные стандарты⁷.

Таким образом, освоение Севера Канады и Аляски основывалось на принципе экономической целесообразности, там широко исполь-

зовались научно-технические достижения, вложения в социальную сферу имели приоритетный характер, что обеспечивало привычный жизненный уровень для мигрантов, прибывавших из обжитых районов. Напротив, северные территории Западной Сибири испытали мощное давление политических факторов, требования центральных органов о ежегодном безусловном наращивании добычи нефти и газа не позволяли реализовать меры стратегического характера, а социальная сфера по сути выступала как «побочная примесь» к нефтяным и газовым фонтанам.

Опыт освоения зарубежного Севера также показал целесообразность использования плано-прогнозных методов, которые не противоречат, а, напротив, органично вписываются в рыночную экономику. Применение этих методов, тесное взаимодействие нефтегазовых компаний и местных муниципальных органов позволило избежать многих социально-демографических проблем или решить их в сжатые сроки, что стало существенным фактором экономического роста.

Важное значение имела замена опорных региональных программ на зарубежном Севере новыми концепциями государственного регулирования регионального развития. Целью и задачами северной политики стали не уравнивание регионов и социальная помощь им, а стимулирование эффективной пространственной организации посредством перехода к устройству территорий не на макро-, а на средне- и микроуровнях. Опыт показывает, что при опоре на рыночные механизмы, передаче регионального планирования низшим административным структурам, расширении прав местных органов власти, косвенном государственном регулировании, предполагающем субвенции для отдельных предприятий в сложной природно-климатической обстановке, компенсацию дополнительных затрат, налоговые льготы, возможно создание условий для привлечения инвестиций, стабильного экономического и социокультурного развития⁸.

В Советском Союзе разрабатывались масштабные и долгосрочные документы стратегического характера: Комплексная программа развития Севера, Комплексная программа развития Тюменского нефтегазового комплекса и др., которые по своему научно-техническому обоснованию соответствовали мировому уровню. Они предполагали огромные капитальные вложения из государственного бюджета,

реализацию крупных экономических и социальных проектов, прочное обживание северных территорий. Так, в Тюменской области планировалось не только резко увеличить добычу нефти и газа, но и ежегодно вводить в эксплуатацию не менее одного квадратного метра жилплощади на человека, что могло бы существенно продвинуть вперед решение жилищной проблемы, а это определяющее звено позволило бы вытянуть всю «социальную цепь».

Пожалуй, в наибольшей мере эти концептуальные установки удалось реализовать на Енисейском Севере, где развернулось масштабное жилищно-бытовое строительство. В начале 1980-х гг. завершился его перевод в Норильском промышленном районе на непрерывный режим работы, параллельно функционировали все предприятия стройиндустрии. Перестройка в организации строительного производства позволила существенно повысить его эффективность и обеспечить ежегодный ввод только в г. Норильске около 200 тыс. кв. м жилья. Активно использовались также возможности и резервы крупнейших предприятий по строительству жилья хозяйственным способом. Благодаря его применению за 1979–1984 гг. на Надеждинском металлургическом заводе улучшили жилищные условия 1600 чел. или 35,2 % от общего числа работающих. К середине 1980-х гг. в Норильске на одну тысячу жителей строилось полезной жилой площади и объектов соцкультбыта в два раза больше, чем в среднем по стране.

Конечно, развитие социально-бытовой инфраструктуры на Крайнем Севере требовало немалых средств. К примеру, себестоимость одного квадратного метра жилплощади в Норильске составляла 570 руб. против 181 руб. в среднем по Красноярскому краю. Но эти затраты окупались сполна, ибо оказывали заметное воздействие на трудовую деятельность практически каждого северянина. В Норильском промышленном районе отчетливо проявилась взаимосвязь экономического и социального прогресса. Только за 1981–1985 гг. Норильский горно-металлургический комбинат получил прибыль в 4 млрд. руб., значительная часть которой была направлена на социальные цели.

В г. Норильске уже в 1970-е гг. сложилась эффективная система жизнеобеспечения населения. Горком КПСС и горисполком совместно с руководством комбината особое внимание уделяли решению вопросов, связанных со здоровьем населения, социально-бытовым

обслуживанием, обеспечением комфортных условий проживания. Местные органы управления добились установления для норильчан особых стандартов жизнеобеспечения. Например, в городе были введены повышенные нормы питания с преобладанием жиров и белков. С учетом рекомендаций медиков организованы тепличные хозяйства для выращивания витаминной продукции – зелени и овощей. Из года в год увеличивалось производство оленины, которая очень полезна для питания северян.

Местная пищевая промышленность перешла на выпуск специальных хлебобулочных изделий, обогащенных витаминами, напитков с витамином «С». В первую очередь продуктами с витаминными добавками и другими важными для северян компонентами обеспечивались учреждения общественного питания, детские сады, школы.

С начала 1970-х гг. в Норильске вопросы развития социальной сферы решались прежде всего с точки зрения сохранения и укрепления здоровья северян, полноценного и комфортного проживания в городе. С данных позиций рассматривалось строительство жилых зданий, детских и спортивных сооружений, социально-бытовых комплексов, предприятий общественного питания. Действовала автоматизированная система обработки медицинских данных, которая содержала информацию о состоянии здоровья десятков тысяч норильчан. Тем самым медики стремились предупреждать прединфарктные состояния, вспышки вирусных инфекций, желудочно-кишечных расстройств. Они изучали, что происходит с людьми при перепадах давления, смене полярной ночи полярным днем, с чем связаны пики обморожения и т.д.

Комплексный подход к решению социальных проблем в Норильске приносил заметные результаты. В течение 1975–1985 гг. удалось улучшить демографические показатели, стабилизировать трудовые коллективы, снизить текучесть кадров, укрепить здоровье норильчан. Заметно снизилась заболеваемость детей и подростков, что привело к сокращению выдачи матерям больничных листов по уходу за ребенком, уменьшению частоты заболеваний детей в дошкольных учреждениях и школах.

В 1980-е гг. на предприятия и в организации Норильска поступало так много предложений о приезде на работу из самых различных регионов страны, что горисполком даже принял постановление «О мерах по упорядочению приглашений (вызовов) граждан в город Но-

рильск и их прописки», обязывающее работодателей ответственно относиться к приглашению новых работников с учетом их квалификации и специальности. Привлекательность труда и проживания в Норильске была очень велика. Только в адрес горно-металлургического комбината приходило около 30 тыс. писем-предложений в год⁹. Однако опыт обживания и социально-бытового развития Енисейского Севера оставался во многом уникальным явлением в отечественной практике.

Диктат центральных органов управления, нацеленный на наращивание темпов добычи полезных ископаемых, ведомственность и монополизм производителей, выразившиеся в практически неограниченной и бесконтрольной власти союзных министерств, сформировали одностороннюю народно-хозяйственную структуру, которая не воспринимала коренные жизненные интересы населения северных районов. Созданная здесь крупная индустрия, дававшая почти весь объем промышленного производства, ориентировалась прежде всего на масштабное извлечение невозполнимых природных ресурсов, которые не подвергались глубокой переработке, а направлялись в другие регионы, где и реализовывался социально-экономический эффект, полученный в добывающих отраслях. В результате неэквивалентного обмена северные регионы в течение многих лет несли огромные социальные потери, тогда как различного рода поступления из централизованных фондов не обеспечивали потребностей населения, а лишь консервировали его значительное отставание по комплексу жизненных условий от среднероссийских показателей.

Выделение средств на развитие социально-бытовой инфраструктуры осуществлялось в основном по ведомственным каналам, что сразу же отводило местным органам управления второстепенную роль. Подобный характер финансирования позволял «экономить» на социальной сфере, приводил к серьезным диспропорциям в ее развитии. Министерства и ведомства выделяли ассигнования преимущественно на строительство жилья и детских учреждений, от которых зависело привлечение рабочей силы на предприятия. Одновременно ощущалась острая нехватка средств на сооружение общегородских или территориальных коммунальных объектов, развитие образования и культуры, здравоохранения и т. д.

В годы перестройки, несмотря на громогласное осуждение «остаточного» принципа финансирования социальной сферы, практика

освоения северных территорий продолжала двигаться в старом русле технократического сценария. Во второй половине 1980-х – начале 90-х гг. из каждого рубля капитальных вложений здесь затрачивалось на социальные цели менее 13 коп. Падение жизненного уровня северян происходило даже быстрее, чем в среднем по Российской Федерации.

На рубеже 1980–90-х гг. в условиях централизованно введенного «самофинансирования» в число первоочередных выдвинулась проблема разбалансированности финансов, связанная с низкими тогда ценами на природные ресурсы. В значительной степени ее обострило введение рентных платежей на нефть и газ после формирования бюджетов на 1991 г., что привело к резкому сокращению доходной базы автономных округов Тюменской области. Давая две трети добычи углеводородного сырья в пределах бывшего СССР и обеспечивая основную часть всех валютных поступлений, они не имели необходимых финансовых средств для минимального удовлетворения самых неотложных социальных нужд населения.

Парадоксом «переходного периода» к рыночным отношениям стала натурализация хозяйственных связей, что породило дополнительные трудности для северных районов. Рассматривая поставки газа, нефти, руды, металлов как обязательные, другие регионы задерживали заключение хозяйственных договоров, сокращали объемы поставок продовольствия и промышленных товаров. В этих условиях особенно болезненно сказывался узкоотраслевой характер северной экономики, ее моноструктурность, определившие жесткую зависимость материального обеспечения населения от внешних связей. По выпуску потребительских товаров северные районы занимали последние места в России, производя за счет собственных ресурсов лишь небольшую часть необходимого фонда потребления. Сюда завозились почти все непродовольственные товары и продукты питания, значительная часть строительных материалов и конструкций. Ямало-Ненецкий округ – основной поставщик газа не имел централизованного газоснабжения, из года в год откладывалось строительство коммунального газопровода, а городские жители пользовались малоудобными электрическими плитками. Столица округа г. Салехард получил ямальский газ лишь через 30 лет после начала его поставок в Европу.

Большое значение для северных районов, которые по добыче полезных ископаемых, производительности труда занимали в России ведущие позиции, а по социально-бытовым условиям жизни отставали от среднероссийского уровня, имело выравнивание территориальных различий в материально-бытовом обеспечении населения. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. представлялось принципиально важным на практике реализовывать принцип эквивалентности, объективно учитывать соответствие вклада региона в социально-экономическое развитие страны его доле в общем фонде потребления. Соответственно и финансовая база региональных органов управления должна быть адекватна экономическому потенциалу территории.

При этом было бы ошибочным отождествлять среднестатистическое и фактическое выравнивание территориальных различий в социальной сфере. Жителям северных районов требуется гораздо больше продуктов животного происхождения, им необходимы более просторные жилые помещения, более широкий ассортимент одежды, обуви и т.д. Следовательно, фактическое выравнивание материально-бытовых условий жизни означает не одинаковое потребление материальных благ, а, прежде всего, обеспечение равной степени удовлетворения потребностей населения, которые существенно отличаются в разных регионах страны.

Серьезной проблемой являлась и значительная дифференциация уровня социально-экономического развития отдельных районов внутри самих административных образований на Севере, что связывалось прежде всего с ведомственным диктатом, перекосами в инвестиционной политике и размещении производительных сил. Особенно сильно подобные «социальные перепады» ощущались в населенных пунктах нефтегазового комплекса и в поселках работников традиционных отраслей. Очевидный, убедительно доказанный советской историей вред уравниловки все же не отрицает необходимости сглаживания этих социальных различий. К тому же опыт Зарубежного Севера и ряда ближневосточных стран свидетельствует, что добыча и реализация нефтегазовых ресурсов обеспечивают благосостояние населения обширных регионов, а не только жителей территорий, примыкающих к нефтяным и газовым скважинам.

Важно иметь в виду, что социально-бытовые проблемы, с одной стороны, тесно связаны между собой, а с другой – обладают относительной автономией. Изменение реальных доходов влияет на ве-

личину и структуру потребления. Качество продовольствия и рацион питания отражаются на здоровье людей. Вместе с тем жилищное строительство не может компенсировать нехватку детских учреждений, а бытовое обслуживание – недостаток продуктов питания. Поэтому необходим комплексный подход к решению социально-бытовых проблем. Только при таком подходе социально-бытовое развитие приобретает характер подлинного прогресса, способствует росту производительных сил.

Нет преувеличения в том, что для Российского Севера именно комплексное решение социально-бытовых проблем имеет жизненное значение. В условиях перехода к рыночным отношениям в результате инфляции, резкого падения покупательной способности рубля, возможности получения высоких заработков в более благоприятных климатических условиях северные районы теряли свое единственное социальное преимущество – в размерах денежной оплаты труда. Это представляло прямую угрозу кадровому потенциалу предприятий, вело к распаду трудовых коллективов, миграционному оттоку квалифицированных рабочих и специалистов за пределы северных регионов.

Перспективность комплексного решения социально-бытовых проблем все же не отрицает целесообразности выбора приоритетов в данный момент, что определяется, с одной стороны, потребностью смягчения действия факторов, особенно болезненно отражающихся на условиях жизни населения, а с другой – ограниченностью материально-финансовых ресурсов. Такой центральной социальной задачей на рубеже 1980-х – 90-х гг. являлась стабилизация потребительского рынка, что предусматривало не только сокращение разрыва между выпущенной в оборот денежной массой и ее товарным покрытием, но и обеспечение самых насущных нужд людей в продуктах питания и непродовольственных товарах.

Разрушение потребительского рынка северных регионов обуславливалось общим кризисом советской социально-экономической системы. Как и во всей стране, «заблаговременные» правительственные заявления о предстоящем повышении розничных цен вызывали мощные ажиотажные волны, сметавшие товары с прилавков магазинов. Вместе с тем существенный отпечаток наложили и социально-экономические особенности Севера, прежде всего крайне низкий выпуск потребительских товаров.

Так, в Ямало-Ненецком автономном округе в 1990 г. их было произведено в расчете на одного жителя всего на 175 руб. при среднегодовой заработной плате 6780 руб. Разрыв между денежными доходами и расходами населения составил огромную сумму, превысив 340 млн. руб.

В соответствии с постановлением Совета Министров России от 4 февраля 1991 г. «О некоторых мерах по социально-экономическому развитию районов Севера», исполком окружного Совета народных депутатов принял решение установить с 1 марта этого года единый районный коэффициент к заработной плате рабочих и служащих бюджетных организаций и учреждений, располагавшихся в населенных пунктах севернее Полярного круга – 1,8, южнее – 1,7. Одновременно такая же надбавка была введена к пенсиям и пособиям граждан. Эти меры, призванные компенсировать дополнительные затраты, которые связаны с проживанием в северных районах, отвечали принципу социальной справедливости. Однако в условиях разрушения потребительского рынка они не могли реализовать свою социальную роль и способствовали выпуску в оборот дополнительной массы обесцененных денежных знаков¹⁰.

В целом 1991 г. ознаменовался резким увеличением оплаты труда работников основных отраслей экономики северных районов, особенно добывающих, а также быстро растущего кооперативного сектора. Высокие темпы роста денежных доходов, не подкрепленные товарами и платными услугами, подстегивали инфляционные процессы. Положение не изменило апрельское (1991 г.) повышение розничных цен. Из-за сокращения выпуска и завоза товаров народного потребления соотношение между денежной и товарной (в стоимостном выражении) массой даже возросло.

Вместе с тем в связи с введением различного рода компенсаций и надбавок заработная плата все больше аккумулировала (кстати, из-за инфляции во многом иллюзорные) функции социальной защиты работающих в условиях роста цен. Соответственно падала именно заработанная, т.е. непосредственно связанная с производственной деятельностью доля денежных средств в совокупной оплате труда. Следовательно, заработная плата теряла свое значение как стимул производительного труда и все слабее связывалась с его эффективностью и конкретными результатами. Подобная ситуация вызывала

серьезную тревогу, ибо у работающих заметно снижалась мотивация к труду.

Рыночные реформы российского правительства нанесли беспощадный удар и без того невысокому жизненному уровню населения, в т.ч. в северных районах, работа в которых фактически теряла экономический смысл. Отпраздновав наступление нового 1992 года и получив поздравления от лидера российской демократии президента Б.Н. Ельцина, уже 2 января россияне испытали мощнейший шоковый удар, скромно названный либерализацией цен. По сути произошла жесточайшая денежная реформа конфискационного типа. И хотя стопки денежных знаков, получаемых время от времени в виде зарплат, пенсий и пособий, заметно разбухли, их натужное карабканье вверх было даже не сопоставимо с реактивным взлетом свободных цен.

Вместе с тем прочно прикованной к земле осталась многомиллиардная глыба сбережений. Размываемая мощным инфляционным потоком, она таяла на глазах и превращалась в прах. Одновременно погибал, обесценивался и прошлый труд. К началу 1991 г. в учреждениях Сбербанка РСФСР хранилось 216,4 млрд. руб., среди которых была высока доля сбережений северян, отложенных для приобретения кооперативной квартиры «на материке», автомобиля «Жигули», дачи и других жизненных благ.

Российское правительство проявило удивительную смелость или, скорее, поразительную безответственность, пойдя на отпуск цен без какой-либо компенсации сбережений населения. К тому же терял силу такой эффективный антиинфляционный рычаг, как аккумулярование свободных денежных средств в банковской системе. Оказалось подорванным и без того шаткое доверие людей к государственной финансовой политике. А подобное доверие, кажущееся на первый взгляд некой духовной субстанцией, на деле представляет мощную экономическую силу.

Даже денежная реформа 1947 г. имела совсем иной характер. Проведенная одновременно с отменой карточек на продовольственные и промышленные товары, она предусматривала выпуск в обращение новых денег и изъятие старых. Этот обмен был непропорциональным. Находящиеся на руках у населения денежные средства менялись в соотношении 10:1, т.е. десять рублей в старых деньгах на один в новых. Денежные вклады в сберегательных кассах пере-

оценивались на более льготных условиях (3:1), причем вклады до 3 тыс. руб. сохранялись в прежних размерах. Это означало, что интересы мелких вкладчиков не были затронуты. Денежная реформа не коснулась заработной платы рабочих, ИТР, служащих, пенсий, стипендий и пособий. Они продолжали выплачиваться в новых денежных знаках в прежних размерах.

Для обмена денег устанавливался очень короткий срок – всего одна неделя (с 16 по 22 декабря 1947 г.). Денежные знаки, не предъявленные к обмену в течение этого периода, теряли свою платежную силу и аннулировались.

И все же денежная реформа 1947 г. объективно была необходима. Она позволила преодолеть последствия войны в сфере денежного обращения, повысить покупательную силу рубля, обеспечить переход к торговле без карточек. Необходимо подчеркнуть, что эта акция была четко организована, просчитаны ее основные последствия, а органы управления всех ступеней слаженно взаимодействовали между собой. Хотя реформа имела конфискационный характер, государство стремилось защитить малоимущие слои, т.е. основную массу населения страны¹¹.

С позиции нравственности нельзя не заметить, что новая Россия объявила себя ответственной за внешние займы бывшего СССР, публично обязалась выплачивать долговые обязательства и набежавшие по ним проценты западным государствам. А как быть с внутренним долгом? Под общие рассуждения, что «сейчас всем тяжело», даже предпринимались попытки «забыть» о нем. Лишь в конце 1990-х гг. стали производиться компенсационные выплаты ограниченному кругу вкладчиков, преимущественно инвалидам и лицам преклонного возраста.

Введение так называемых свободных цен оказалось для северных районов особенно болезненным в связи с еще двумя обстоятельствами. Во-первых, они являлись регионами с крайне слабо развитой собственной сельскохозяйственной базой. Так, в Ямало-Ненецком округе от общего далеко неудовлетворяющего потребности объема потребления производилось лишь 10–13 % мясопродуктов, 4 % молока и молочных изделий, 7 % яиц, 5 % картофеля, 10 % кондитерских изделий, 11 % безалкогольных напитков. Свободные цены на продовольствие достигли на Севере «стратосферных высот», срезая номинально высокие денежные доходы населения. Во-

вторых, приватизация ряда сегментов социально-бытовой сферы встретила здесь с дополнительными существенными трудностями, связанными с её «эмбриональным» состоянием. Обеспеченность учреждениями торговли и общественного питания, предприятиями службы быта была в северных районах гораздо ниже, чем в обжитых регионах, что не позволяло проводить антимонопольную политику, ожидать развития конкуренции.

Ощутимой проблемой для потребительского рынка северных территорий стали срывы централизованных фондовых поставок продовольствия, обусловленные распадом административно-плановой системы материального снабжения. Ответной реакцией, как и в ряде других регионов, явилось развитие так называемых бартерных операций. Коллективы предприятий нефтяной и газовой промышленности выдвинули требования к правительству о взаимосвязи поставок нефти и газа с поступлением к ним продовольствия, промышленных товаров, строительных материалов, а также наделения этих предприятий правом реализовать по своему усмотрению часть нефти, газа, конденсата, выделения производителям доли валютных поступлений от их экспорта.

Нельзя не признать, что в условиях развала денежной системы и стремительного падения покупательной способности рубля бартерные сделки представляли неизбежное явление и в определенной степени «разряжали» ситуацию на потребительском рынке. Однако одновременно они усиливали социальную напряженность, порождали противоречия во взаимоотношениях между отдельными общественными группами, ибо использовались лишь в интересах работников добывающих отраслей. «Обойденными» оставались представители многих других профессий, чей труд общественно полезен и необходим для жизнеобеспечения всего населения. Например, справедливые требования и нарекания в данной связи высказывали врачи и учителя. Поэтому применительно к тем условиям представлялась рациональной идея создания общего фонда природных сырьевых ресурсов и материалов, который использовался бы в интересах всех жителей.

Наряду с кризисом потребительского рынка большие трудности для населения создавало значительное отставание социально-бытовой инфраструктуры. Темпы ее роста в течение всей северной эпопеи были явно недостаточны и не соответствовали увеличению числа

городских жителей. На рубеже 1980–90-х гг. произошел резкий спад в жилищном и культурно-бытовом строительстве.

Только в Ямало-Ненецком автономном округе в 1990 г. население недополучило 114 тыс. кв. м жилья, более 2 тыс. мест в детских садах, много других социально-бытовых объектов. По сравнению с предыдущим годом ввод в эксплуатацию квартир уменьшился на 29 %, общеобразовательных школ – на 12 %, дошкольных учреждений – более чем в 2 раза.

Причинами стали уменьшение инвестиций из государственных источников, развал материально-технического снабжения. Особые трудности создавало слабое развитие местной строительной индустрии, которая была способна обеспечить лишь 12–15 % объемов капитальных вложений.

В целом в Ямало-Ненецком автономном округе жилой фонд в начале 1990-х гг. составил 7144,5 тыс. кв. м, или 14,5 кв. м общей площади на одного человека. Обеспеченность общеобразовательными школами равнялась 89 %, детскими дошкольными учреждениями – 78, больницами – 84, поликлиниками – 72 %.

Но наиболее острой оставалась жилищная проблема. В очереди на получение жилья стояли свыше 57 тыс. семей, около 15 тыс. вообще не имели его. В ходе нефтегазовой эпопеи широкое распространение получили такие «жилища» как балки и вагончики, количество которых практически не уменьшалось. Если в 1962 г. в Ямало-Ненецком округе их насчитывалось 12978, то в начале 1990 г. – 12179, число проживающих составило соответственно 43448 и 44319 чел. Промышленные предприятия редко выделяли вновь построенные квартиры для семей, размещавшихся в балках и вагончиках.

Ситуацию осложняли и так называемые «фенольные» дома, имевшие особую химическую пропитку стен, которых насчитывалось свыше 360. Многие проживающие в них испытывали сильное морально-психологическое угнетение, связанное с беспокойством за здоровье членов своих семей.

Кризис социальной сферы в начале 1990-х гг. усугубила так называемая «муниципализация», т.е. передача жилья и социально-бытовых объектов, находящихся в распоряжении промышленных предприятий, на баланс местных Советов. Практика показала, что в первую очередь передавались те социально-культурные учреждения,

которые не приносили дохода и требовали значительных затрат на свое содержание. В то же время ограниченные бюджеты местных органов были не в состоянии профинансировать эти учреждения. Поэтому некоторые из них в течение длительного времени пребывали в состоянии неопределенной балансовой принадлежности и без источников поступления денежных средств.

Исключительно важно учитывать, что в условиях Севера социально-бытовые проблемы тесно переплетаются с медико-биологическими, в совокупности непосредственно отражаются на адаптации человека к новой жизненной обстановке. Как правило, это очень сложный процесс, связанный с высокой заболеваемостью. Обследования, проведенные среди новоселов, приехавших в Среднее Приангарье в 1960-е гг., показали, что в 87 % случаев в первые месяцы пребывания отмечалась слабость, разбитость, усталость, головные боли, пониженная работоспособность, быстрая утомляемость, нарушение сна¹².

Еще болезненнее проходила акклиматизация в индустриальных районах Крайнего Севера, где возрастала сила воздействия стрессогенных факторов. Психологическое состояние человека часто оказывалось очень чувствительным индикатором изменений, происходивших в организме при контакте с неблагоприятными природно-климатическими и социальными условиями. По данным обследований второй половины 1990-х гг. у 55,4 % практически здоровых людей на Крайнем Севере отмечалась сильная эмоциональная напряженность, у 32 % обследованных проявлялся высокий уровень нервных расстройств.

Изучение психологических особенностей северян показало, что каждому второму свойственна эмоциональная нестабильность, склонность к конфликтам. При этом у 36,8 % обследованных адаптивность к экстремальным условиям Севера оценивалась как состояние на грани срыва. Особенно дискомфортно чувствовали себя мигранты, которые попадали в новые необычные условия, предъявляющие повышенные требования к адаптивным механизмам. Так, частота пограничных состояний у них оказалась в 1,5 раза, а психопатии – в 6 раз выше, чем у укоренившегося населения.

При адаптации к высоким широтам проявляются особенности суточных и сезонных ритмов физиологических функций: в период полярной ночи тонус высших отделов центральной нервной систе-

мы понижен, нарушается ритм сна, отмечаются признаки психологической подавленности и невротических состояний; в течение полярного дня тонус ЦНС повышен, имеют место явления перевозбуждения, сокращения фазовых сдвигов длительности сна. В условиях Крайнего Севера формируется «полярный метаболический тип», для которого характерно снижение энергетической роли углеводов и повышение значения жиров, в меньшей степени – белков¹³.

Справедливо отмечено, что для человека на Севере – «все дефицит: воздух – мало кислорода, солнце – больше половины года полярная ночь, вода – из-за большого содержания минеральных примесей необходима очистка. У него меньше квадратных метров жилья, коек в больнице, мест в детсадах, школах, в учреждениях культуры, чем у среднего россиянина»¹⁴.

Резкое ухудшение условий жизни населения в конце 1980-х – начале 90-х гг., его обнищание в результате гиперинфляции со всей остротой ставили вопрос о материальной поддержке социальных групп, находившихся в особенно трудном положении. Обострились проблемы, связанные с обучением и воспитанием подрастающего поколения. Ухудшились охрана здоровья детей, трудоустройство подростков, материальная обеспеченность выпускников школ-интернатов.

Все это требовало осуществления неотложных мер по созданию системы экстренной социальной помощи, способной быстро оказать поддержку людям, оставшимся без средств существования, оказавшимся в «тупиковой» жизненной ситуации. В северных районах особенно важным стало развитие эффективной социальной работы, опирающейся на отечественный и мировой опыт.

С конца 1980-х гг. нарастала социальная напряженность в трудовых коллективах, что обуславливалось снижением жизненного уровня и крахом потребительского рынка. После апрельского (1991 г.) повышения розничных цен и их «либерализации» в январе 1992 г. на первый план выдвинулись требования экономического характера. Трудовые коллективы нефтегазодобывающих, металлургических, угольных и других северных предприятий, сформированные выходцами из самых различных областей и краев бывшего СССР, представляли сложный и своеобразный социальный конгломерат, таивший в себе сильную взрывную энергию. Многие работники, прибывшие на Север с целью получения средств для обеспечения личного благополучия, испытывали острое разочарование, чувство

крушения жизненных планов. Тогда вполне реальной была исходившая из такой социальной среды угроза перекрыть заглушки на нефте- и газопроводах или произвести другие действия, которые могли бы иметь труднообратимые последствия.

Масштабных акций социального протеста на Севере не произошло. Его обитатели предпочли иную, апробированную веками российской истории форму выражения протестного потенциала – исход на другие территории.

Если российские первопроходцы, раздвигая границы державы, двигались «навстречу солнцу», а в советский период даже при огромной текучести кадров на сибирских и дальневосточных новостройках стремительно росло население, развертывалась широкая урбанизация восточных районов страны, то теперь вектор миграционного движения сместился на западное и южное направления. Особенно ощутимые человеческие потери понесли отдаленные от Европейской России северо-восточные регионы. За 1990-е гг. и первые годы нового века они лишились в результате миграционного оттока и естественной убыли населения около 1 млн. человек. К 2005 г. по сравнению с 1989 г. число жителей Чукотки и Магаданской области уменьшилось наполовину, Камчатки – почти на 20 %, Сахалина – на 15 %. Возникла прямая угроза обезлюдивания громадных пространств, имеющих большое экономическое и геополитическое значение¹⁵.

Ощутимые потери населения понесли также северные районы Западной Сибири, где ещё в 70–80-е гг. оно прирастало в геометрической прогрессии. За 1991–1994 гг. отрицательное сальдо миграции в Ямало-Ненецком автономном округе превысило 46 тыс. чел. Общими причинами стали экономический спад, сопровождавшийся сокращением добычи углеводородного сырья и высвобождением рабочей силы, снижение капитальных вложений в жилищное строительство и развитие социальной сферы. Свою роль сыграла узкоотраслевая специализация большинства северных районов, не позволявшая трудоустраивать на месте высвобождавшихся работников. В связи с «прорехами» в социально-бытовой инфраструктуре и стремительным ростом стоимости потребительской корзины эти районы потеряли магнетическую силу высоких заработков, возможности для получения которых значительно расширились в обжитых районах с благоприятными природно-климатическими условиями. Уезжали не

только те, кто не успел обустроиться, но и высококвалифицированные профессиональные кадры.

И все же на Севере Западной Сибири удалось переломить тенденцию сокращения численности населения. В последние годы в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, в отличие от большинства других субъектов Российской Федерации, наблюдается его устойчивый прирост. Безусловно, сказываются особенности половозрастной структуры жителей, её сравнительно молодой характер, что обуславливает заметное превышение рождаемости над смертностью.

Вместе с тем принесли эффект перемены в региональной социальной политике, которая стала теснее увязываться как с конкретными потребностями северян, так и с решением территориальных социально-демографических задач. Если в 1990-е гг. развивались различные виды социальной помощи, увеличивались разнообразные пособия и компенсации жителям, то в последующее десятилетие акцент делается на создании более комфортных условий проживания на Севере и, прежде всего, решении жилищной проблемы с использованием современных технологий строительства и при финансовой поддержке из окружного бюджета. Это позволяет не только эффективно вкладывать сбережения населения, защищать накопления от инфляции, стимулировать строительную промышленность, но и, что особенно важно, упрочить базисные основы образа жизни северян, стабилизировать их социальное положение, поддержать молодые семьи.

В социально-бытовой инфраструктуре преимущественное развитие получают сегменты, услуги которых имеют массовый и повседневный характер. Эксклюзивные виды социально-культурного обслуживания, такие как получение высшего образования, оказание высокотехнологичной медицинской помощи и др., признано целесообразным «приобретать» в крупных городах страны.

Опыт социально-демографического развития северных территорий опровергает получившую в последние годы распространение концепцию о их «перенаселенности», что выглядит поистине удивительным на фоне громадных пространств с крайне низкой плотностью населения. Наличие в различные периоды на добывающих предприятиях «избытка» кадров в связи с их нерациональным использованием не может служить в качестве аргумента. Подобные

взгляды выгодны только так называемым «эффективным собственникам» – крупным нефтегазовым и горнодобывающим корпорациям, возникшим в ходе российской приватизации. Их деятельность направлена на закрепление сырьевой направленности северной экономики, усиление её экспортной ориентации.

Между тем подлинное освоение региона не сводится к его экономическому развитию, причем в узкоотраслевом исполнении. По сути своей освоение – это сложный социально-экономический процесс формирования и развития материального производства, заселения и обживания территории, её комплексного преобразования в интересах человека.

Статья подготовлена в рамках интеграционного проекта СО РАН № 8, а также при поддержке РГНФ, проект № 08-01-00508а

-
- ¹ **Российская** Федерация сегодня. Специальный выпуск. 2005. С. 45-47.
 - ² **Экономика** Сибири в разрезе широтных зон. Новосибирск, 1985. С. 56, 167, 168, 239.
 - ³ **Киселев Л.Е.** Север раскрывает богатства (Из истории промышленного развития Крайнего Севера) М., 1964. С. 43-44; **Рабочий класс** Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. С. 61, 62, 71.
 - ⁴ **Пашков Н.М.** Нефтегазовый комплекс Западной Сибири в системе народного хозяйства СССР. // Нефть и газ Западной Сибири. Тезисы сообщений V областной научно-практической конференции. Секция: исторический опыт развития советской Сибири. Тюмень, 1988. С. 95-98.
 - ⁵ **Алексеев В.В., Ламин В.А.** Прометеи сибирской нефти. Свердловск, 1989. С. 242-244.
 - ⁶ См.: **Алексеев В.В., Ламин В.А.** Прометеи сибирской нефти. С. 247-250.
 - ⁷ См.: **Управление** региональными программами в США и Канаде. М., 1983; **Агранат Г.А.** Возможности и реальности освоения севера: глобальные уроки. М., 1992.
 - ⁸ **Букин С.С.** Социально-бытовые проблемы Ямало-Ненецкого округа в контексте перехода к рыночным отношениям. // Ямал в панораме Российской истории. Материалы семинара «Теоретико-методологическое обеспечение исследований по истории Ямала. Екатеринбург, 2004.

-
- С. 180-182; **Абдурахимов Ю.В.** Проблемы региональной политики в России в постсоветский период. // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Материалы Всеросс. науч. конф. Новосибирск, 1998. С. 77.
- ⁹ **Цыкунов Г.А.** Ангаро-Енисейский ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск, 1991. С.97; Куцев Г.Ф. Человек на Севере. М., 1989. С. 108-109.
- ¹⁰ **Букин С.С.** Потребительский рынок тюменских эмиратов. // ЭКО, 1992. № 11. С. 70-71.
- ¹¹ **Букин С.С.** Роль денежной реформы 1947 года в разрешении социально-экономического кризиса. // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – начала XX веков. Материалы третьей региональной науч. конф. Новосибирск, 1998. С. 136-140.
- ¹² **Среднее Приангарье.** Иркутск, 1976. С. 53
- ¹³ **Буганов А.А.** Здоровье на Севере: взгляд на проблему. // Научный вестник. Обдорья: история, культура, современность. Вып. 4 (35). Салехард, 2005. С. 72-73.
- ¹⁴ **Неелов Ю.В.** Север не край, а начало России. // Российская Федерация сегодня. Специальный выпуск. С. 46.
- ¹⁵ **Современная демографическая политика: Россия и зарубежный опыт.** // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. 2005. № 25. С. 46-47.

Роль коммунистических партийных организаций в решении кадровых проблем в районах нового индустриального освоения Сибири.*

Во второй половине XX века разнообразные, уникальные по запасам природные ресурсы Сибири стали активно вовлекаться в хозяйственный оборот. В регионе реализовывались долгосрочные народнохозяйственные программы, имеющие не только общегосударственное, но и мировое значение. Три из них – Ангаро-Енисейская, формирование Западно-Сибирское нефтегазового комплекса, сооружение Байкало-Амурской магистрали охватили огромные, по преимуществу слабозаселенные и неосвоенные в хозяйственном отношении территории.

В ходе их социально-экономического развития созданы крупные производственные коллективы. Они формировались в специфических условиях, не похожих на те, что существовали в хорошо освоенных районах. Хозяйственным, советским и общественным организациям приходилось прикладывать огромные усилия, чтобы в условиях острейшего дефицита местных трудовых ресурсов создавать в строительных организациях на промышленных предприятиях коллективы, способные выполнять важные народнохозяйственные задачи. Накопленный за многие годы исторический опыт решения кадровых проблем в районах нового промышленного освоения (РНПО) Сибири уже давно привлекает к себе пристальное внимание представителей разных общественных наук, в том числе и историков. Имеются сотни публикаций, выполненных в социально-экономическом плане, в той или иной мере касающиеся данной проблемы. Из них своей содержательностью и глубиной исследования отличаются монографические работы¹. Не менее обширен круг исследований, освещающих проблему формирования кадров в РНПО с историко-партийных позиций². Их авторы раскрывают деятельность партийных организаций всех уровней по руководству процессом создания новых производственных коллективов, подбором и расстановкой раз-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-00508а.

личных категорий персонала. В этих работах показывается, что вся государственная кадровая политика практически формировалась центральными партийными органами. В строгом соответствии с существовавшими традициями она рассматривается как совокупность последовательно принимаемых безошибочных решений ЦК КПСС и Советского правительства. Успехи в создании новых трудовых коллективов, в том числе в осваиваемых районах Сибири, также приписываются прежде всего партийным организациям всех уровней.

Для примера приведем оценку роли КПСС в решении кадровых проблем в гидроэнергетическом строительстве одним из ведущих специалистов по изучению истории развития данной подотрасли А.Н. Зыковым. В заключительной части своего исследования он отмечал: «Одним из важнейших достижений партийных организаций Восточной Сибири и всей партии являлось создание сплоченных многотысячных коллективов». Автор не отрицал, что в формировании кадров гидростроителей участвовали хозяйственные руководители, кадровые службы, профсоюзные и комсомольские организации, но, тем не менее, как и большинство историков партии, приоритет в решении данной проблемы отдавал партийным организациям всех уровней³.

Типичным для историко-партийной науки являлось возложение ответственности за ошибки и упущения, связанные с процессом комплектования кадров, их слабой закрепленностью в коллективах на хозяйствующие субъекты, их администрацию, а нередко и на первичные партийные организации. В то же время в редких случаях, можно обнаружить робкую критику партийных комитетов областного уровня и никогда не высказывалось упреков в адрес центрального комитета КПСС.

В данной статье предпринята попытка оценить истинную роль коммунистических партийных органов по решению кадровых проблем в Сибири. Эта задача решается на примере Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса, интенсивное формирование которого происходило в 1955–1980 гг., и северных районов Западной Сибири, в которых с середины 1960-х годов началось создание нового нефтегазового комплекса страны.

Приступая к анализу данной проблемы, зададим такой вопрос: «А существовал ли когда-либо документ, в котором были бы сформулированы основные положения кадровой политики КПСС?». От-

вет на него отрицательный. Но это не означает, что такой политики не существовало и она не реализовывалась на практике. Основные её направления находили отражение в документах съездов, пленумов ЦК КПСС, в совместных постановлениях партии и правительства по хозяйственным вопросам. Несомненно, коммунистическая партия всегда придавала огромное значение кадровым вопросам, в том числе и в 1955–1980 гг., составляющих хронологические границы настоящей статьи. Для примера приведем две цитаты из материалов двух партийных съездов, состоявшихся с промежутком в десять лет – в 1966 и 1976 гг. На XXIII съезде КПСС, отмечая сложности решения задач «коммунистического строительства», руководители партии подчеркивали, что «в этих условиях приобретает решающее значение правильное выдвижение и воспитание руководящих кадров партии и государства. Дело подбора и воспитания кадров должно быть поднято на общепартийный, общегосударственный уровень»⁴.

Подчеркивая важность профессиональной подготовки работников, их правильной расстановки по отраслям народного хозяйства, лидеры КПСС основное внимание уделяли всё же руководящим кадрам и не только тем, что непосредственно работали в партийных организациях, но и занятых в других сферах. Ответ на вопрос, почему такое внимание уделялось данной проблеме, можно найти в Отчетном докладе ЦК на XXV съезде КПСС. На нём отмечалось, что кадровая политика является «могучим рычагом, посредством которого партия воздействует на ход общественного развития»⁵.

Являясь формально общественной организацией, Коммунистическая партия Советского Союза фактически выполняла функции государственного управления всеми сферами общественной жизни. Одним из важных рычагов являлась кадровая политика. Основные её положения КПСС проводила в жизнь с использованием всей совокупности государственных институтов, а также широко разветвленной сети партийных организаций. Кадровые вопросы находили свое отражение в директивных документах (в том числе и в пятилетних планах), в различных инструкциях, распоряжениях, решениях, правительственных постановлениях. Наиболее важные из последних оформлялись в виде совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР. В этих документах намечались меры в сфере профессиональной подготовки населения, по оплате и охране труда, обеспечению трудящихся жильем, решению иных социальных

проблем, в том числе и касающихся конкретных предприятий и организаций.

Развитие рассматриваемых в данной статье Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса и Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса также началось с принятия соответствующих решений на партийных съездах с их последующей конкретизацией в пятилетних государственных планах и постановлениях правительства. Послевоенное восстановление народного хозяйства СССР создало необходимые предпосылки для ускоренного развития производительных сил восточных районов страны. В частности, в соответствии с указаниями XIX съезда КПСС началась реализация Ангаро-Енисейского проекта – второй после Урало-Кузнецкого комбината долгосрочной инвестиционной программы. Согласно решениям съезда партии в Сибири предусматривалось «начать работы по использованию энергетических ресурсов р. Ангары для развития на базе дешевой электроэнергии и местных источников сырья алюминиевой, химической, горно-рудной и других отраслей промышленности»⁶.

Первой гидроэлектростанцией каскада явилась Иркутская ГЭС, давшая мощный импульс экономическому развитию Иркутско-Черемховского промышленного узла. Ещё не закончилось строительство первой ступени ангарского каскада электростанций, как в конце 1954 г. приступили к подготовительным работам по сооружению следующей – Братской ГЭС. Очередной XX съезд КПСС, обозначив эту гидроэлектростанцию в числе важнейших строящихся объектов в Сибири, тем самым придал импульс экономическому развитию всего Среднего Приангарья⁷.

В дальнейшем в этом регионе было сооружено еще много крупных промышленных объектов, имевших большое народнохозяйственное значение. В директивных документах XXIII, XXIV, XXV съездов КПСС ставились конкретные задачи по завершению сооружения Братского лесопромышленного комплекса, Братского алюминиевого завода, Усть-Илимской гидроэлектростанции, Усть-Илимского лесопромышленного комплекса. Более того, на последнем из перечисленных партийных съездов было констатировано, что в десятой пятилетке «формирование Братско-Усть-Илимского ТПК в основном завершилось»⁸.

Открытие в Западной Сибири в 1953 г. газа, а в 1960 г. – нефти, создало необходимые предпосылки для создания в этом регионе новых отраслей промышленности. Количество разведанных месторождений быстро нарастало. Это позволило в 1964 г. начать промышленную добычу нефти. Состоявшийся через два года XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза принял решение «довести в Западной Сибири добычу нефти до 20–25 млн. т и газа – до 16–26 млрд. кубических метров»⁹.

С учетом ныне добываемых объемов добычи нефти и газа эти показатели кажутся небольшими. Однако одновременно с добычей топлива требовалось создавать всю производственную и социально-бытовую инфраструктуру в ранее не освоенных в хозяйственном отношении районах. В последующие годы внимание партийных органов к созданию нового нефтегазового центра лишь нарастало. В декабре 1969 г. Центральный комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли специальное постановление «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири»¹⁰. На всех последующих партийных съездах вопросам развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса уделялось самое пристальное внимание.

Решение важнейших народнохозяйственных проблем было возможно лишь при наличии трудовых коллективов, способных их выполнять. Конкретных заданий по решению кадровых проблем в формирующихся Братско-Усть-Илимском ТПК и Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе центральными партийными органами никогда не принималось. Этими вопросами должны были заниматься министерства и ведомства и нижестоящие партийные организации.

Проблема формирования трудовых коллективов сама по себе являлась сложной. Но она приобретала особую остроту, если новые производственные коллективы создавались в осваиваемых районах. К таким территориям принадлежали и Среднее Приангарье, и большая часть среднего и северного Приобья. Они располагались в северном поясе России с неблагоприятными природно-климатическими условиями, вдали от индустриально развитых центров, на территориях с очень низкой плотностью населения (в начале освоения – менее 1 чел./кв. км). В условиях острейшего дефицита трудовых ресурсов в эти районы в короткие сроки потребовалось привлечь сотни тысяч людей из других районов страны.

Средства массовой информации, всецело контролируемые Коммунистической партией, обеспечили большую популярность приангарским, а позднее и приобским новостройкам. Потребность в трудовых ресурсах почти полностью покрывалась за счет мигрантов. Одни ехали в составе организованных групп, другие в индивидуальном порядке. Свой вклад в решение кадровых проблем строительных, промышленных, геологических и иных организаций внесли и центральные партийные органы.

Выдвинув на XX съезде задачу ускоренного развития восточных районов страны, Коммунистическая партия Советского Союза 12 мая 1956 г. через газету «Правда» обратилась ко всем комсомольским организациям, комсомольцам и молодежи направить своих лучших представителей на строительство электростанций, металлургических, химических и других предприятий. А уже в июле этого же года первый молодежный отряд в количестве 4 тыс. чел., сформированный в Москве, прибыл в Братск. А всего посредством общественного призыва в Братскгэсстрой за 1956 – 1980 гг. поступили на работу 22,1 тыс. чел., что составило около 6 % от общего количества принятых в эту строительную организацию¹¹.

Общественный призыв, как форма комплектования коллективов, обеспечивал строительство и промышленность более качественной «рабочей силой», чем оргнабор, который широко использовался в народном хозяйстве СССР в 1930-1950-х гг. Руководители предприятий и организаций видели преимущество общественного призыва перед оргнабором в том, что он позволял получать более квалифицированные кадры с довольно высоким уровнем образования. Комсомольскими организациями осуществлялся отбор хорошо зарекомендовавших себя на прежней работе молодых рабочих, выпускников средних школ и уволенных в запас воинов. Существенным было и то обстоятельство, что прибывающие по общественному призыву не везли собой семей. На начальных этапах формирования новых коллективов это облегчало решение жилищной проблемы.

С учетом этих обстоятельств при формировании коллективов строителей, нефтяников, газовиков и геологов общественный призыв использовался очень широко. Уже в 1964 г. с помощью областных партийных организаций в уже сложившихся нефтедобывающих районах были отобраны и направлены в Тюменскую область квалифицированные специалисты, составивших ядро новых трудовых кол-

лективов. А в июне 1966 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об общественном призыве молодежи на важнейшие стройки пятилетки». К важнейшим Всесоюзным ударным стройкам относились и многие объекты нефтегазового комплекса Западной Сибири. За годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) в Главтюменьнефтегаз и в Главтюменьнефтегазстрой по комсомольским путевкам прибыло около 29 тыс. чел. А всего до 1987 г. Центральным комитетом ВЛКСМ направлено на местные стройки 125 тыс. юношей и девушек.¹²

Уже из этих примеров видно, что в Среднее Приангарье, на север Тюменской и Томской областей ехали десятки и сотни тысяч работников. При этом заметим, что общественный призыв лишь один из многих используемых организованных форм пополнения кадров. Помимо него и уже упомянутого оргнабора не менее широко использовались перевод, поступление выпускников различных учебных заведений по направлениям.

Существовала и такая форма пополнения коллективов, как направление коммунистов областными комитетами КПСС с целью укрепления новых производственных коллективов. Так 15 июля 1955 г. Иркутский областной комитет партии принял постановление о подборе и направлении на строительство Братской ГЭС 500 коммунистов и 1000 комсомольцев из городов и районов области¹³. Впоследствии этот опыт в той или иной мере использовался при сооружении всех других крупнейших промышленных объектов БИ ТПК. В феврале 1961 г. постановлением бюро Иркутского обкома КПСС создан партком строительства Братского лесопромышленного комплекса, которому из парткома Братскгэсстроя передавалось 30 коммунистов¹⁴. А в начале 1966 г. партком Братскгэсстроя с целью укрепления партийной организации управления строительства Усть-Илимской ГЭС подобрал для работы в этом подразделении 161 коммуниста¹⁵.

Направляя коммунистов на новостройки, обкомы и горкомы КПСС решали сразу две задачи: укрепляли профессиональное ядро и первичные партийные организации трудовых коллективов. Партийные ячейки создавались во всех основных подразделениях. В соответствии с установками вышестоящих органов «коммунисты расставлялись на решающие участки производства». Поскольку среди прибывавших по партийным путевкам работников действительно преобладали

квалифицированные специалисты, их наличие помогало решению многих организационных и производственных задач. На начальном этапе создания новых коллективов «партийная прослойка» часто оказывалась особенно значительной. На строительстве Братской ГЭС к концу 1955 г. насчитывалось 6,5 тыс. чел., в том числе около 700 коммунистов (10,8 %). Через год численность партийной организации увеличилась на 70 %. Однако доля членов КПСС в общей численности строителей снизилась до 7,5 %¹⁶.

Коммунисты активно подключались к решению кадровых проблем. В первые годы существования новых промышленных и строительных предприятий вопросы комплектования коллективов на партийных собраниях, заседаниях бюро заслушивались особенно часто, они постоянно входили в перечень первоочередных мероприятий первичных организаций.

Коммунисты играли важную роль в формировании морально-психологического климата в бригадах, на участках, в цехах. Руководители партийных ячеек, секретари и члены партийных бюро и комитетов в повседневной жизни нередко выступали в роли защитников рядовых членов коллектива от несправедливого отношения руководителей, выступали арбитрами в споре между ними. Большая часть административно-управленческого персонала являлась членами КПСС, что позволяло оказывать влияние на стиль и методы их руководства по «партийной линии». Своевременное разрешение конфликтов, поддержание благоприятной психологической атмосферы способствовало сокращению текучести кадров.

Первичные партийные организации были призваны внедрять в массы коммунистическую идеологию, проводить в жизнь «линию партии», т.е. те основные решения, которые принимались центральными партийными органами. На это была нацелена работа всех партийных организаций. Но получалось так, что в ходе деятельности по «идейному сплочению» коллектива» решались важные задачи по трудовому, культурному, нравственному воспитанию всех работников и, прежде всего, молодежи. Коммунисты, реализуя свои планы по «агитационно-массовой работе», участвовали в торжественной встрече организованных групп новичков, прибывавших на новостройки, в создании комсомольско-молодежных бригад, в посвящении выпускников школ и профессионально-технических училищ в рабочие, помогали в организации культурного досуга трудя-

щихся, шефства кадровых рабочих над молодыми, встреч и бесед с ветеранами труда и представителями рабочих династий. И там, где эти мероприятия были не слишком заидеологизированы, они проводились интересно, имели заметный воспитательный эффект, способствовали нормализации отношений между членами коллективов.

По инициативе первичных партийных организаций в строительных организациях создавались общественные отделы кадров и общественные комиссии. В них кроме коммунистов входили представители профсоюзных и комсомольских организаций, администрации, передовики производства. Отделы и комиссии не заменяли собой специальные кадровые службы. И в то же время оказывали им огромную помощь прежде всего в деле закрепления в коллективе квалифицированных рабочих и специалистов. Они старались выяснить истинные причины увольнения конкретных работников, детально разобраться в ситуации с каждым подавшим заявление и принять меры по решению возникающих проблем. Очень часто итогом являлись рекомендации администрации по улучшению жилищно-бытовых условий, о переводе человека на другой участок работы, создании необходимых условий для продолжения обучения в каком-либо учебном заведении и т.п. Активное участие коммунистов Братскгэсстроя в деятельности общественных отделов кадров являлось их реальным вкладом в процесс стабилизации состава трудовых коллективов.

На начальных этапах формирования крупных производственных коллективов большое внимание данной проблеме уделяли руководящие партийные структуры областного, городского и районного уровней. В Иркутской области практика курирования обкомом КПСС процесса комплектования гидростроителей сложилась ещё в начале 1950-х годов при сооружении первой ступени ангарского каскада ГЭС. Тогда же зародилась традиция направления коммунистов и комсомольцев для работы на новостройках. И это было реальной помощью молодым трестам и управлениям. Принималось и много других решений. Они чаще всего формулировались в общих фразах и начинались обычно так: «усилить контроль...», «принять меры по устранению...», «глубже вникать...», «улучшить...», «повысить внимание к ...». Фактически такие призывы мало что значили для руководителей строительных организаций. К тому же многие изна-

чально были невыполнимы. А бывало, что один пункт противоречил другому.

Такое же повторилось и при сооружении Братской ГЭС. Так 21 мая 1957 г. бюро Иркутского обкома КПСС заслушало доклад начальника Братскгэсстроя И.И. Наймушина «О ходе строительства Братской ГЭС» и приняло по этому вопросу развернутое решение, в котором не обошло и кадровые проблемы. Особое внимание в нем обращалось «на сокращение и укрепление управленческого аппарата, повышение оперативности в его работе и усиление ответственности работников за порученное дело»¹⁷. Как видим, в документе содержатся лишь общие фразы. Строительное управление находилось в стадии формирования. Разворачивались работы по подготовке работ на основных сооружениях ГЭС, быстро росла численность. Причем на начальных этапах формирования коллективов доля инженерно-технических работников должна быть более значительной, чем в уже давно функционирующем подразделении, что и наблюдалось в действительности. Поэтому задача «укрепления управленческого аппарата» являлась насущной. Но как её решать при одновременном «сокращении» численности управленцев? И этот термин появился не случайно. В стране начиналась кампания по уменьшению численности чиновников, административно-управленческого персонала. Обком КПСС должен был следовать в фарватере общей партийной политики. Поэтому в документе и появилось такое предложение, которое противоречило самому процессу интенсивного роста трудового коллектива, никак не могло способствовать организации производства и трудовой деятельности на одной из самых крупных строек того времени.

Анализ партийных документов показывает, что проблема обеспечения предприятий и строек руководящими и инженерно-техническими кадрами действительно волновала вышестоящие партийные организации. Она постоянно затрагивалась на конференциях и пленумах, заседаниях бюро обкомов и горкомов КПСС, часто рассматривалась парткомами и партбюро промышленных предприятий и строительных организаций. Так, в период интенсивного наращивания строительно-монтажных работ на Усть-Илимской ГЭС партийный комитет в октябре 1966 г. обратился к анализу хода строительства основных сооружений гидроэлектростанции. Касаясь кадровых проблем члены парткома предлагали руководителям стройки особое

внимание обратить на правильный подбор и расстановку руководящих кадров: мастеров, бригадиров, звеньевых. Ставились задачи выдвигать на эти посты коммунистов и комсомольцев, пользующихся уважением коллектива¹⁸.

Создавая на предприятиях и стройках партийные комитеты, выдвигая коммунистов на руководящие должности хозяйствующих субъектов, а также в состав управленцев среднего и нижнего звена, КПСС преследовала цель «усиления партийного руководства». Это позволяло контролировать процесс решения народнохозяйственных проблем и оказывать влияние на развитие производства, наращивание выпуска продукции, выполнение установленных государственных планов.

Не меньшее внимание кадровым вопросам уделялось в Тюменской области. В первые годы после начала промышленной нефтедобычи партийные органы видели свою главную задачу в формировании инженерно-технического корпуса и в закреплении нужных специалистов в новых трудовых коллективах.

Вопросы работы с кадрами постоянно рассматривались Березовским, Сургутским, Нижневартовским райкомами, Ханты-Мансийским окружным комитетом КПСС. По давно сложившейся традиции основной упор делался на правильный «подбор, расстановку и воспитание руководящих кадров, повышение деловой квалификации ИТР». На партийных форумах всех уровней звучала озабоченность недостатком квалифицированных специалистов для предприятий нефтегазовой промышленности, строительных и геологических организаций. В 1966 г. в Главтюменьнефтегазе практики составляли 42 %, а в Главтюменьнефтегазстрое – 30 % от общей численности инженерно-технических кадров¹⁹.

Вопросу повышения качественного состава руководящих кадров в это же время большое значение придавал Центральный комитет КПСС. Практически во всех республиках, краях и областях прошли пленумы, заседания бюро, посвященные анализу кадровых проблем. В 1967 г. целую серию различных мероприятий провел Тюменский обком КПСС. В частности он рассмотрел вопрос о работе с руководящими и инженерно-техническими кадрами на предприятиях нефтяной промышленности и в строительных организациях. Были отмечены несомненные успехи хозяйственных и иных органов по формированию кадров. В это время очень быстро росла числен-

ность двух главных управлений, ведущих строительство многочисленных объектов по добыче нефти и газа. Квалифицированными специалистами обеспечить в короткие сроки многочисленные предприятия и организации было просто невозможно. Этот факт, а также отсутствие кадрового резерва, слабую организацию работы по повышению квалификации инженерно-технических работников и служащих, наличие большого количества практиков среди управленцев и организаторов производства неоднократно отмечал Тюменский обком партии. Для устранения этих недостатков он обязывал «окружные и районные комитеты КПСС, партийные и хозяйственные организации предприятий нефтегазовой промышленности устранить имеющиеся недостатки и строить работу с кадрами в соответствии с требованиями XXIII съезда и постановлений ЦК КПСС по этим вопросам»²⁰.

Обладая разветвленной структурой организаций разных уровней и реальным влиянием на хозяйственные и советские организации, областной комитет КПСС сумел в короткие сроки реализовать поставленную задачу. Во всех партийных организациях, занятых в нефтяной и газовой промышленности состоялись открытые партийные собрания по обсуждению различных аспектов кадровой работы. Коммунисты обязывались оказывать реальную помощь административным работникам по подбору кадров, их расстановке по производственным участкам и самое важное – по повышению квалификации. Результаты этой деятельности проявились относительно быстро. За 1966–1970 гг. удельный вес практиков в Главтюменьгазе сократился в три раза, а в Главтюменьнефтегазстрое более чем в два раза. Теперь из каждых восьми инженерно-технических работников лишь один не имел высшего или среднего профессионального образования²¹. В эти же годы было многое сделано для повышения квалификации прорабов, мастеров, бригадиров.

В 1973 г. X пленум Тюменского обкома КПСС вновь обратился к вопросу о работе с кадрами. И в докладе, и в выступлениях участников было больше оптимизма, чем раньше. Практически за десятилетие развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса все основные предприятия были обеспечены высококвалифицированными специалистами, которыми они начали делиться с другими регионами, постоянно расширялась система повышения квалификации ИТР и служащих²². Вклад партийных руководящих органов и пер-

вичных организаций в решении данной проблемы был весомым. Коммунисты выступали инициаторами многих ценных начинаний, привлекали внимание руководителей предприятий истроек к вопросам совершенствования профессиональных знаний работников, принимали непосредственное участие в подготовке кадров, формировании кадрового резерва. Назначение на должности хозяйственных руководителей, их заместителей также проходило при активном участии партийных структур. Даже при подборе мастеров и бригадиров хозяйственные руководители часто советовались с секретарями партийных организаций.

«Резерв» формировался из специалистов, рабочих, обучавшихся в вузах и техникумах без отрыва от производства. Каждый из кандидатов должен был хорошо зарекомендовать себя на прежней работе, проявить свои деловые, организаторские способности, «политическую зрелость». Последнюю в повседневной жизни были обязаны демонстрировать коммунисты. Именно у них было больше возможностей продвинуться по служебной лестнице.

Учет руководителями предприятий мнения общественности, прежде всего партийной, реже профсоюзной, способствовало не только выдвижению на более высокие должности наиболее способных специалистов, но также созданию в коллективах благоприятного морально-психологического климата, способствовало сокращению текучести инженерно-технических кадров.

Еще одним важным аспектом кадровой политики КПСС являлась профессионально-техническая подготовка рабочих, ИТР и служащих. В 1950-х годах произошло заметное ускорение научно-технического прогресса. Всем ведущим отраслям народного хозяйства требовались более квалифицированные кадры. Коммунистическая партия и Советское правительство приняли ряд важных решений, направленных на дальнейшее совершенствование подготовки квалифицированных рабочих непосредственно на производстве путём создания необходимой учебно-производственной базы и расширения сети профтехучилищ. В каждом новом пятилетнем плане устанавливались всё более высокие показатели подготовки и переподготовки рабочих кадров, предусматривались меры по укреплению материально-технической базы.

Вопросам профессионального обучения рабочих на производстве уделялось большое внимание на областных, городских и районных

партийных конференциях, на пленумах и заседаниях бюро разного уровня. Их значение состояло в том, что партийные органы акцентировали внимание на важности проблемы, обязывали первичные партийные организации контролировать ход подготовки новых рабочих на производстве, своевременность создания отделов и учебных комбинатов по подготовке кадров. Так в 1966 г. XII Тюменская областная партконференция поставила задачу подготовить через учебно-курсовые комбинаты 20 тыс. квалифицированных рабочих²³.

Внимание обкомов, горкомов и райкомов КПСС к проблеме подготовки кадров не ослабевало и в последующие годы. Тем более, что на это нацеливало центральное руководство страны. 22 марта 1968 г. Совет Министров СССР принял постановление «О мероприятиях по улучшению подготовки и повышению квалификации рабочих непосредственно на производстве», в котором обосновывалась необходимость дальнейшего развития системы профтехобразования и в первую очередь через учебно-курсовые комбинаты. Для районов нового промышленного освоения был важен пункт, согласно которому намечалась разработка планов подготовки и повышения квалификации рабочих по основным технологическим профессиям для вновь вводимых в действие предприятий. Кроме того, предлагалось больше внимания уделять улучшению методического руководства этой подготовкой²⁴.

В соответствии с установившейся практикой это постановление и вытекающие из него задачи были рассмотрены на заседаниях обкомов, окружкомов, горкомов, разработаны конкретные меры, к выполнению которых привлекались не только партийные, но и хозяйственные органы. В июле 1969 г. на Братском алюминиевом заводе директор издал приказ «О мероприятиях по улучшению производственно-технического обучения рабочих на заводе», в котором определялись основные задачи по подготовке кадров. Реализация намеченных мероприятий уже в скором времени дала позитивные результаты. Если до 1970 г. планы подготовки новых рабочих на заводе выполнялись лишь на 70–80 %, то в последующие годы они стабильно перевыполнялись²⁵.

Контроль со стороны партийных организаций за деятельностью хозяйственных органов еще более усилился после XXIV съезда КПСС, призвавшего «улучшить качество подготовки и повышения квалификации рабочих непосредственно на производстве»²⁶. В 1971–

1972 г. парткомы нефтегазодобывающих управлений Сургутнефть, Юганскнефть, Нижневартовскнефть, Томскнефть, строительных трестов «Сургутгазстрой», «Мегионгазстрой», «Тюменьгазстрой» проанализировали работу учебно-курсовых комбинатов и совместно с административными структурами разработали меры по укреплению материальной базы УКК, совершенствованию методики преподавания, повышению ответственности головных предприятий²⁷.

Несомненно, постоянное напоминание об актуальности проблемы подготовки кадров на производстве, выявление слабых мест в данном процессе, разработка соответствующих мероприятий по устранению недостатков, участие в планировании деятельности отдельных ведомств, конкретных предприятий и организаций, а также постоянный контроль, в том числе и со стороны партийных первичных организаций за процессом подготовки и переподготовки рабочих кадров, позволяли более успешно решать проблему повышения культурно-технического уровня трудящихся. И, тем не менее, следует признать, что партийные организации лишь способствовали более успешному решению данной проблемы. Основную часть работы по обучению рабочих кадров на производстве приходилось выполнять хозяйственным организациям под руководством министерств и ведомств. И масштабы этой деятельности огромны. Все крупнейшие сибирские энергостройки превратились в настоящие кузницы рабочих кадров. Очень важное значение обучению строителей уделяли в Братскгэстрое. За 1956–1980 гг. в нем было подготовлено 136 тыс. новых рабочих более чем по 100 специальностям²⁸. С каждым пятилетием нарастали масштабы подготовки кадров на предприятиях и стройках ЗСНГК. В 1986–1990 гг. в целом по Тюменской области было обучено 503 тыс. новых рабочих, а свыше 3 млн. чел. повысили свою квалификацию²⁹.

Роль партийных органов была более заметной в развитии системы профессионально-технического образования. Несмотря на то, что отдельные училища часто ориентировались на подготовку кадров для конкретных заводов, учреждений и организаций, большая часть их выпускников поступала и на другие предприятия. Координировать действия отдельных ведомств могли лишь территориальные органы. Поэтому проблемой развития сети профтехобразования в отдельных субъектах Российской Федерации занимались советские и партийные органы. Так в 1961 г. бюро Иркутского обкома КПСС рассмот-

рело вопрос «О состоянии подготовки и воспитания квалифицированных рабочих в системе профессионально-технического образования». Было отмечено, что за 1959–1960 гг. произошел заметный рост сети учебных заведений, для народного хозяйства области подготовлено 12,5 тыс. квалифицированных рабочих. Однако этого было явно недостаточно: выпускники школ и училищ профессионально-технического образования составляли лишь десятую часть от новых пополнений рабочих³⁰.

Такое положение было характерно для всей страны. В профтехучилищах молодежь получала более качественную профессионально-техническую подготовку, чем непосредственно на производстве. Но масштабы обучения новых рабочих в системе ПТО никак не удовлетворяли потребности производства. В Сибири ситуация была даже хуже, чем в целом по стране. В районах нового промышленного освоения, к которым относился и Братско-Усть-Илимский ТПК, сеть профтехучилищ развивалась очень медленно. Это отмечалось на пленуме Иркутского обкома КПСС, состоявшемся 25 августа 1964 г. В докладе «О задачах областной партийной организации по улучшению работы с кадрами и совершенствованию управления промышленностью, строительством и транспортом» констатировалось не только медленное увеличение масштабов подготовки кадров, но и слабая учебно-материальная база училищ. Многие из них готовили молодых рабочих на устаревшей технике и оборудовании³¹.

Кардинальное решение данной проблемы было возможно лишь на общегосударственном уровне. В 1966, 1969, 1972 и в 1977 гг. были приняты совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, повышающие значимость системы профессионально-технического образования для народного хозяйства страны, в которых говорилось о необходимости дальнейшего роста уровня теоретического и производственного обучения, внедрения в учебный процесс современных технических средств обучения. В этих четырех постановлениях подчеркивался тот факт, что подготовка молодых рабочих в стационарных училищах является одним из приоритетных направлений партийной кадровой политики.

К реализации постановлений привлекались региональные, городские, районные партийные комитеты. Иркутской обком КПСС после выхода в свет постановления от 2 апреля 1969 г. «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки квалифицированных рабочих в

учебных заведениях профтехобразования» принял энергичные меры по расширению сети профтехучилищ, улучшению качества подготовки рабочих, повышению уровня воспитательной работы среди учащихся. Советским и хозяйственным организациям предписывалось считать строительные объекты профтехобразования первоочередными, которые следовало строить качественно и быстро, с соблюдением установленных сроков. Руководители предприятий, строек и организаций обязывались безвозмездно передавать профессионально-техническим училищам помещения, выделять необходимое оборудование, приборы, инструменты и материалы как для учебных целей, так и для выполнения в процессе производственного обучения заказов предприятий и организаций, обеспечивать своевременную подготовку к приему рабочих, оканчивающих профтехучилища, создавать им необходимые условия для работы в соответствии с полученной профессией и квалификацией³².

Столь же актуальной проблема подготовки молодежи в ПТУ была в районах формирования ЗСНГК. В специальном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 декабря 1969 г. «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» подчеркивалась необходимость дальнейшего расширения сети профтехучилищ по подготовке рабочих кадров для новых отраслей.³³ Состоявшиеся в начале следующего года Тюменский и Томский обкомы КПСС поставили местным советским и хозяйственным органам задачи расширения сети профтехучилищ. Так в Тюменской области главкам предписывалось построить 4 ПТУ на 2 тыс. учащихся³⁴.

И все-таки, несмотря на очевидные успехи в развитии системы профтехобразования, она не отвечала потребностям производства. А после того как в стране был провозглашен курс на завершение перехода ко всеобщему среднему образованию, следовало сделать соответствующие корректировки и в профессиональной подготовке молодых рабочих. Принятое 23 июня 1972 г. совместное постановление партии и правительства «О дальнейшем совершенствовании системы профессионально-технического образования» ставило задачу по превращению профтехучилищ «в основную школу профессиональной подготовки молодежи и по формированию достойного пополнения рабочего класса». Предстояло особенно быстро увеличивать численность средних профтехучилищ, в которых учащиеся

смогли бы получать не только профессию, но и общее среднее образование³⁵.

Первым училищем Среднего Приангарья, преобразованным в среднее профессионально-техническое, стало железногорское ГПТУ-33. В годы десятой пятилетки в разряд средних перевели и крупнейшее в Братске профтехучилище № 24, специализирующееся на подготовке рабочих для Братского алюминиевого завода. Всего же к началу 1981 г. на территории Братско-Усть-Илимского ТПК функционировало уже 4 средних ПТУ, в которых насчитывалось 1854 учащихся³⁶. Эти училища заняли ведущее место в системе учебных заведений профтехобразования региона. В них обучались молодые рабочие по наиболее сложным профессиям.

В 1971–1975 гг. сеть профтехучилищ в Томской области увеличилась с 28 до 34, а в Тюменской области с 35 до 60, примерно в таких же пропорциях росла численность учащихся³⁷.

И все же училищ в стране строилось меньше, чем требовалось для подготовки квалифицированных рабочих кадров. Большая их часть по-прежнему обучалась непосредственно на производстве. А вот задача осуществления в стране всеобщего среднего образования решалась успешнее. Все большая часть юношей и девушек получала общее среднее образование. В то же время именно в профтехучилищах партия и правительство видели главный источник пополнения рабочих кадров. Руководству страны следовало как-то отреагировать на изменения, происходящие в общеобразовательном потенциале молодежи.

30 августа 1977 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О дальнейшем совершенствовании процесса обучения и воспитания учащихся системы профессионально-технического образования», в котором намечалось расширить сеть технических училищ, которые бы вели подготовку новых рабочих из выпускников средних школ. Именно в технические училища предполагалось направлять основную часть молодежи.

В соответствии с партийными и правительственными установками уже в 1978 г. в Среднем Приангарье было открыто 2 технических училища. Одно было организовано для подготовки кадров для Усть-Илимского лесопромышленного комплекса (ТУ № 7), другое открылось в Братске. Здесь на базе уже существующего ТУ-3 воз-

ник филиал на 150 учащихся. А в следующем учебном году он превратился в самостоятельное училище ТУ-10 на 350 мест.

Аналогичные трансформации в структуре системы профтехобразования происходили в северных районах Тюменской области, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах. Одновременно с ростом сети училищ увеличивалось количества обучающихся. Этот процесс продолжался до 1983 г., а затем наметилась тенденция снижения численности обучающихся. На начало 1991 г. в 68 ПТУ Тюменской области насчитывалось 30 тыс. чел. Из них 14 % обучались на отделениях, где велась подготовка по наиболее сложным профессиям на базе среднего образования, 68 % обучались на базе неполного среднего образования. По окончании его они кроме рабочей профессии получали и общее среднее образование³⁸.

Таким образом, политика центральной партийной и государственной власти в сфере профессиональной подготовки кадров давала реальный позитивный эффект, позволяла более рационально использовать трудовые ресурсы.

Партийные лидеры, подчеркивая важность решения кадровой проблемы, в первую очередь имели ввиду обеспечение народного хозяйства страны руководящими работникам всех уровней. Они контролировали процесс их подбора, расстановки, передвижения, подготовки и переподготовки. Параллельно все партийные структуры призывались заниматься «воспитанием кадров», что предполагало не только формирование в людях лучших человеческих качеств, зафиксированных в «Моральном кодексе строителя коммунизма», но и обязательное обучение руководящих работников и инженерно-технических кадров в системе партийно-политического просвещения.

Народное хозяйство СССР долгие годы испытывало дефицит образованных специалистов. В послевоенные годы в связи с ростом масштабов общественного производства и под влиянием технического прогресса потребность в них ещё более возросла. Сеть вузов и средних учебных заведений, а также количество студентов быстро росли. Основные ориентиры по развитию высшего и среднего специального образования в СССР задавались Коммунистической партией на её съездах и пленумах. А в 1961 г. они в общем виде нашли отражение в третьей Программе КПСС. В ней отмечалось: «По мере научного и технического прогресса дальнейшее развитие получит высшее и среднее специальное образование, призванное готовить

высококвалифицированных специалистов, обладающих широким теоретическим и политическим кругозором»³⁹.

Расширение фронта хозяйственного освоения в Сибири неуклонно увеличивало потребность в специалистах самых различных профилей. Номенклатура специальностей, по которым вузы и техникумы обучали студентов, с каждым годом расширялась, в регионе открывались новые учебные заведения. Инициаторами их создания часто являлись местные обкомы КПСС. Но даже тогда, когда с предложением организации нового вуза или техникума выходили хозяйственные или советские учреждения, требовалась поддержка партийных органов.

Начиная с 1960-х годов, в Сибири заметно проявилась тенденция создания учебных пунктов и филиалов институтов, а также самостоятельных вузов не только в общепризнанных образовательных центрах, но и в других городах. В них велась подготовка преимущественно тех специалистов, которые требовались для местных предприятий и строек.

Еще в 1957 г. в Братске, а в 1959 г. в Железногорске–Илимском были открыты учебно-консультационные пункты Иркутского политехнического института (ИПИ) для студентов-заочников из числа строителей Братской ГЭС и Коршуновского горно-обогатительного комбината. Рост потребности в специалистах с высшим образованием обусловил в дальнейшем преобразование Братского учебно-консультационного пункта в филиал ИПИ. Между ним и трудовыми коллективами БИТПК установились тесные связи. В целях лучшего обеспечения промышленных предприятий, транспортных и строительных организаций Братска специалистами, дальнейшего улучшения качества их подготовки Братский горком КПСС принял решение о направлении партийными организациями Братскгэсстроя, БЛПК и БрАЗа передовиков производства для обучения на Братском общетехническом факультете Иркутского политехнического института⁴⁰.

Подобная деятельность коммунистов Братска осуществлялась в русле решений Иркутского обкома КПСС по рассмотренному им в августе 1961 г. вопросу «О перестройке работы Иркутского политехнического института». Их реализация позволила увеличить число инженерных специальностей с 12 до 39, а численность ежегодно обучаемых студентов с 3,3 тыс. в 1959 до 19 тыс. в 1966 г., открыть целую сеть учебных пунктов⁴¹. Созданный в Братске филиал ИПИ

сыграл очень важную роль в обеспечении народного хозяйства Среднего Приангарья высококвалифицированными кадрами. Лишь с 1976 по 1980 г. им подготовлено около 1200 инженеров⁴².

Несмотря на неуклонный рост выпуска специалистов в Сибири и в стране в целом полностью обеспечить потребности в них не удавалось. В Среднем Приангарье все ведущие предприятия испытывали недостаток дипломированных кадров, качество подготовки которых также не соответствовало требованиям времени. Этот факт был отмечен в принятом в 1979 г. постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии высшей школы и повышении качества подготовки специалистов». Одновременно в нём намечались меры по устранению выявленных недостатков⁴³. В плане их реализации происходило наращивание выпуска специалистов для Сибири, и особенно в местных вузах. На базе филиала ИПИ в Братске был открыт Братский индустриальный институт. Вскоре его учебно-консультационные пункты были организованы в Усть-Илимске и Железногорске.

Партийным организациям Иркутской области принадлежит важная роль и в развитии сети средних специальных учебных заведений Братско-Усть-Илимского ТПК. В конце 1950-х годов обеспеченность народного хозяйства Иркутской области кадрами средней квалификации составляла две трети от потребности, остальные должности техников занимали практики.

Ситуация начала изменяться после принятия Иркутским обкомом КПСС постановления «О состоянии и мерах улучшения подготовки специалистов средней квалификации». На его основе были утверждены план обучения на 1959–1965 гг., а также сеть и профиль техникумов области. Предусматривался широкий охват практиков вечерним и заочным обучением, для чего на предприятиях намечалось создание сети курсов и консультационных пунктов, открытие филиалов техникумов в городах области⁴⁴. В частности в Железногорске организовали филиал Черемховского горно-обогатительного техникума. На его базе в 1966 г. был открыт вечерний горно-металлургический техникум. В Братске в это же время начал функционировать учебно-консультационный пункт Ангарского политехнического техникума, в котором обучалось более 200 строителей Братскгэсстроя. Настоящей кузницей квалифицированных кадров стал Братский техникум целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышлен-

ности – первое самостоятельное среднее специальное учебное заведение города. Позднее в Братске открыли медицинское, дошкольное педагогическое и музыкальное училища. Создание в городах БИТПК сети средних специальных учебных заведений имело важное значение для обеспечения народного хозяйства Среднего Приангарья квалифицированными кадрами. Только в 1970-е гг. в них подготовлено 6,8 тыс. специалистов различного профиля. Большую часть из них распределили по предприятиям и организациям региона⁴⁵. Из крупных промышленных предприятий БИТПК наибольшие сложности при формировании кадров средней квалификации испытывал Братский алюминиевый завод, поскольку в Иркутской области не было ни одного техникума, специализирующегося на подготовке специалистов по профилю завода.

В Западную Сибирь для работы на осваиваемых нефтяных и газовых месторождениях также поначалу направлялись молодые специалисты из других регионов страны. Грандиозные планы по созданию новой нефтегазовой базы страны обуславливали необходимость организации крупных учебных центров на месте. Важным шагом на пути реализации этих замыслов стала организация Тюменского индустриального института. В 1964 г. на трех его факультетах началась подготовка студентов по 11 специальностям для нефтяной и газовой промышленности, геологии. Одновременно создавалась сеть средних специальных учебных заведений. Тюменский обком КПСС активно продвигал идеи организации новых техникумов, помогал решению проблем строительства помещений, их оснащения и формирования преподавательского корпуса. Также, как и в Среднем Приангарье, здесь получила распространение практика открытия в новых городах учебных пунктов учебных заведений, готовивших специалистов необходимых для ведущих промышленных и строительных организаций.

Обучение специалистов в вузах и техникумах осуществлялось не только на дневных (очных), но также на вечерних и заочных отделениях. Причем две последние формы обучения получили в Советском Союзе очень широкое распространение. И в этом большая заслуга не только государственных органов, но и общественных организаций. Кадровая политика КПСС ориентировала партийные, советские и хозяйственные организации на всемерную поддержку всех трудящихся, желавших продолжать обучение без отрыва от

производства. Студентам вечернего и заочного обучения законодательно предоставлялись немалые льготы. В частности, на время сессии им предоставлялись оплачиваемые отпуска. Благоприятные условия для учебы создавались на предприятиях, стройках и в учреждениях. И в этом отношении особо важную роль играли партийные и профсоюзные первичные организации. Они часто оказывались весомым противовесом администрации в решении вопросов конкретных людей при подборе для них рабочего места, установлении удобного режима труда и т.п.

В Среднем Приангарье постоянно нарастало количество студентов-вечерников и заочников. На Коршуновском горно-обогатительном комбинате лишь в 1969 и 1970 гг. 50 чел. окончили институты и 132 – техникумы, а 6 чел. поступили учиться в аспирантуру⁴⁶.

К концу 1970-х годов в этом регионе функционировало уже 5 средних специальных учебных заведений и Братский индустриальный институт. Проведенное социологическое исследование показало, что в этот период каждый восьмой работник БИТПК учился в вузе, техникуме или в школе⁴⁷.

Неуклонное развитие системы высшего и среднего специального образования позволяло повысить обеспеченность специалистами во всех отраслях народного хозяйства СССР, в том числе и в районах нового промышленного освоения. И чем больше выпускников вузов и техникумов поступало на предприятия и стройки, тем хуже они использовались. Уже в 1960-е годы на партийных форумах всё чаще поднимался вопрос об использовании инженеров и техников на рабочих местах и должностях, не требующих специального образования. Со временем данная проблема лишь усугублялась. Так на Братский лесопромышленный комплекс с 1967 по 1980 г. по направлениям из вузов и техникумов прибыло 1500 чел. Из них 28 % были назначены на должности ИТР, 6 % – на должности служащих, а 66 % (т.е. двое из трех) трудоустроены на рабочие места. Общая численность специалистов среди рабочих за этот период увеличилась более чем в два раза, составив 2000 тыс. чел., из которых 117 имели высшее образование⁴⁸. И подобные явления наблюдались повсеместно.

Социологи, философы и политики стали искать объяснение этому процессу. Поначалу его связывали с научно-технической революцией: с ускорением процесса ликвидации ручного труда, усложнением технологических процессов, с распространением профессий широ-

кого профиля. Политики эти изменения объясняли мифическим возрастанием «ведущей роли рабочего класса в советском обществе».

Трансформации в характере и содержании труда рабочих действительно имели место. Неуклонно возрастал и культурно-технический уровень рабочих. Однако таких рабочих профессий, для овладения которыми нужно было иметь высшее образование всё-таки не существовало.

Использование труда инженеров и техников на рабочих местах было оправдано лишь в тех случаях, когда вызывалось производственной необходимостью. Если же они работали не в соответствии со специальностями, полученными в учебных заведениях, это наносило ущерб экономике страны, поскольку немалые средства, затраченные на подготовку инженеров и техников, были в значительной мере потрачены впустую.

Дифференциация в оплате сложного и простого труда со временем становилась все меньшей. Престиж умственного, прежде всего инженерно-технического труда, постоянно падал. Одной из решающих причин сложившегося положения было то обстоятельство, что заработная плата инженерно-технических работников нижнего и среднего звена часто оказывалась ниже зарплат рабочих средней квалификации при значительно меньшей ответственности последних за общие результаты труда. Так в Главсибтрубопроводстрое заработная плата рабочих росла значительно быстрее, чем у других категорий персонала, и во второй половине 1970-х гг. её средний размер превысил зарплату инженерно-технических работников⁴⁹. Поэтому, характерный в целом для страны переход части ИТР и служащих на рабочие места, в трудовых коллективах Тюменского Севера получил еще более широкое распространение. Не менее массовым явлением был приезд из других районов страны и трудоустройство на рабочую должность работников, ранее трудившихся на инженерно-технических и руководящих должностях. Таким образом, на предприятиях и стройках в качестве рабочих трудилось большое количество специалистов разных профилей, в том числе и остродефицитных. В объединении «Уренгойгаздобыча» примерно каждый четырнадцатый рабочий имел высшее образование, а каждый четвертый – незаконченное высшее или среднее специальное. В то же время для замещения руководящих кадров и инженерно-технических работников, не имеющих высшего и среднего специального образо-

вания, не хватало специалистов. Чтобы предотвратить интенсивно нарастающий в 1970–80-е годы процесс перехода специалистов на рабочие места, следовало на государственном уровне осуществить комплекс мероприятий по подъему престижа умственного, в том числе инженерного труда и прежде всего через совершенствование его оплаты. Насколько актуальной данная проблема была для Тюменской области можно судить по тому, что в 1990 г. около 100 тыс. чел. или каждый пятый дипломированный специалист трудился на рабочем месте.⁵⁰

Как видим, ситуация обострялась постепенно. В Советском Союзе десятилетиями формировалась негативная практика недооценки высококвалифицированного труда. В некоторых регионах, включая Тюменскую и Томскую области, она приняла уродливые формы. Сложившееся положение противоречило мировому опыту и официально признанной марксистской экономической теории. Устранять нараставшие проблемы в сфере оплаты труда различных категорий персонала должны были центральное правительство и монополично правящая страной Коммунистическая партия Советского Союза. Однако они в этом отношении так ничего и не сделали за отведённый им исторический срок.

Специалистов для народного хозяйства нужно было не только подготовить, но и создать условия для периодического расширения и совершенствования их знаний. По мере углубления научно-технического прогресса данная проблема становилась все актуальнее. Важность повышения квалификации кадров осознавалась руководством Коммунистической партии Советского Союза. «В настоящее время – указывалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, – происходит настолько быстрое развитие во всех областях, что полученное в молодости образование – это лишь база, которая требует постоянного пополнения знаний»⁵¹. Поэтому улучшению процесса переподготовки специалистов руководство страны постоянно уделяло большое внимание. Но следует отметить, что стройная система повышения квалификации ИТР и служащих сложилась лишь в середине 1960-х годов.

Уже в первые годы строительства Братской ГЭС здесь была организована переподготовка инженерно-технических работников, включая самую многочисленную категорию руководящих работников – мастеров. Первичные партийные организации также были задейст-

вованы в данном процессе. Они помогали осуществлять отбор слушателей в трехгодичную школу мастеров, действующую в Братскгэсстрое с 1963 г. Позднее такая же работа проводилась на промышленных предприятиях Среднего Приангарья.

Начиная с 1967 г. в СССР стала создаваться широкая сеть учебных заведений для повышения квалификации руководящих работников и специалистов: институты повышения квалификации при министерствах и ведомствах, их филиалы, межотраслевые институты, факультеты повышения квалификации при вузах, курсы повышения квалификации при министерствах и ведомствах.

Предприятия и стройки БИТПК активно использовали сложившуюся сеть для пополнения опыта и знаний своих кадров. Тысячи работников ежегодно уезжали на учебу в разные города страны.

Совершенствование системы повышения квалификации ИТР и служащих в направлении расширения сети стационарных форм обучения происходило с одновременным развитием системы хорошо зарекомендовавших себя институтов и университетов технического прогресса или научно-технических знаний, народных университетов, экономических школ, работающих на общественных началах. Их становление и развитие на предприятиях и стройках Среднего Приангарья особенно усилилось после принятия 9 октября 1969 г. постановления ЦК КПСС «О работе Иркутского обкома КПСС по повышению роли инженерно-технических работников в ускорении технического прогресса на предприятиях и стройках области», в котором перед партийными комитетами, министерствами и ведомствами поставлена конкретная задача по созданию четкой системы повышения квалификации инженерно-технических кадров, осуществлению дифференцированной их переподготовки⁵². Это было первое специальное постановление центрального партийного органа, касающееся лишь Иркутской области. Оно стало действенной программой для коммунистов этого региона, которой они руководствовались долгие годы.

В эти же годы Центральный комитет КПСС активно пропагандировал создание экономических школ, что было очень важно в период перехода предприятий на новые условия планирования и экономического стимулирования. В марте 1966 г. руководством Братскгэсстроя и ректоратом Иркутского политехнического института была организована двухгодичная экономическая школа. Эта школа стала

крупным центром экономического образования руководящих и инженерно-технических кадров. Одновременно местные партийные органы готовили в них пропагандистов для системы политического просвещения.

С выходом в 1971 г. постановления ЦК КПСС «Об улучшении экономического образования трудящихся» экономическая подготовка в городах Среднего Приангарья и ЗСНГК приобрела ещё большую системность и масштабность.

Во второй половине 1970-х гг. Центральный комитет партии наметил новые ориентиры в кадровой работе. И в частности посчитал необходимым внести коррективы в систему переподготовки специалистов. Конкретные направления этой работы были определены в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 октября 1977 г. «О дальнейшем совершенствовании системы повышения квалификации руководящих работников и специалистов народного хозяйства»⁵³.

Во всех парторганизациях ЗСНГК, на партийных собраниях, партактивах горкома КПСС были обсуждены вопросы работы с кадрами. В объединении Урайнефтегаз за 1977–1979 гг. прошли переподготовку около 230 специалистов и руководителей этой организации, около 300 ежегодно занимались в университете технического прогресса⁵⁴.

Все вышесказанное говорит о том, что в Советском Союзе в 1960–1980 гг. функционировала очень эффективная система повышения квалификации ИТР и служащих. Немалый вклад в её создание внесли партийные структуры, начиная от Центрального комитета КПСС до первичных партийных организаций.

Всякая кадровая политики содержит комплекс многочисленных мероприятий по профессиональной подготовке трудовых ресурсов, их подбору для конкретных предприятий, организаций и учреждений, формированию трудовых коллективов, а также по решению социально-бытовых проблем работников, закреплению их в трудовых коллективах.

Социально-бытовая сфера являлась составной частью каждого территориально-производственного комплекса, создаваемого в Сибири. Она охватывала жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание, образование, культуру, здравоохранение, физкультуру и спорт, торговлю и общественное питание. Во многих новых городах

и поселках социально-бытовую инфраструктуру приходилось создавать практически заново. Выделение средств на её развитие велось в основном по ведомственным каналам. Поэтому местные органы власти изначально имели мало возможностей влиять на процесс создания новых поселений. Это касается и партийных организаций городского и районного уровня. Несколько больше возможностей оказывать влияние на развитие городов и поселков имели областные комитеты КПСС. Они могли решать различные вопросы через Центральный комитет КПСС, отдельные министерства и ведомства, центральные планирующие органы. Прямых рычагов воздействия на эти органы не было и у них. И, тем не менее, обкомы КПСС довольно много внимания уделяли развитию социальной сферы в районах нового промышленного освоения. Их деятельность помогала более успешно решать многие проблемы.

Естественно, что в новых городах и поселках следовало одновременно развивать все составные части социально-бытовой инфраструктуры. Однако самым важным всегда являлось жилищное строительство.

В первые же годы сооружения Братской ГЭС Иркутский обком КПСС несколько раз рассматривал на заседаниях бюро, пленумах и конференциях вопросы, связанные с развитием социально-бытовой сферы нового города. 2 августа 1956 г. обком принял постановление «О мерах по улучшению жилищных и культурно-бытовых условий на строительстве Братской ГЭС», в котором разрабатывались мероприятия, направленные на строительство жилых домов, детских и медицинских учреждений, магазинов, столовых, школ, клубов и других объектов социально-культурного назначения⁵⁵. Однако строительство жилья и других объектов в городе постоянно отставало от плановых показателей. Поэтому 24 октября 1960 г. бюро Иркутского обкома КПСС снова обсудило те же самые проблемы⁵⁶.

Одновременно этими же вопросами занимались городские и партийные организации, которых также заботила проблема увеличения масштабов строительства жилья. В конце 1950 – начале 1960-х гг. в СССР начало развиваться крупнопанельное домостроение. Местные партийные организации поддержали идею создания домостроительного комбината в Братске. И такой комбинат был построен. Он стал одним из первых в Сибири. Его появление позволило быстро наращивать темпы жилищного строительства. Учитывая огромную со-

циальную важность этого предприятия, Братский горком постоянно контролировал работу комбината. Так 16 августа 1962 г. бюро Братского горкома партии обсудило вопрос «О ходе строительства крупнопанельных домов Братскгэсстроем» и утвердило мероприятия по повышению темпов строительства домов, построенных с применением индустриальных методов⁵⁷.

С началом создания Железногорска, а затем Усть-Илимска партийное руководство областного и городского уровней уделяло такое же внимание строительству жилья в этих городах. Так 29 июля 1966 г. бюро Братского райкома КПСС осудило вопрос «О неудовлетворительном ходе строительства жилья и объектов соцкультбыта на площадке Усть-Илимской ГЭС», а несколько позднее – 30 мая 1967 г. рассмотрело вопрос «О состоянии и мерах улучшения культурно-бытового обслуживания строителей Усть-Илимской ГЭС»⁵⁸. Внимание партийных органов к решению данных проблем, принятые ими решения оказывали влияние на хозяйственных руководителей. Практически все они являлись членами КПСС, и за невыполнение принятых решений часто подвергались партийными взысканиям. Хотя виновными чаще всего на деле были не они, а руководители министерств, стремящихся сэкономить на социальной сфере. Такой практики придерживались практически все министерства. В результате социальная сфера постоянно отставала в своем развитии, и между её отдельными элементами возникали серьёзные диспропорции. В Среднем Приангарье недостатки застройки городов через ведомства проявились особенно зримо. Братск состоит из множества поселков с полным набором объектов, необходимых для жизнеобеспечения. Такое формирование города вело к значительному удорожанию социально-бытовой инфраструктуры, к его растянутости на расстояние около 80 км.

Местная советская власть, городские и районные партийные органы в лучшем случае констатировали возникающие недостатки, не имея возможности их исправить. Порочная практика планирования и финансирования новых городов не была секретом и для высших партийных органов. Однако никаких кардинальных мер по исправлению сложившегося положения они так и не приняли.

Подобные недостатки наблюдались и в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири. Здесь также стремились сэкономить на социальной сфере. Жильё строили дешёвое. Объекты просвещения,

здравоохранения и культуры начинали возводить с большим запозданием. К тому же они нередко превращались в «долгострой». Многомиллиардных капвложений, направляемых в развитие ЗСНГК, хватало на развитие производственной сферы, а вот на социальную сферу их почему-то регулярно не хватало. Партийные и советские организации постоянно обсуждали данную проблему, слали письма в министерства и планирующие органы. Какой-то положительный эффект от всей этой деятельности хотя и был, но небольшой. Сказывалась порочность всей системы социалистического хозяйствования. Финансовыми и материальными ресурсами распоряжались расположенные в Москве министерства, а местные власти не имели возможности оказывать на них заметного влияния.

С начала промышленного освоения нефтяных и газовых месторождений Тюменский и Томский обкомы КПСС старались своей деятельностью способствовать развитию жилищного и культурно-бытового строительства, постепенно накапливая опыт более эффективного воздействия на министерства и хозяйствующие субъекты. С расширением масштабов работ по созданию нефтегазового комплекса, ему все больше внимания стали уделять органы центральной власти. В постановлении от 11 декабря 1969 г. «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности Западной Сибири» намечалась обширная программа жилищного и культурно-бытового строительства. Этот документ ориентировал советские и хозяйственные органы вести строительство жилых домов, объектов коммунального назначения в крупных городах с обеспечением максимального благоустройства, с применением прогрессивных технологий строительства и отделочных материалов⁵⁹. Это постановление было первым. За ним в 1970–1980-х гг. было принято еще несколько специальных постановлений по дальнейшему развертыванию строительства в этом регионе, в том числе и непромышленного.

Однако, даже принятие специальных постановлений правительства совместно с Центральным комитетом КПСС не позволило переломить многолетнюю практику пренебрежительного отношения ведомств к комплексному развитию непромышленной сферы в районах нового промышленного освоения. Практика, при которой крупные хозяйственные субъекты создавали автономные системы расселения и жизнеобеспечения, вела к удорожанию непроизводст-

венной сферы городов, к строительству аналогичных дублирующих друг друга объектов.

В северных районах Западной Сибири, также как и в Среднем Приангарье, темпы жилищного строительства постоянно отставали от темпов роста промышленного производства. Объектов соцкультбыта и жилых домов строилось намного меньше, чем требовалось для быстро увеличивающегося населения новых городов. В 1980 г. в Нижневартовске обеспеченность жильем составляла 68 %, детскими дошкольными учреждениями – 42 %, клубами и кинотеатрами – 36 %. Не хватало и много других объектов, необходимых для нормального жизнеобеспечения жителей⁶⁰. Подобное положение наблюдалось в большинстве других городов.

За все годы создания ЗСНГК в развитие непромышленной сферы городов и поселков было вложено лишь около половины от объема средств, требовавшихся для достижения нормативного уровня обеспечения населения объектами социального назначения. Такой подход к жилищно-гражданскому строительству привел к тому, что по уровню обеспеченности жильём, как и другими объектами социально-бытовой инфраструктуры, население городов Тюменской области заметно уступало среднереспубликанским показателям.

Отставание в развитии социально-бытовой инфраструктуры новых поселений являлось одной из главных причин оттока работников из трудовых коллективов, препятствовало их стабилизации. По данным экономистов, 70 % покидающих Тюменский Север не устривало что-либо в сфере социального обслуживания⁶¹.

За 1964–1990 гг. в районах ЗСНГК построили много городов и поселков. Однако ни по насыщенности объектами соцкультбыта, ни по уровню благоустройства они никак не соответствовали их вкладу в народнохозяйственный комплекс страны, в доходы, получаемые от продажи добытой здесь нефти и газа внутри страны и за рубежом.

Всякая кадровая политика предусматривает регулирование оплаты труда работников в разрезе отдельных территорий, отраслей экономики, категорий персонала, профессий и т.д. Коммунистическая партия, как партия правящая, естественно принимала участие в выработке основных принципов оплаты и стимулирования труда.

Для формирования и закрепления кадров в районах нового промышленного освоения важное значение имело решение, принятое на XXIII съезде КПСС о введении коэффициентов к зарплате рабочих

и служащих предприятий и организаций, расположенных в районах Дальнего Востока, Сибири и Европейского Севера, для которых эти коэффициенты не были установлены⁶².

Районные коэффициенты существовали и ранее. Теперь же в практике их установления стало больше порядка, учета не только чисто географических, но и многих других факторов. В РНПО районные коэффициенты стали устанавливаться по предприятиям и стройкам в начальные периоды строительства или эксплуатации объекта. Например, для эксплуатационников Братского алюминиевого завода был установлен коэффициент 1,4 к тарифным ставкам и окладам, а для строителей Усть-Илимского ЛПК и Усть-Илимской ГЭС – в размере 1,6. Использование районных коэффициентов в целом помогало привлечению «рабочей силы» и закреплению кадров. Однако введение различных коэффициентов на однородной по природно-климатическим условиям территории порождало некоторые отрицательные тенденции. В Братско-Усть-Илимском ТПК были введены 4 различных коэффициента от 1,3 до 1,7. Таким образом, районным коэффициентам придавалась несвойственная им функция межотраслевого регулирования распределения трудовых ресурсов. Подобный подход способствовал не снижению, а усилению текучести кадров.

Другой формой повышения денежных доходов трудящихся выступали северные надбавки. Эти доплаты также повышали заинтересованность людей в закреплении в трудовых коллективах, так как в случае увольнения по собственному желанию или за нарушение трудовой дисциплины они теряли право на их получение. Однако и в этом вопросе имелись проблемы. В соответствии с законодательством и сложившейся хозяйственной практикой работники в северных районах достаточно быстро – за 5-6 лет работы в организации – проходили путь до максимальных для конкретных профессий денежных доходов. За счет коэффициентов, северных надбавок, других льгот уровень зарплаты «набегал» автоматически. Такой подход к регулированию оплаты труда недостаточно стимулировал труд работников.

В целом же уровень заработной платы в районах нового промышленного освоения был относительно высоким. Так на Тюменском и Томском севере он более чем в 2 раза превышал средние по стране показатели. Этого было достаточно для того, чтобы сделать доходы

трудящихся одним из стимулов их закрепления в трудовых коллективах. Среди покидающих эти районы лишь немногие были не удовлетворены заработной платой. Однако, в конце 1980-х годов ситуация резко изменилась. Уровень заработной платы почти сравнялся с её размером в других более обжитых районах. Не решило проблемы и централизованное повышение зарплаты во второй половине 1991 г. Заработная плата перестала быть стимулом для стабилизации коллективов.

В выработке политики по оплате труда, её регулировании по отраслям и территориям принимали участие в основном руководители высшего партийного звена, роль областных, районных и городских комитетов КПСС первичных организаций была незначительной. В лучшем случае они контролировали расходование государственных средств.

Подводя итог изучению роли партийных организаций в решении кадровых проблем в районах нового промышленного освоения Сибири, отметим, что она оказалась довольно значительной. Вклад центрального руководства КПСС был особенно весом в создании эффективной системы профессиональной подготовки и переподготовки специалистов высшего и среднего звена для всех отраслей народного хозяйства, в отработку и внедрение механизма их распределения по отдельным регионам, в т.ч. и по РНПО, в пропаганду через средства массовой информации крупных сибирских строек, что облегчало процесс комплектования здесь новых производственных коллективов. Деятельность областных, городских и районных комитетов КПСС была наиболее значительной в направлении коммунистов на новостройки и вводимые в эксплуатацию промышленные предприятия, в расстановку руководящих кадров по заводам, строительным трестам, цехам и участкам. Первичные партийные организации оказывали большую помощь администрации в сфере комплектования кадрами отдельных производственных подразделений, в организации профессионально-технической подготовки рабочих, в создании и поддержании благоприятной морально-психологической атмосферы. Менее значительным оказался вклад партийных организаций в решение социально-бытовых проблем населения и работников отдельных предприятий, что определяло высокий уровень текучести и обратной миграции населения. Центральный комитет КПСС, партийные комитеты областного, городского и районного

звена всегда отдавали приоритет решению чисто экономических вопросов, и очень слабо использовали свой огромный властный потенциал для развития социально-бытовой инфраструктуры сибирских поселений, для удовлетворения насущных материальных проблем трудящихся и их семей, для рациональной организации системы оплаты труда различных категорий персонала.

-
- ¹ **Алексеев В.В.** Электрификация Сибири: историческое исследование. Ч.2. 1951-1970 гг. Новосибирск, 1996; **Ефимкин М.М.** Рабочие Сибири. Конец 50-х – середина 80-х гг. Новосибирск, 1990; **Алексеев В.В., Логунов Е.В., Шабанов П.П.** Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири (по материалам Главсибтрубопроводстроя). Свердловск, 1987; **Долголюк А.А.** Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. 1955-1980. Новосибирск, 1988; **Цыкунов Г.А.** Ангаро-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск, 1991; **Карачаков Д.М.** Индустриальное развитие и формирование кадрового потенциала национальных районов Сибири: исторический опыт и уроки (1961-1985 гг.). Абакан, 1988.
 - ² **Зыков А.Н.** КПСС – организатор строительства гидроэлектростанций Восточной Сибири. Иркутск, 1969; **Семенченко М.Г.** Деятельность КПСС по развитию промышленности Восточной Сибири в условиях строительства коммунизма; **Погребенко А.Е.** Деятельность КПСС по развитию лесохимии РСФСР (1950-1975 гг.). Иркутск, 1981; **Шилов Н.С.** Деятельность КПСС по развитию капитального строительства в Восточной Сибири в условиях развитого социализма. Красноярск, 1981; **Пашков Н.М.** Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964-1980 гг. Томск, 1988.
 - ³ **Зыков А.Н.** Указ. соч. С.562.
 - ⁴ **XXIII съезд** Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т.1. М., 1966. С.90-91.
 - ⁵ **XXV съезд** Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т.1. М., 1976. С.95.
 - ⁶ **Материалы XIX съезда** Коммунистической партии Советского Союза. М., 1954. С.557.
 - ⁷ **XX съезд** Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т.2. М., 1956. С.443.
 - ⁸ **XXV съезд** Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т.2. М., 1976. С.295.

-
- ⁹ **XXIII съезд** Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т.2. М., 1966. С.255.
- ¹⁰ **Решения** партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.7. М., 1970. С.579-582.
- ¹¹ **Долголюк А.А.** Указ соч. С. 81.
- ¹² **Пашков Н.М.** Указ. соч. С. 91.
- ¹³ **Братская ГЭС.** Сборник документов и материалов. Т.1. Иркутск, 1964. С.58.
- ¹⁴ **Погребенко А.Е.** Деятельность КПСС по развитию лесохимии РСФСР (1950–1975 гг.). Иркутск, 1981. С.172.
- ¹⁵ **Зыков А.Н.** Указ. соч. С. 169.
- ¹⁶ Там же. С. 139, 142.
- ¹⁷ Там же. С.144.
- ¹⁸ Там же. С. 172.
- ¹⁹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.70. Оп. Д.482. Л.189; Ф.458. Оп.1. Д.154а. Л.54.
- ²⁰ **Пашков Н.М.** Указ. соч. С.114-115.
- ²¹ Там же. С. 115.
- ²² Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф.124. Оп. 205. Д.16. Л.73-75.
- ²³ Там же. Оп. 124. Д. 54. Л.283.
- ²⁴ **Решения** партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.6. М., 1968. С.688-690.
- ²⁵ **Долголюк А.А.** Указ. соч. С.142.
- ²⁶ **Материалы XXIV съезда** КПСС. М., С. 278.
- ²⁷ **Пашков Н.М.** Указ. соч. С.104.
- ²⁸ Подсчитано по данным годовых отчетов учебного комбината Братскгэсстроя.
- ²⁹ **Ямал** в панораме Российской истории. Салехард–Екатеринбург, 2004. С.169.
- ³⁰ **Семенченко М.Г.** Указ соч. С.201.
- ³¹ Центр документации по новейшей истории Иркутской области (ЦДНИИО). Ф.5397. Оп.1. Д.52. Л.52.
- ³² **Семенченко М.Г.** Указ. соч. С.204, 205.
- ³³ **Решения** партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.7. С.581.
- ³⁴ **Деятельность** КПСС по подготовке и воспитанию кадров. Тюмень, 1980. С.101.
- ³⁵ **КПСС** в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд.8. Т.11. М., С.103-109.
- ³⁶ **Долголюк А.А.** Указ. соч. С.134.
- ³⁷ **Пашков Н.М.** Указ. соч. С.93.
- ³⁸ **Ямал** в панораме Российской истории. С.169.

-
- ³⁹ **XXII съезд КПСС.** Стенографический отчет. Т.3. М., 1972. С.322.
- ⁴⁰ **ЦДНИИО.** Ф.4847. Оп.7. Д.4. Л.149.
- ⁴¹ **Суворов И.Ф.** Инженерно-технические кадры – опора партии в борьбе за технический прогресс. М., 1973. С.17.
- ⁴² **Долголюк А.А.** Указ. соч. С.91.
- ⁴³ **Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.** М., 1981. Т.13. С.58-66.
- ⁴⁴ **Семенченко М.Г.** Указ. соч. С.188.
- ⁴⁵ **Долголюк А.А.** Указ. соч. С. 94.
- ⁴⁶ **Семенченко М.Г.** Указ. соч. С. 190.
- ⁴⁷ **Долголюк А.А.** Указ. соч. С.120.
- ⁴⁸ **Текущий архив** БЛПК. Справочник «Кадры Братского лесопромышленного комплекса» Л. 11-23.
- ⁴⁹ **Алексеев В.В., Логунов Е.В., Шабанов П.П.** Указ соч. С. 130.
- ⁵⁰ **Ямал в панораме Российской истории.** С.172.
- ⁵¹ **Материалы XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза.** С.314.
- ⁵² **Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.** М., 1968. Т.6. С.404-408.
- ⁵³ **КПСС в резолюциях.** М., 1978. Т.12. С.564-569.
- ⁵⁴ **Пашков Н.М.** Указ. соч. С.118.
- ⁵⁵ **Братская ГЭС.** Иркутск, 1964. Т.1. С.102-105.
- ⁵⁶ **ЦДНИИО.** Ф.127. Оп.61. Д.36. Л.6-8
- ⁵⁷ Там же. Оп.70. Д.29. Л.182-185.
- ⁵⁸ **Зыков А.Н.** Указ. соч. С.194.
- ⁵⁹ **КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.** М., 1972. Т.10. С.131.
- ⁶⁰ **Пашков Н.М.** Указ. соч. С.140.
- ⁶¹ **Ямал в панораме российской истории.** С.176.
- ⁶² **XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза.** Стенографический отчет. Т.2. С.355.

Эволюция подходов в разработке и осуществлении региональной социально-экологической политики на примере освоения Ангаро-Енисейского региона в 1950-1990-е гг.

Экологическая политика как система политических, социально-экономических, юридических и иных мер, принимаемых государством для управления экологической ситуацией и обеспечения рационального использования природных ресурсов начала формироваться в XX столетии. Под усиливающимся антропогенным давлением на окружающую природную среду разрабатывалась нормативно-правовая база, регулирующая природопользование; совершенствовался механизм управления социально-экологической сферой и взаимодействия властных структур с общественными природоохранными организациями; менялись подходы к оптимизации природопользования как в целом по стране, так и на региональном уровне. Последнее десятилетие XX в. интересно еще и тем, что изменение экологической политики происходило в условиях перехода от социалистических принципов хозяйствования к использованию рыночных механизмов в управлении природопользованием. Это внесло новизну в решение экологических проблем, имело свои преимущества и выявило недостатки в ее осуществлении.

Исследование механизма реализации экологической политики на примере социально-экономического развития Ангаро-Енисейского региона (АЕР) объясняется местом и ролью региона в экономическом потенциале не только Сибири, но и страны в целом. В исследуемый период регион был выделен как объект специального программного развития в рамках существовавшего административно-территориального деления Восточной Сибири. Общая площадь региона составляла 19,6 % территории Российской Федерации, на которой проживало к концу XX в. более 6,7 млн. чел. На его территории происходило формирование Братско-Усть-Илимского, Саянского, Канско-Ачинского, Центрально-Красноярского, Нижне-Ангарского территориально-производственных комплексов (ТПК), а также Иркутско-Черемховского, Норильского и др. промышленных районов. Их функционирование в 1950–1980-е гг. позволило превратить ре-

гион в мощную топливно-энергетическую и минерально-сырьевую базу страны. В то же время, строительство крупных индустриальных объектов в ранее необжитых районах стало мощным фактором воздействия на природу, привело к истощению ресурсов, загрязнению среды жизнедеятельности человека, формированию в промышленных центрах напряженной экологической ситуации. Поэтому, исследование опыта осуществления в регионе государственной экологической политики, наиболее актуально в условиях нарастания социально-экологических противоречий.

Региональная экологическая политика как часть государственной в условиях социалистического общества основывалась на представлении региональных органов власти как периферийных ответвлений центрального аппарата управления экономикой. Фактически их роль сводилась к выполнению команд центра. Поэтому, для понимания ее основных направлений необходимо выделить этапы в разработке государственной экополитики и проследить осуществление ее положений на региональном уровне.

Первые действия советского правительства в области природопользования были приняты еще в 1920–1930-е гг. Термин «экологическая политика», в современном его понимании, еще не использовался, но примеры деятельности по оптимизации взаимоотношений человека с природой имели место. В 1920–1930-е гг. были образованы первые государственные природоохранные органы – по охране памятников природы, сохранению некоторых видов животных, растений. В эти годы правительством было принято свыше двухсот законов и распоряжений природоохранного содержания¹. Они касались вопросов организации лесного хозяйства; охраны рыбных запасов; были определены права и обязанности органов санитарного надзора в отношении вредного воздействия промышленных предприятий на природу и здоровье человека и др. Провозглашались принципы рационального использования, приумножения и охраны природных богатств. Но эффективность природоохранной деятельности снижалась из-за потребительского отношения к природе и по причине упрощенного понимания её сущности и задач.

Именно в этот период, когда значимость экологических последствий обществом еще не осознавалась, началась разработка программы индустриального освоения Ангаро-Енисейского региона. Государственная политика базировалась на представлениях о неис-

черпаемости природных ресурсов Сибири, что привело в ходе осуществления программы к значительному затоплению земель, ликвидации лесных массивов, к ухудшению качества воды и другим отрицательным результатам.

В 1950–1960-е гг. реформирование системы управления народным хозяйством сказалось на государственной экологической политике. С образованием совнархозов была поставлена задача по организации руководства природоохранной деятельностью на территориальном уровне. Функции управления охраной природы были переданы специальным государственным и отраслевым природоохранным органам на уровне республик.

Среди наиболее значимых решений следует назвать выделение министерствам капиталовложений на проведение мероприятий по рационализации природопользования и защиты окружающей среды, запрет на введение в действие новых предприятий без очистных сооружений, утверждение нормативов чистоты водных ресурсов и атмосферного воздуха в промышленных центрах, организация научных исследований по экологической проблематике, подготовка специалистов в области охраны природы, пропаганда экологических знаний.

Свидетельством стремления к обеспечению регулирования взаимоотношений общества и природы на основе правовых норм стало принятие в 1960 г. Закона РСФСР об охране природы. В нем были определены объекты окружающей среды, подлежащие охране – леса, земля, недра, пригородные лесные зоны, атмосферный воздух, животный и растительный мир; принципы использования и охраны природных богатств; основные направления разработки научных основ природопользования. Ответственность за осуществление природоохранных мероприятий была возложена на Совет Министров РСФСР. Работа по регламентации природопользования на общесоюзном уровне выразилась в принятии Советом Министров СССР постановлений по упорядочению использования и усилению охраны водных ресурсов, о защите почв от ветровой и водной эрозии, о размерах материальной ответственности за ущерб, причиненный лесному хозяйству и др.²

Важной составляющей процесса реформ являлось формирование региональных структур, функционирующих в рамках союзной модели управления природоохранной деятельностью. Контролирующую

функцию выполняли такие организации как санитарно-эпидемиологические станции, комитеты народного контроля. В Ангаро-Енисейском регионе были созданы Байкальское и Енисейское бассейновые управления по регулированию, использованию и охране водных ресурсов, Управления гидрометеослужбы и другие организации. В правительственных постановлениях были определены права и обязанности местных органов власти, выполнявших координирующую роль. Они рассматривали вопросы размещения предприятий союзного и республиканского подчинения, предоставления и изъятия земельных участков; участвовали в разрешении земельных споров, выдаче разрешений на разработку полезных ископаемых, осуществлении управления и контроля за использованием и охраной ресурсов; контролировали выполнение природоохранных мероприятий. С 1960 г. в их структуре были образованы постоянные депутатские комиссии по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов.

В Иркутской области формирование постоянных депутатских комиссий началось на первой сессии областного совета в 1960 г., в том числе по здравоохранению, коммунальному хозяйству и благоустройству. Было создано 38 комиссий при городских и районных исполкомах. Их деятельность была направлена на проведение инвентаризации объектов природы, подлежащих первоочередной охране, разработку мер агротехнического, мелиоративного, противоэрозийного характера, установление связей с научными организациями по вопросам рационализации природопользования. Комиссии организовывали контроль за соблюдением природоохранного законодательства и условий труда на предприятиях; строительством биологических очистных сооружений и реконструкцией вентиляционных установок и др. С этой целью на заседаниях рассматривались вопросы «О санитарном состоянии на строительстве Иркутской ГЭС и Аллюминстроя», «О мероприятиях по ликвидации загрязнения атмосферного воздуха населенных мест» (1960 г.), «О мероприятиях по ликвидации загрязнения Ангары нефтепродуктами» (1961 г.) и др.³ Комиссии проводили проверки, выездные заседания, заслушивали отчеты руководителей предприятий.

В Красноярском крайисполкоме было принято «Положение о правах и обязанностях постоянных комиссий» (1965 г.). Комиссии являлись объединением депутатов по производственно-отраслевому

принципу и создавались на период их полномочий. Деятельность осуществлялась по поручению краевого Совета или по собственной инициативе. Так, председателем постоянной комиссии по охране природы академиком А.Б. Жуковым было предложено создать единое краевое управление охраны природы (1966 г.). С этой целью предлагалось объединить управления Крайохотпром, Енисейрыбвод и Крайметео в единую структуру, а в районах создать госинспекции по охране природы.

В ходе совершенствования работы были созданы постоянно действующие межведомственные комиссии, в том числе по борьбе с шумом, по разрешению споров по вопросам землепользования, водопользования и др. Учитывая актуальность вопроса, было принято «Положение о постоянной межведомственной комиссии по размещению промышленных предприятий на территории края. При рассмотрении ходатайств комиссия выносила предложения, а в случае их отклонения представляла материалы с обоснованием своей позиции. Так, при решении вопроса о строительстве завода по производству железобетона министерству было указано на необходимость разработки мероприятий по охране окружающей среды. Министерством черной металлургии не было получено согласие крайисполкома на размещение Восточно-Сибирского электрометаллургического комбината в районе Саяногорска. Отказ мотивировался перегруженностью района предприятиями, загрязняющими окружающую среду, а также природно-климатическими особенностями района, отрицательно влияющими на условия проживания населения и развитие сельского хозяйства⁴.

Несмотря на то, что правительственные постановления представляли определенные полномочия местным органам власти, реальных рычагов воздействия на нарушителей природоохранного законодательства они не имели. Их деятельность наталкивалась на серьезные препятствия экономического и юридического характера, объективно обусловленные существующей системой административно-командного управления, которая противоречила образованию полномочных органов местного самоуправления, способных самостоятельно решать вопросы социального развития региона. Так, в соответствии с постановлением СМ СССР «О мерах по упорядочению и усилению охраны водных ресурсов СССР» (1960 г.) запрещалось принимать в эксплуатацию предприятия без природоохранных объ-

ектов. Но в практике хозяйственного развития региона данное требование не соблюдалось. В справке КНК «О состоянии водоемов Иркутской области» (1964 г.), направленной руководителю группы по Восточной Сибири СМ РСФСР В.М. Шаханову и председателю облисполкома В.Ф. Мальцеву, предлагалось прекратить пуск предприятий без очистных сооружений. Переписка Красноярского крайисполкома с министерствами свидетельствует о том, что местным органам власти не удавалось добиться введения природоохранных объектов к началу эксплуатации большинства предприятий. Их сооружение в лучшем случае осуществлялось на завершающей стадии строительства⁵.

В последующий период эти недостатки стали еще более заметны из-за наращивания производственных мощностей без учета возможностей утилизации отходов. Показателен в этом отношении пример с введением очистных сооружений на КраАЗе. Их строительство началось еще в 1959 г., но из-за недостаточного финансирования практически было заморожено на 12 лет. В результате к 1980 г. выбросы завода в атмосферу стали составлять около половины всех выбросов в Красноярске. Несмотря на это, начало реконструкции газоочистных установок в цехе электролиза было перенесено с 1987 г. на 1992 г. Министр цветной металлургии В.А. Дурасов, отвечая на очередной запрос крайисполкома (1988 г), сообщал лишь о перспективных планах использования более экологически чистых технологий. То же происходило при возведении никелевого завода НГМК. Министерство цветной металлургии в 1968 г. гарантировало пуск установки по очистке серосодержащих газов одновременно с завершением строительства. Но к началу эксплуатации завода (1975 г.) отсутствовал даже технический проект установки. По этой же причине к намеченному сроку (1976 г.) не было осуществлено строительство высотных труб на медном заводе. В определенной степени причины задержки были связаны с несовершенством технических решений⁶.

Постоянные комиссии, используя такую форму работы, как обращение с запросами к министерствам и предприятиям о выполнении природоохранного законодательства, сталкивались с игнорированием не только решений регионального, но и правительственного уровня. Предложения местной администрации обычно носили рекомендательный характер и поэтому не всегда выполнялись. Ярким

примером бездействия министерств в природоохранной сфере являлась ситуация, сложившаяся на Тулунском гидролизном заводе (1967 г), повлекшая уничтожение рыбных запасов в реке Ия. Для установления причин загрязнения была создана комиссия. В ее состав вошли профессор Иркутского мединститута Я.М. Грушко, председатель райисполкома Д.П. Мищенко, директор БГНИИ М.Г. Асхаев, зав. СЭС В.С. Малиновская и др. Главная причина загрязнения реки состояла в несовершенстве технологического процесса, в просчетах при проектировании, строительстве и эксплуатации очистных сооружений. Увеличение объема продукции завода привело к перегрузке очистных сооружений в 40 раз. Комиссия поставила в известность Главное управление микробиологической промышленности, просила пересмотреть производственные планы завода, повысить эффективность очистных сооружений, провести исследования для восстановления рыбных запасов реки⁷. Вопрос о возмещении ущерба не ставился. Нерешенность проблемы неизбежно привела к повторению замора рыбы в 1968–1969 гг.

Явное нарушение предприятиями природоохранного законодательства часто происходило с молчаливого согласия местных органов власти. Финансирование министерствами социальной сферы ставило их в зависимость от ведомственной политики. Но, как показала практика хозяйственного освоения АЕР, вместо снятия остроты проблем происходило нарастание социально-экологических противоречий.

Недостаточно применялось право, предоставленное контролирующим органам, закрывать предприятия, не соблюдающие предельно допустимые нормативы загрязнения окружающей среды. Так, постановлением Иркутской СЭС было вынесено предупреждение (1963 г.), а затем решение о закрытии (1965 г.) асфальтобетонного завода из-за невыполнения рекомендаций. Выбросы в атмосферу превышали ПДК более чем в 10 раз. Местные органы власти оказались в сложном положении. С одной стороны, они не могли оставить город без бетона, а с другой, должны были защищать интересы и здоровье населения. В данном случае было принято компромиссное решение. Работа завода была разрешена только в летнее время, когда шла укладка асфальта. Но большинство членов комиссии сходились во мнении, что подобная мера лишь оттягивает строительство современного завода. В Красноярском крае органами саннадзора неоднократно

но направлялись предупреждения директорам Ачинского глиноземного комбината, Усть-Абаканского биохимического завода и др., но экоситуация не улучшалась⁸.

Наиболее распространенной формой контроля за состоянием окружающей среды со стороны природоохранных структур являлось проведение проверок выполнения ранее вынесенных рекомендаций. Но осуществление систематического контроля даже в крупных промышленных центрах санитарными эпидемиологическими станциями было затруднено из-за недостатка кадров, транспорта, оборудования. Происходило объединение их действий с другими контролирующими организациями. Так, в Иркутской области усилиями Байкальского бассейнового управления по регулированию, использованию и охране вод, Братской зональной гидрометеорологической обсерватории, коллективом метеостанций за год было проведено 594 проверки предприятий и выполнено 1350 анализов проб природных источников. Енисейским бассейновым территориальным управлением по регулированию, использованию и охране вод было организовано три линейных участка с филиалами гидрохимических лабораторий. Но из 700 предприятий Красноярского края под контролем находилось только около 300⁹.

В 1970-е гг. новым подходом к решению экологических проблем стал учет сложившейся экоситуации при разработке планов социально-экономического развития. Государственно-правовое закрепление эта позиция получила на сессии Верховного Совета СССР в 1972 г. и с принятием постановления ЦК КПСС и СМ СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов»¹⁰. Министерствам было дано задание разработать научно-технический прогноз возможных изменений в биосфере на 20–30-летнюю перспективу и с учетом этих данных предусмотреть меры по максимальному предотвращению отрицательных воздействий хозяйственной деятельности на окружающую среду. Были определены природоохранные функции различных хозяйственных, управленческих, научных, межведомственных структур. Для оздоровления окружающей среды в промышленных и административных центрах предлагалось разработать градостроительные нормативы, а Главному управлению гидрометслужбы при СМ СССР указывалось на необходимость создания системы наблюдения и контроля за уровнем загрязнения атмосферы, почвы, водных объектов.

Осуществлялся переход от координационных планов к целевым программам, определяющим весь комплекс практических мероприятий, необходимых для решения проблем в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Местными партийными и советскими органами управления деятельность по охране природы стала осуществляться по планам в рамках программ социально-экономического развития. В Иркутской области план по охране окружающей среды впервые был разработан на период 1971–1975 гг. Вопросы охраны природы нашли отражение в «Комплексном плане социально-экономического развития г. Красноярска на 1971–1975 гг.» Мероприятия по улучшению охраны водного и воздушного бассейнов на период 1976–1981 гг. были составлены всеми ГК КПСС Красноярского края¹¹.

Первоначально планы представляли собой простой перечень мер с указанием сроков их реализации. Они не давали полного представления о масштабах загрязнения окружающей среды. Как краевые, областные, районные планы, так и разработанные меры на предприятиях были плохо взаимосвязаны, бессистемны. Этот недостаток виден по результатам их выполнения. В ряде случаев осуществлялось больше мероприятий, а вкладываемые капиталовложения значительно превышали суммы, предусмотренные первоначально. Так, количество выполненных природоохранных мероприятий на АНХК в 1975 г. более чем в два раза превышало плановые показатели. Соответственно возрастало их финансирование.

Но в большинстве случаев планы природоохранной деятельности предприятиями не выполнялись, были слабо обеспечены материальными и финансовыми ресурсами, сроки их реализации смещались на последующие пятилетия, а эффективность была ниже запланированной. Так, в соответствии с постановлением СМ РСФСР «О неотложных мерах по оздоровлению окружающей среды г. Братска» в 1975 г. на БрАЗе, первом среди предприятий города, был разработан и с февраля 1979 г. внедрен в практику «План мероприятий по уменьшению выбросов в атмосферу при неблагоприятных метеорологических условиях». Но в полном объеме к установленному сроку (1981 г.) решение правительства не было выполнено, главным образом из-за несогласованности действий местных органов власти, не имеющих опыта работы в данном направлении, и

слабой заинтересованности предприятий, относящихся к разным министерствам¹².

В 1970-е гг. высказывалось предложение о разработке общегосударственной долгосрочной комплексной программы охраны, рационального использования, воспроизводства природных ресурсов и поддержания оптимального состояния окружающей среды. Программа была необходима для создания единой системы управления природопользованием, обеспечения выбора наиболее рациональных вариантов и допустимых границ использования ресурсов, способов их воспроизводства, определения уровня загрязнения окружающей среды, разработки системы законодательных актов, создания системы автоматизированного сбора и обработки информации для планирующих и хозяйственных органов управления. Тем самым ставилась задача формирования государственной системы экологического регулирования.

Но в условиях функционирования социалистической политико-экономической модели, затратного хозяйственного механизма, приоритета ведомственных интересов, преобладания бюрократических методов в управлении было невозможно добиться выполнения поставленных задач, так как административно-командная система по своей сути противоречила рациональному природопользованию. Кроме того, для практического осуществления намеченных мероприятий не было создано достаточно эффективной материальной базы, сохранялось слабое финансирование, отсутствовал механизм реализации провозглашенных принципов рационального природопользования. В годовых и перспективных хозяйственных планах природоохранные мероприятия разрабатывались с отраслевых позиций и на практике нередко оказывалось, что их реализация противоречит интересам развития регионов. С позиций отрасли невозможно было правильно оценить их эффективность и приоритетность финансирования. Практическое выполнение мероприятий оставалось крайне неудовлетворительным.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов» (1978 г.) особое место отводилось разработке территориальных комплексных схем охраны природы (ТерКСОП). Их главная задача состояла в интегрировании и координации соответствующих разделов различных плановых до-

кументов, что на первых порах часто выражалось в механическом объединении множества показателей. В середине 1980-х гг. был предложен принципиально новый подход к планированию и управлению природопользованием на основе составления ТерКСОПов. Его методическую основу должны были составлять нормативы качества окружающей среды, увязанные с показателями социально-экономического развития региона. Ряд принципиально новых положений содержал принятый Верховным Советом СССР закон «Об охране атмосферного воздуха» (1980 г.). Впервые были предусмотрены требования об установлении нормативов предельно допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и вредных физических воздействий на нее при размещении, проектировании, строительстве и вводе в эксплуатацию предприятий. Для осуществления контроля за выполнением принятых правительственных природоохранных решений в 1981 г. была создана специальная комиссия Президиума Совета Министров СССР¹³.

На региональном уровне новые тенденции в природоохранной политике выразились в учете вопросов управления природопользованием и охраны окружающей среды в предплановых и предпроектных разработках, схемах размещения производительных сил, комплексных планах социально-экономического развития. Каждый из перечисленных документов содержал раздел «Охрана природы и рациональное использование природных ресурсов». Вместе с тем, документы разрабатывались изолированно, без необходимого взаимного согласования и увязки, без сквозных показателей природоохранной деятельности на разных этапах ее осуществления. Адаптация документов к существующему хозяйственному механизму часто приводила к деформации идей, изложенных в программах.

Прогнозирование процессов хозяйственного воздействия на окружающую среду было необходимо для обеспечения плановых органов своевременной и объективной информацией о возможных изменениях ресурсного потенциала, оптимизации природопользования в интересах долговременного социально-экономического развития как регионов, так и всей страны. С этой целью решались задачи по определению структуры промышленных предприятий и природоохранных мер, проводился анализ альтернативных вариантов природопользования, согласовывались показатели желаемого качества

окружающей среды и динамики развития промышленного производства.

Примером может служить «Схема формирования и развития народно-хозяйственных комплексов Ангаро-Енисейской системы на период до 1990 г.»¹⁴. Признание того факта, что к середине 1970-х гг. в АЕР экологические последствия хозяйственной деятельности человека проявлялись «не менее остро, чем в густо населенных районах страны», определило более пристальное внимание к проблемам природопользования. Вопросы охраны природной среды были рассмотрены отдельно в соответствующем разделе. Обеспечение нормальных экологических условий в промышленных центрах региона предлагалось выделить «в качестве специальной проблемы первостепенного значения». Авторы «Схемы» предупреждали, что при нерациональном размещении предприятий могут создаваться чрезвычайно неблагоприятные концентрации вредных веществ и будут нарушены санитарно-гигиенические условия для проживания населения. Это обстоятельство требовало полного учета всех особенностей рельефа местности, метеорологических условий, а также осуществления мер по совершенствованию технологических процессов и строительства очистных сооружений. Была высказана идея расщепления промышленных производств на территории региона и сокращения предприятий с загрязняющими выбросами. Авторы «Схемы» признавали, что осуществление рекомендаций может облегчить сложную экологическую ситуацию на определенном этапе развития, но не обеспечит полного устранения проблем. Недостатком документа являлось то, что в нем давалась лишь постановка проблемы, обозначались её главные аспекты. Документ имел рекомендательный характер, но механизм осуществления рекомендаций не был представлен.

Перегруженность отдельных территорий региона промышленными предприятиями являлась одной из основных причин обострения экологической обстановки. Существовавшая практика размещения предприятий основывалась на технико-экономическом сравнении отдельных географических пунктов. Выбор падал на территории, близко расположенные к транспортным магистралям, водным артериям и другим предприятиям, связанным единым технологическим процессом. В итоге, территория Иркутско-Черемховского района характеризовалась чрезмерной концентрацией промышленности в

пределах небольшой площадки. В исследованиях института Промстройпроект Госстроя СССР по теме «Территориальный анализ Ангарского района» (1975 г.), новым являлось выделение ограничительных факторов, в том числе природных и социальных.

С учетом состояния окружающей среды Институтом экономики и организации промышленного производства СО АН СССР были предложены варианты моделей оптимизации дальнейшего формирования ТПК. Среди множества параметров особо были выделены ограничения на размеры возможного использования сельскохозяйственных земель, объемы водопотребления, размещение определенных сочетаний объектов-загрязнителей. Внимание было обращено на учет мощностей очистных сооружений, образование и рассредоточение отходов производства, соблюдение определенных соотношений между стоками предприятий, расположенных на одной реке и др. Критерием эффективности выбора таких вариантов считался минимум затрат, обеспечивающий соблюдение заданных экологических стандартов. С учетом проведенных исследований из перспективных схем развития было исключено 21 предприятие машиностроения, 8 – легкой промышленности, 2 – химических и 1 предприятие черной металлургии¹⁵.

В результате экспериментальных расчетов было выявлено, что в рамках Приангарья к I категории по степени загрязнения относился Иркутский район. Поэтому на его территории было рекомендовано ограничить строительство предприятий. Черемховский район, с большим количеством угледобывающих шахт, был отнесен ко II категории, и здесь допускалось размещение нескольких машиностроительных, металлургического и двух химических производств. Источником водных ресурсов и местом сброса стоков в районе являлась р. Белая, впадающая в Ангару, по которой вредные вещества могли распространяться на расстояние до 40 км. Поэтому данный фактор был отнесен к ограничительным. В III категорию вошел Зиминский район. Здесь формировался крупный электрохимический комбинат, в рамках которого первоначально планировалось строительство двух химических и металлургического заводов. В результате анализа выяснилось, что выбросы предприятий будут дополнять друг друга. Это стало причиной отказа от планов их строительства. Кроме того, исследования показали, что учет требований охраны окружающей среды ведет к наиболее равномерному размещению предприятий и

населения на территории региона. Перемещение новых промышленных производств в другие районы комплекса могло способствовать рассредоточению объектов-загрязнителей и созданию благоприятных условий жизни в юго-восточной его части¹⁶.

Этим обстоятельством объясняется планирование большого количества промышленных предприятий в Братско-Усть-Илимском ТПК. К благоприятному фактору для их размещения были отнесены водные ресурсы. Допускалось дальнейшее развитие химической промышленности, строительство предприятий вискозного волокна и целлофана для повышения степени переработки древесного сырья. Предполагалась организация хлорного производства, электрохимического комбината, нефтеперерабатывающего завода. Но уже в 1980-е гг. анализ, проведенный Институтом географии Сибири и Дальнего Востока, показал, что оптимальное освоение Братско-Усть-Илимском ТПК затруднено вследствие недостаточного учета в проектных разработках социально-экологических аспектов развития территории¹⁷.

Актуальность соблюдения санитарных норм стала еще более очевидной при создании КАТЭКа. Первоначальный план освоения его территории, ориентированный на создание большого числа сверхмощных ГРЭС, был признан ошибочным. В 1980-е гг. в результате исследований было установлено, что предусмотренные природоохранные мероприятия недостаточны. Экологическая ёмкость зоны КАТЭКа оказалась ограничена по всем факторам – атмосферному, водному, земельному. Поэтому, допускалось строительство не более двух ГРЭС, одного угольного разреза и роста населения г. Шарыпово до 100 тыс. Важным являлось соблюдение рекомендации о рассредоточении промышленных объектов на территории комплекса. Оптимальным вариантом признавалось сбалансированное развитие энергетики, энергоёмких предприятий и производств по глубокой переработке углей. Но даже в этом случае зона поражения территории от каждой станции могла составлять до 50 км. Прогнозировалось обмеление рек, повышение температуры воды, повышение влажности воздуха в 5–6 раз за счет испарения воды из водохранилищ. К 2000 г. из хозяйственного оборота могло быть выведено 20 тыс. га земли, из которых до 80 % являлись сельскохозяйственными угодьями. Исходя из экологических ограничений, в 1985 г. были разработаны «Основные положения долгосрочной целевой программы КАТЭК» на период до 2005 г., в которых акцент был сделан на эко-

лого-экономический анализ вариантов освоения территории. Но на практике новая стратегия развития осуществлялась крайне слабо¹⁸.

Приведенная краткая характеристика предлагаемых вариантов освоения региона свидетельствует о том, что выбор приоритетов в области размещения производств с учетом экологически допустимых масштабов позволил отказаться от планов максимального использования его территории для индустриального развития. Такой подход минимизировал отрицательное воздействие, но в целом не решал проблему сохранения чистоты окружающей природной среды. Формирование экологической обстановки определялось рядом факторов. Прежде всего, направленностью специализации основных отраслей промышленного производства, выбором схемы размещения предприятий, концентрацией большого количества экологически опасных производств, а также специфическими и в целом неблагоприятными природно-климатическими условиями, уязвимостью природных комплексов к антропогенному воздействию. В итоге, на территории Ангаро-Енисейского региона сформировался комплекс противоречий между большим количеством предприятий и безопасностью жизнедеятельности населения, между интересами различных министерств и интересами региона, между геоэкологической уникальностью природных ресурсов и несовершенством правил их использования и т.д. Существовало явное противоречие между активной правотворческой деятельностью государства по охране природы и нерациональным использованием ресурсов. Несмотря на принятие большого количества законодательных актов, на практике наблюдалось значительное отступление от норм экологического законодательства.

Нарастание экологических противоречий требовало перехода на новый путь развития экономики, который бы обеспечил устойчивый прогресс на длительную перспективу без глубокого нарушения природной среды. Вопросы создания и обеспечения функционирования в регионе систем управления природопользованием, отвечающих сложности проблем его развития, были в центре обсуждения политиков, ученых, хозяйственных руководителей на Всесоюзных конференциях по развитию производительных сил Сибири (1980 г. и 1985 г.). Конференции стали своего рода этапом в формировании экологической политики в сибирском регионе. Академик Г.И. Марчук, определяя перспективы освоения Сибири, отмечал, что этот

процесс «должен идти не стихийно, а в соответствии с научным системным подходом, пониманием последствий каждого нашего шага... Всем крупным проектам должно предшествовать серьезное экологическое обоснование»¹⁹. В выступлении акад. А.А. Трофимука содержалась важная концептуальная идея: «Развивая производство ради удовлетворения материальных потребностей, мы не имеем права подрывать первичную материальную основу жизни общества – природную среду»²⁰. По его мнению, технологическое вторжение в экосистемы в связи с хозяйственным использованием их элементов, невозможно остановить. Можно лишь свести к допустимому минимуму техногенное воздействие.

Особенностью конференции 1980 г. являлось то, что в составе 18 секций впервые была создана секция «Экология, охрана природной среды Сибири», в работе которой приняло участие более 150 чел. Доклады на секции «Медико-санитарных проблем развития Сибири» свидетельствовали о понимании зависимости здоровья человека от состояния окружающей среды. На следующей конференции (1985 г.) в работе секции «Рациональное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды» участвовало 89 чел., представляющих 49 организаций. В выступлениях было отмечено, что с усилением нагрузки на природные комплексы увеличивается значимость ошибок, связанных с игнорированием требований равновесного природопользования, рассеивается мираж о неисчерпаемости природных кладовых.

Был сделан вывод, что основная цель новой стратегии природопользования должна ориентироваться на предупреждение возможных конфликтных ситуаций между развитием производства и поддержанием равновесия экосистем. Для этого необходимо установление взаимосвязи: источник антропогенного загрязнения – оценка воздействия на окружающую среду – оценка последствий в хозяйственной сфере – разработка мероприятий по предупреждению и ликвидации последствий. Определенный опыт в этом направлении уже был накоплен. Но в большинстве случаев оценивался однофакторный риск, то есть учитывалось только загрязнение воды или атмосферы, но отсутствовало целостное представление о состоянии природной среды. Эта работа осложнялась неразработанностью нормативной базы допустимых воздействий на экосистему, прибли-

зительностью критериев и несовершенством методов оценки экологического и экономического ущерба.

Политические и социально-экономические изменения во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. способствовали разработке новых подходов к решению экологических проблем. Был создан Государственный комитет по охране природы при правительстве СССР (Госкомприрода) и его региональные подразделения. Началось формирование Всесоюзного научно-исследовательского и информационного центра по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов. В 1991 г. Госкомприроды РФ был реорганизован в Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ с соответствующим расширением полномочий²¹.

Совершенствование экополитики привело к формулированию новой стратегии экологического регулирования. Ее смысл состоял в «предотвращении ущерба» вместо старого подхода – «ликвидация загрязнения». Кардинальное решение экопроблем видели в создании основ экономического механизма охраны окружающей среды по принципу «загрязнитель платит», во введении платности за использование ресурсов. Для придания четкости экологической политике ставилась задача подготовки «Генеральной схемы комплексного использования природных ресурсов на 20–30-летнюю перспективу» и разработки экологической программы страны.

Реализация новых идей требовала глубоких структурных преобразований хозяйственной системы, перехода на новые технологии, проведения экологической паспортизации территорий и предприятий. Предусматривалось, что решение данных проблем могло создать условия для перехода к устойчивому развитию общества за счет уменьшения антропогенного давления на природу до допустимых пределов. Тем самым была заложена основа для перехода к осуществлению экологической политики с учетом принципа профилактики и минимизации отрицательных последствий хозяйственной деятельности, а также принципа ответственности. Его реализация предполагала отнесение всех расходов по предотвращению, устранению и компенсации вредного воздействия на окружающую среду на конкретного виновника. Это, в свою очередь, делало необходимым принятие комплекса экономических и правовых мер, повышающих природоохранную деятельность до общественно целесообразной и экономически необходимой.

Приоритетными провозглашались экономические и правовые меры с выходом на доминирование региональных интересов над ведомственными при разработке планов социально-экономического развития и системы мер рационального природопользования. При формировании региональной экополитики ставилась задача тщательного учета природно-экологических, социальных и экономических особенностей территории. Наиболее полно новизна подходов проявилась при разработке вопросов управления природно-хозяйственной системой района оз. Байкал. Временным научным коллективом Восточно-Сибирского и Бурятского филиалов СО АН СССР в 1987 г. был разработан проект «Генеральной концепции развития производительных сил в бассейне озера Байкал». Основная практическая цель исследований заключалась в формулировании принципов управления природопользованием на примере Байкальского региона. Документ был утвержден СМ РСФСР в 1988 г., и на его основе была разработана «Территориальная комплексная схема охраны природы оз. Байкал» (1990 г.)²². Принятие решения о перепрофилировании Байкальского ЦБК создало условия для поиска альтернативных вариантов развития данного района.

Совершенствование управления природоохранной деятельностью на региональном уровне выразилось в создании комитетов по охране окружающей среды, отделов экологической экспертизы, экологических фондов и др. Задача создания экологически безопасной среды была провозглашена приоритетной. Для комплексного решения экологических проблем исполкомом облсовета Хакасии (1988 г.) было рекомендовано объединить усилия всех природоохранных структур независимо от их ведомственной принадлежности. В Красноярском крае по результатам комплексных экспертиз только 23 проекта строительства предприятий было рекомендовано к реализации, а 120 проектов было отклонено, в большинстве случаев из-за отсутствия экологического обоснования. В Тувинской АССР был создан комплексный отдел по вопросам охраны природы (1989 г.). Его секретарь К.Д. Аракча в качестве первоочередных задач считал необходимым разработку экологических карт республики, совершенствование методики подсчета экологического воздействия на окружающую среду²³.

Начиная с 1988 г. стали ежегодно публиковаться Государственные доклады о состоянии природной среды и природоохранной дея-

тельности в СССР. В регионах появление докладов относится к 1992 г.²⁴. Степень анализа и объем информации об экологическом состоянии территории в них были несоизмеримо выше, по сравнению с документами более раннего периода. Несмотря на то, что устранение региональных экопроблем было невозможно без разрешения многих вопросов на государственном уровне, их выявление было необходимо для поиска вариантов смягчения экологической напряженности.

В конце 1980-х гг. кардинальное решение природоохранных проблем пытались осуществить за счет перехода от административных к преимущественно экономическим методам управления природопользованием, в том числе на основе введения платности за использование природных ресурсов. По решению Госкомэкологии с 1990 г. в 49 регионах страны планировалось начать проведение экономического эксперимента по совершенствованию хозяйственного механизма природопользования. Подготовительная работа на территории региона состояла в определении методики расчета ущерба, нормативов за пользование природными ресурсами; в отработке механизма изъятия платежей в экофонд и направления их для ликвидации выявленных экологических нарушений.

Так, при краевом комитете по охране природы уже в декабре 1988 г. начала действовать аналитическая служба, в которую вошла краевая и 10 межрайонных специализированных инспекций. Решением Красноярского горсовета «О возмещении ущерба, наносимого промышленными предприятиями р. Енисей и ее притокам неочищенными сточными водами» были введены временные тарифы за сброс стоков, превышающий нормативы. В эксперимент были включены 1477 предприятий края, Хакасии, автономных округов. Было открыто 40 внебюджетных счетов, в том числе краевой экосчет комитета по охране окружающей среды. За 1989 г. сумма штрафов составила 14,5 млн. руб. Было предъявлено 129 претензий по возмещению убытков, причиненных в результате нарушения природоохранного законодательства. В добровольном порядке было признано только 29 претензий. В Госарбитраж края было направлено 42 исковых заявления. Сумма расчетных платежей за 1990 г. должна была составить 158 млн. руб., но на 1 января 1991 г. на расчетный счет поступило только 7 млн. руб. Говорить о результатах эксперимента было рано. Но безусловным показателем явилось то, что за

год сумма капиталовложений в природоохранные мероприятия увеличилась в 2 раза и составила 238 млн. руб.²⁵

Разработка целевых комплексных программ социально-экономического развития территорий региона способствовала повышению уровня планирования природоохранных мероприятий. Программы содержали краткую характеристику состояния окружающей природной среды; перечень предприятий, оказывающих негативное воздействие на состояние водных и воздушных бассейнов, а также количество имеющихся очистных сооружений, объем финансирования природоохранных мероприятий и другую информацию. Одной из первых в АЕР была принята целевая комплексная программа «Экология и охрана окружающей среды в условиях развития производительных сил Красноярского края на период 1981–1985 гг.». А в «Комплексной программе социального развития Красноярского края на 1989–1995 гг.», основными направлениями считались: техническое перевооружение предприятий, переход на безотходные технологии, приведение в исправное состояние всех имеющихся установок по очистке стоков и отходящих газов и др. По примеру Ачинского горисполкома, утвердившего программу «Экология» на 1988–1995 гг., началась разработка природоохранных мероприятий в г. Назарово, Боготол и др. Новым в документах этого периода являлось наличие прогноза ожидаемых результатов. Так, реализация намеченных мероприятий в крае должна была привести к снижению вредных выбросов в атмосферу до установленных нормативов во всех промышленных центрах, за исключением Норильска, где вредные выбросы возможно было сократить лишь на 30 %²⁶.

Иркутская область стала первой в Союзе, где по решению областной администрации в 1989 г. был создан Центр по учету природных ресурсов и введению кадастров. В этом же году началась разработка экологической программы области на 1991–1996 гг. В ее основу были положены новые принципы региональной экологической политики, направленной на создание оптимальных условий для функционирования природных комплексов и формирование безопасной окружающей природной среды для жизни населения. Ставилась задача стабилизации экоситуации с последующим переходом к гармонизации отношений между природным потенциалом территории и возрастающими потребностями общества. Но формирование программы проходило в соответствии с господствующей в

тот период установкой на изъятие природных ресурсов, а не на ограничение их использования. Методологически исходили из того, что в регионе сохраняется способность природных систем к саморазвитию, а охрану природной среды следует осуществлять в процессе ее использования. Достижение этой цели предусматривалось осуществить за счет перехода к рациональному природопользованию на основе внедрения экологически чистых технологий и комплексной переработки природных ресурсов.

В рамках генеральной схемы развития и размещения производительных сил Иркутской области на период до 2005 г. разрабатывалась (1988 г.) целевая комплексная программа «Природа». Ее главное назначение заключалось в организации хозяйственного развития Приангарья в соответствии с достигнутым и планируемым уровнем развития производительных сил, спецификой экологической ситуации и особенностями воспроизводства природных систем конкретных районов. При этом на территории с высокой техногенной загрязненностью предполагалось уделить главное внимание реконструкции действующих предприятий, совершенствованию технологий, повышению эффективности работы очистных сооружений, а в рамках действующих ТПК планировалось создать предприятия по переработке отходов производства с целью повышения полноты использования сырья²⁷. Тем самым уже первые шаги в реализации новой стратегии природопользования показали, что эффективное решение экопроблем возможно при условии перенесения центра тяжести в управлении на региональный уровень.

Анализ государственной экологической политики и ее проявлений в регионе позволяет сделать вывод об эволюции подходов к решению природоохранных проблем. К концу XX в. новые тенденции проявились в формировании специализированной государственной системы охраны природы, в разработке долговременных экологических программ как на общесоюзном, так и региональном уровне, в создании основ законодательной базы охраны природы и рационального природопользования на принципах платности за использование ресурсов и загрязнение окружающей среды. В Ангаро-Енисейском регионе появились программы, где социальные и экологические проблемы стали объектом специального исследования. Вопросы жизнедеятельности человека и состояния окружающей среды в них стали рассматриваться не только в качестве условий создания индуст-

риальной базы, но и в качестве самостоятельных целей региональной политики. Тем самым в условиях формирования рыночной системы хозяйствования была заложена основа для осуществления новой стратегии экологического регулирования, перехода к профилактике и минимизации отрицательных последствий хозяйственной деятельности, к учету региональных экологических интересов в контексте общероссийского развития.

¹ См.: **Охрана** природы: сб. законодательных актов. М., 1961. С.4-12; **Об охране** окружающей среды: сб. док. партии и правительства (1917–1985 гг.). М., 1986. С.27-44.

² См.: **Об охране** природы в РСФСР: Закон РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Охрана природы... С.152-161; **О порядке** и размерах материальной ответственности за ущерб, причиненный лесному хозяйству: постановление СМ СССР от 21 авг. 1968 г // Об охране окружающей среды... С.114-116 и др.

³ **ГАИО**. Ф. Р-1933. Оп.6. Д.23. Л.3; Д.41. Л.2, 8, 15.

⁴ **ГАКК**. Ф.Р-1386. Оп.1. Д.3755. Л.1-2, 68.

⁵ См.: **Решения партии** и правительства по хозяйственным вопросам. Т.4. М., 1968. С.650-656; **ГАИО**. Ф.Р-1933. Оп.6. Д.50 Л.34; Д.108. Л.83; **ЦХИДНИКК**. Ф.26. Оп.14. Д.233. Л.3.

⁶ **ГАКК**. Ф.Р-2372. Оп.1. Д.1538. Л.2; Красноярский рабочий. 1988. 12 авг.; Красноярский рабочий. 1988. 8 июля.

⁷ **ГАИО**. Ф.Р-1827. Оп.1. Д.59. Л.14; Ф. Р-2901. Оп.2. Д.317. Л.77.

⁸ **ГАИО**. Ф.Р-1827. Оп.1. Д.59. Л.14; Ф. Р-2901. Оп.2. Д.317. Л.77.

⁹ **ГАКК**. Ф.Р-1386. Оп.1. Д.4328. Л.25–26.

¹⁰ См.: Решения партии и правительства ... М., 1974. Т.9. С.348-371.

¹¹ **Комплексный план** социально-экономического развития г. Красноярска на 1971–1975 гг. Красноярск, 1971; **ЦХИДНИКК**. Ф.26. Оп.10. Д.99. Л.5-18; **ГАИО**. Ф.Р-1827. Оп.1. Д.59. Л.14.

¹² **ГАНИИО**. Ф.127. Оп.109. Д.57. Л.7; Оп.112. Д.113. Л.3, 6.

¹³ См.: Решения партии и правительства ... М., 1979. Т.12. С.579-594; М., 1981. Т.13. С.419-433.

¹⁴ **ГАНИИО**. Ф.127. Оп.108. Д.8. Л.236, 241.

¹⁵ **Бурманова О.П.** Учет требований охраны окружающей среды при оптимизации пространственной структуры ТПК // Известия СО АН СССР. Серия общ. наук. 1979. №1. Вып.1. С.51,53,57.

¹⁶ **Гуков В.П., Беляев А.А.** Второй этап формирования Братско-Усть-Илимского ТПК // Там же. С.36; **ГАКК**. Ф.Р-2236. Оп.1. Д.194. Л.112.

-
- ¹⁷ **Корытный Л.М.** Здоровье исполина. Проблемы экологии. Красноярск, 1987. С.20; **ЦХИДНИКК.** Ф.26. Оп.14. Д.233. Л.10.
- ¹⁸ **Бандман М.К., Малиновская В.А.** Саянский территориально-производственный комплекс // Известия СО АН СССР. Серия общ. наук. 1979. № 6. Вып.2. С.10.
- ¹⁹ **Проблемы** социально-экономического развития производительных сил Сибири. Сб. докл. пленар. засед. Всесоюз. конф. по развитию производительных сил Сибири. (апр.1980 г). Новосибирск, 1981. С.14.
- ²⁰ **Трофимук А.А.** Минеральные ресурсы Сибири на службу Родине // ЭКО. 1980. № 6. С.27.
- ²¹ **Об охране** окружающей природной среды: закон РСФСР от 19 дек. 1991 г. // Сборник нормативных актов по экологическому праву Российской Федерации: М., 1995. Т.1. С.11–73.
- ²² **Территориальная** комплексная схема охраны природы бассейна озера Байкал. М., 1990; Байкал у нас один // Вост.-Сиб. правда.1988. 28 окт.
- ²³ **ЦГАРТ.** Ф.2. Оп.18. Д.3. Л.16; **ГАКК.** Ф.Р-2483. Оп.1. Д.8. Л.112,121, 255-256; Сов. Хакасия. 1988. 7 авг.; Наука в Сибири. 1989. 24 февр.
- ²⁴ **Состояние** природной среды в СССР в 1988 г: межведом доклад. М., 1990; **Экологическая** обстановка в Иркутской области в 1992 г: ежегод. доклад. Иркутский областной комитете по охране природы. Иркутск, 1993; **Состояние** окружающей природной среды в Красноярском крае в 1992 г: гос. доклад Краснояр. краев. ком. по охр. природы. Красноярск, 1993 и др.
- ²⁵ **ГАКК.** Ф.Р-2483. Оп.1. Д.8. Л.11, 22, 248, 250; Д.15. Л.301–302, 311, 313.
- ²⁶ **ОДНИАФРХ.** Ф.2. Оп.8. ДЗ. Л.15–18; **ГАКК.** Ф.Р-2483. Оп.1. Д.8. Л.111; **Комплексная** программа социального развития Красноярского края на 1989–1995 гг. Красноярск, 1989. С.122-123.
- ²⁷ **ГАНИИО.** Ф.127. Оп.119. Д.71. Л.40; Ф.4968. Оп.19. Д.1. Л.28.

А.И. Тимошенко

**Разработка социальных проблем
сибирских территориально-производственных комплексов
в 1950–1980-е гг.**

Создание сибирских ТПК в советский период являлось одним из приоритетных направлений экономической стратегии государства. В результате решались не только общегосударственные социально-экономические и политические проблемы СССР, но и активно изменялся облик Сибири, её экономическое и демографическое пространство.

Главной целью создания ТПК являлась их производственная деятельность, но она не могла быть успешной без решения социальных проблем, которые должны были решаться в едином комплексе. Это было ясно уже в 1930-е гг., когда в рамках политики модернизации и индустриализации советской экономики в условиях большого напряжения создавались первые промышленно-производственные комплексы. Все усилия и ресурсы тратились преимущественно в производственной сфере, социальная же получала крайне скудное обеспечение. Повседневностью советской индустриализации в годы первых пятилеток стали тяжелые и материально очень ограниченные условия жизни и труда участников сооружения предприятий Урало-Кузнецкого комбината. По объективным обстоятельствам советское государство в этот период не могло обеспечить полноценного развития социальной сферы индустриальных новостроек. В государственной экономической и политической стратегии прочное место занимали производственные приоритеты.

В послевоенное время социальным проблемам в СССР также уделялось мало внимания. В условиях складывающейся сразу же после Второй мировой войны международной обстановки в мире не удалось коренным образом улучшить жизнь советских людей. В 1945 г. после августовских взрывов в Хиросиме и Нагасаки все возможное и невозможное стало предприниматься для производства в СССР атомного оружия. Однако уже в 1950-е гг. в социальной политике наметились положительные сдвиги. Советское правительство стало предпринимать реальные действия, способствующие повышению

жизненного уровня советских людей, наиболее полному удовлетворению их потребностей в жизненных благах.

В перспективных наметках, обозначенных в пятом и шестом пятилетних планах, разрабатывалась широкая программа промышленного и соответственно социального строительства, в том числе и в Сибири, но если о строительстве промышленных объектов говорилось конкретно, то социальное развитие оставалось как-то в тени, как само собой разумеющееся в рамках возведения предприятий. Отраслевой подход в индустриальном строительстве при основном внимании к производственным заданиям ограничивал решение социальных проблем. В перспективных и текущих плановых директивах социальная составляющая была крайне мала и неконкретна. Так, в решениях XX съезда КПСС говорилось о строительстве гидроэлектростанций и предприятий в Сибири, о том, что необходимо обеспечить движение производительных сил на восток с целью максимального приближения промышленности к источникам сырья и топлива. Необходимо более энергично вводить в действие все ресурсы восточных районов, обеспечивать эффективное их использование в интересах дальнейшего развития производительных сил страны. И практически ничего не говорилось о производственных отношениях и вообще о жизни людей, которые будут претворять в жизнь эти грандиозные планы¹. Считалось, что само собой все образуется. Главное – сооружение индустриальных гигантов на благо экономического и военно-оборонного положения страны, а остальное все не очень важно. Благополучие, улучшение жизни создателей было предусмотрено в будущем.

Строительство объектов Братско-Усть-Илимского ТПК (БИТПК) начиналось с палаток. В палатках пришлось жить первым строителям самой северной Усть-Хантайской ГЭС, ставшей энергетическим центром Норильского территориально-промышленного узла. Не обошлось без житейских неудобств и на других новостройках Сибири. И это воспринималось, как норма и в государственном управлении, и в обществе. Строители даже находили в этом определенную романтику, считали, что комфортное и благоустроенное проживание мало сочетается с их профессией.

В «совнархозовский» период делались попытки усилить региональное влияние на новое индустриальное строительство. Во второй половине 1950-х гг. вышло несколько совместных постановлений ор-

ганов государственного управления СССР, нацеленных на развитие социальной сферы новых городов, строящихся в районах активного индустриального освоения. В одном из них говорилось, что прошло то время, когда в стране строились вначале предприятия и дешевое временное жилье. Теперь социальное строительство должно быть первоочередным. «Необходимо, чтобы строительство жилых домов и культурно-бытовых учреждений предусматривалось в плановом порядке и входило неотъемлемой частью в сооружении новых предприятий»².

Это заявление совпадало с основными принципами, провозглашавшимися в государственной социальной политике в конце 1950-х гг., когда декларировались цели и задачи строительства в СССР коммунистического общества. Поэтому много говорилось о том, что потребности человека должны быть на первом месте в социально-экономическом развитии страны. Задачами партийных и прочих государственных организаций определялось проведение различных мер и мероприятий по созданию такого уровня комфорта и благополучия в советском обществе, который мог бы обеспечить каждому его члену нормальную и здоровую жизнь, высвободить время для отдыха, спорта и всестороннего культурного и духовного развития. В Программе КПСС, принятой на XXII съезде, было записано: «Города и поселки должны представлять собой рациональную комплексную организацию производственных зон жилых районов, сети общественных и культурных учреждений, бытовых предприятий, транспорта, инженерного оборудования и энергетики, обеспечивающих наилучшие условия для труда, быта и отдыха людей»³.

Предполагалось, что все эти принципы должны эффективно работать в районах нового промышленного освоения, куда на стройки приезжала, в основном, молодежь и очень важно было, чтобы она не только участвовала в строительстве, но и стала активной частью населения новых городов, в которых организация жизни должна быть максимально комфортной и рациональной. Проектанты считали, что жилые микрорайоны в районах нового промышленного освоения должны кардинально отличаться от традиционной застройки городов кварталами и создавать лучшие условия для населения. В каждом жилом комплексе планировалось предусмотреть весь спектр организаций и учреждений социально-бытового и культурного обслуживания населения. Люди, проживающие в новых индустриаль-

ных центрах должны иметь не только комфортные отдельные квартиры, но и находящиеся недалеко от жилого дома магазины, школы, больницы и учреждения для проведения досуга. Родители не должны тратить лишнее время, чтобы привести ребенка в ясли или детский сад, взять его оттуда обратно домой. Для того чтобы пообедать или поужинать вовсе не нужно совершать путешествия на автобусе или в трамвае. Сеть культурно-бытового обслуживания населения должна размещаться в непосредственной близости от жилья.

Ученые и архитекторы убедительно доказывали, что масштабы Сибири позволяют не только строительство в регионе крупнейших в мире предприятий, но и относительно крупных населенных пунктов вокруг них с полным комплексом современного городского благоустройства. Проектировщиками наиболее рациональным признавалось строительство в Сибири городов на 50–200 тыс. жителей.

Одним из новых индустриальных центров Восточной Сибири в послевоенные годы стал город Ангарск. Его строительство планировалось в четвертой пятилетке в связи с проектами создания крупного предприятия по производству жидкого топлива на базе углей Черемховского бассейна. Работы по застройке площадки будущего города по проектам Ленинградского института градостроения начались в 1949 г. Вначале предполагалось строить недалеко от предприятия рабочий поселок на 30 тыс. жителей. Однако, уже в 1950–1951 гг. планы резко изменились. В связи с разработкой схемы районной планировки Иркутско-Черемховского ТПК и строительством Иркутской ГЭС было принято решение по строительству в течение 8–10 лет города Ангарска примерно на 200 тыс. жителей⁴.

К 1954 г. Гипрогор (г. Москва) при участии Академии наук СССР, Института гигиены им. Эрисмана, географического факультета МГУ в основном завершил работу по составлению схемы районной планировки Иркутско-Черемховского ТПК, где наряду с развитием уже существующих населенных пунктов, намечались планы создания новых городов Ангарска, Шелехова, Байкальска, каждый из которых должен стать новым не только индустриальным, но и социокультурным центром Сибири.

Иркутско-Черемховский территориально-производственный комплекс расположен в относительно обжитом и хозяйственно освоенном районе Сибири, благоприятном в природно-климатическом и транспортно-инфраструктурном отношении. Братско-Усть-Илимский

ТПК создавался практически на пустом месте. Если производственное строительство здесь имело какое-то основание, то социальное происходило с нуля. Были попытки использовать уже имеющийся опыт государственного управления социальным развитием в районах нового хозяйственного освоения при решении крупных регионально-целевых проблем. В 1920–1930-е гг. в СССР создавались специфические организации в виде территориально-производственных и транспортно-промышленных комбинатов (Воркутауголь, Комсеверопуть, Главсеморпуть и др.), которые занимались не только хозяйственным развитием определенной территории, но всей социальной жизнью. Они самостоятельно создавали в ранее незаселенных местах социальную инфраструктуру, которая функционировала уже не в рамках специализированных министерств и ведомств, а в составе комбинатов в интересах не только их работников, но и всего местного населения.

Однако, при формировании БИТПК этот опыт в полной мере использовать не удалось. С самого начала в строительстве предполагалось участие не одного министерства, а сразу нескольких, которые были заинтересованы в первую очередь в возведении производственных объектов.

В какой-то мере имеющийся опыт был всё-таки учтен. Для строительства Братской ГЭС было создано Министерством строительства электростанций СССР Управление строительством «Братскгэсстрой», которое занималось не только непосредственно строительными работами, но и обустройством своих работников на строительстве: обеспечением их жильем, продовольствием и промышленными товарами. Управление рабочего снабжения «Братскгэсстроя» развернуло свою систему торговли, общественного питания, создало подсобное хозяйство. Строительство необходимых объектов медицинского, культурно-бытового обслуживания велось в первое время за счет средств, выделяемых новому строительству, но их всегда недоставало для быстро растущего города. В процессе строительства на «Братскгэсстрой» постепенно возлагались функции общестроительной организации по возведению других промышленных и гражданских сооружений в зоне строительства гидроэлектростанции, создания единой мощной базы стройиндустрии за счет долевого участия министерств, промышленные предприятия которых размещались в этом районе⁵.

В начальный период формирования ТПК «Братскгэсстрой» вынужден был создавать социальную сферу не только для строителей, но и для энергетиков. Но затем с разворотом строительства других предприятий комплекса и усложнением задач он уже не справлялся с возложенными на него функциями. В Братске и других населенных пунктах комплекса очень остро стояли проблемы управления именно решением социальных задач.

Чтобы преодолеть организационные трудности при сооружении жилья и объектов соцкультбыта в Братске была создана Дирекция строительства города с правами отдела облисполкома, которая организовывала строительство города на пах министерств и ведомств. В г. Усть-Илимске была с этой же целью создана Дирекция строящегося Усть-Илимского целлюлозного завода. В других городах ТПК этого не потребовалось, так как в них создание жилых и культурно-бытовых объектов шло в основном за счет средств одного министерства, в ведении которого находилось ведущее предприятие города. В г. Железногорске-Илимском – железорудный горно-обогаительный комбинат, в г. Вихоревке – Управление железной дороги, в поселках – леспромхозы и совхозы.

Приобретенный опыт показывал, что для такой специфической формы пространственного размещения производства и соответствующего расселения людей, какой является ТПК, необходимы особые органы управления, как на общегосударственном, так и региональном уровне, которые становятся всё более значимыми по мере развития комплекса. Решение социальных проблем нуждается в создании таких органов управления ещё в большей степени, чем производственных. В целом же они должны решаться одновременно.

Об этом говорили ведущие экономисты страны, участвовавшие в планировании первых советских производственных комплексов в 1930-е гг. Но тогда государственная власть пренебрегала этими предупреждениями. В условиях мобилизационных и часто насильственных методов промышленного строительства можно было решать социальные проблемы по минимуму. Теперь без решения социальных проблем было невозможно оперативно осуществлять производственное строительство. Поэтому ставилась задача одновременно планировать строительство предприятий и социальной инфраструктуры населенных пунктов, в которых они находятся.

Эта проблема рассматривалась на XXIII съезде КПСС в 1966 г., когда после упразднения совнархозов государственная власть находилась в поиске новых форм и методов управления экономическим развитием СССР, основывающимся на принципах рационального сочетания отраслевого и территориального подходов. Особенно это касалось различных территориально-производственных сочетаний, не связанных с существующим административно-территориальным делением. На съезде была отмечена целесообразность разработки для территориально-производственных комплексов особых методов перспективного планирования и управления формированием независимо от отраслевой и административно-территориальной принадлежности отдельных предприятий. Таким образом, понятие ТПК входило в директивные документы как перспективная форма организации народного хозяйства СССР ⁶.

Изменение политических акцентов находило отражение в теории ТПК, которая, начиная с 1930-х гг. активно разрабатывалась в советской экономико-географической науке. Но тогда значение отдельных производственных комплексов рассматривалось только с точки зрения потребностей народного хозяйства в их промышленной продукции. Теперь же ученые совершенно определенно рассматривали ТПК как важное направление прогресса в социально-экономическом развитии СССР. В их проектировках с применением новых методов и расширившихся возможностей, связанных с моделированием, использованием системного и программно-целевого подходов на равных рассматривались, как производственная, так и социальная часть формирования комплексов, которые находились в органичном единстве и не могли рассматриваться отдельно друг от друга ⁷.

С конца 1950-х гг. большой вклад в разработку проблем формирования ТПК стали вносить сибирские ученые. В Институте экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП), созданном в 1958 г. в рамках Сибирского Отделения Академии наук СССР, был организован специальный сектор. Проблемы сибирских ТПК обсуждались на всех самых крупных научно-практических конференциях, посвященных развитию производительных сил и организовывавшихся при активном содействии центральных и региональных государственных организаций.

Наиболее серьезно социальные проблемы развития сибирских ТПК обсуждались на конференции по развитию производительных

сил Сибири, которая проходила в 1969 г. сразу в нескольких сибирских городах: в Томске, Тюмени, Новосибирске. К этому времени уже значительно продвинулись в своём формировании целый ряд сибирских комплексов: Центрально-Красноярский, Кузбасский, Иркутско-Черемховский, Братско-Усть-Илимский, активно развивался Западно-Сибирский нефтегазовый. И везде социальные проблемы были острыми и требовали безотлагательного решения.

В целом ряде докладов на решении социальных вопросов был сделан основной акцент. В докладе академика А.Г. Аганбегяна утверждалось, что в научной и хозяйственно-управленческой практике идеи комплексного подхода к освоению новых территорий предполагают разработку не только основательных производственных программ, но и социальных, которые должны определять методы и формы привлечения трудоспособного населения, а также способы его адаптации и закрепления в малообжитых и не освоенных человеком местах. Такой подход требует значительных научных изысканий, как предварительных, так и в процессе строительства. Для успешного решения проблемы комплексного развития ТПК требуется интеграция научного и производственного сообщества, которая должна проявиться уже в планировании, а затем в формировании новых территориально-производственных образований.

Вопросам формирования трудовых ресурсов и расселения на территории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса был посвящен доклад Заславской Т.И., которая сообщила, что многолетние исследования возглавляемого ею научного коллектива свидетельствуют о необходимости коренного изменения в политике освоения сибирских территорий. Здесь требуется в самое ближайшее время пересмотреть сложившиеся нормы капиталовложений в производственную и непроизводственную сферы формирующихся ТПК. В целях повышения их экономической эффективности целесообразно планировать опережающее создание жилищной и культурно-бытовой инфраструктуры. Для того чтобы эффективно осваивать нефтегазовые богатства Западной Сибири, необходимо вопросы заселения и обеспечения трудовыми ресурсами региона решать на уровне крупных народнохозяйственных проблем⁸.

Конференция пришла к выводу, что генеральное направление экономической стратегии в СССР должно основываться на новом отношении к человеку, ради которого и должно происходить вовле-

чение сибирских богатств в народнохозяйственный оборот. Однако, мнения ученых учитывались лишь в той мере, в которой они не противоречили интересам общегосударственной стратегии, в которой без сибирских ТПК уже не возможно было обойтись. Мероприятия, связанные с формированием сибирских комплексов всё чаще стали попадать в директивные документы по пятилетним планам.

В решении социальных проблем ТПК Сибири большую роль сыграло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по развитию экономики и культуры в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям», принятое 25 декабря 1973 г. В нём намечены мероприятия по расширению строительства жилья и объектов социально-бытовой и культурной сферы, обеспечения населения товарами и продовольствием, в том числе и качественным, произведенным на месте в тепличных и животноводческих хозяйствах, организованных с учетом природно-климатических условий северных районов. Через ведомства предусматривались меры по улучшению условий труда и жизни северян, внесены изменения и дополнения в типовые отраслевые нормативы выдачи бесплатной спецодежды и обуви, изготовленные для северных районов, а также планировалась организация передвижных пунктов медицинского, бытового и культурного обслуживания населения⁹.

Решение социальных проблем сибирских ТПК проходило в рамках двух главных направлений. Одно из них было связано с обеспечением в короткие сроки предприятий и строек кадровыми контингентами необходимых профессий. Другое предполагало создание в новых местах современной социальной инфраструктуры. Если первая группа задач при поддержке государственной миграционной политики, агитации и пропаганды со стороны общественных организаций решалась довольно успешно, то вторая по сути дела была отдана на откуп министерствам и ведомствам. Они, получив плановые задания по строительству предприятий, как правило, по своему усмотрению сооружали социальные объекты. В таких условиях приоритет получало недорогое жилье, а здания для учреждений просвещения, здравоохранения, а тем более культурно-бытового назначения превращались в хронический «долгострой». Мало помогали специальные постановления на этот счет региональных и даже общегосударственных властей. Финансы и материальные ресурсы постоянно перераспределялись в пользу производственных объектов.

Чтобы преодолеть это противоречие, не меняя в целом системы отраслевого управления экономикой, на самом высоком уровне государственной власти ставились задачи рационального размещения производительных сил, сочетания отраслевого и территориального планирования, организации специальных межотраслевых органов занимающихся формированием ТПК. Об этом говорилось на XXIV и XXV съездах КПСС, но в «Основные направления развития народного хозяйства СССР» на очередную пятилетку, на которых базировались все главные расчеты, попадали, как правило, только общие производственные задания. Например, в директивах на 1976–1980 гг. предусматривалось ускоренное развитие районов нового промышленного освоения Сибири, определялись конкретные задачи: «В Западной Сибири продолжить формирование крупнейшего территориально-производственного комплекса – главной базы страны по добычи нефти и газа. Довести здесь в 1980 г. добычу нефти до 300–310 млн. тонн, газа – 125–155 млрд. куб. метров. Продолжить строительство Томского нефтехимического комбината. Развернуть строительство Тобольского нефтехимического комплекса. Построить заводы по переработке нефтяного газа, систему трубопроводов для транспортировки нефти и газа и железную дорогу Сургут – Нижневартовск. Начать строительство железной дороги Сургут – Уренгой... Завершить в основном формирование Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса.»¹⁰.

Ученые и специалисты, занимающиеся проблемами ТПК, отмечали, что необходимо комплексное планирование по всем направлениям, а не только производственным. ТПК должны, наконец, получить правовой статус межотраслевых объединений, в законодательном порядке иметь все возможности для своего формирования и развития. В общих плановых документах они должны обозначаться отдельно, а не по отраслям и административно-территориальным образованиям. Власти уже сами приходили к такому выводу. 12 июля 1979 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о методике планирования межотраслевых производственных объединений, в соответствии с которым ученые и специалисты получали возможность более эффективно разрабатывать проблемы первоочередных ТПК, готовить соответствующие предплановые и плановые документы, перечень которых определялся постановлением¹¹.

В 1980-е гг. во всех директивных плановых заданиях формирование сибирских ТПК стало обозначаться отдельной строкой. Оно вошло и в крупные стратегические документы: в Комплексную программу научно-технического прогресса и Генеральную схему развития и размещения производительных сил СССР до 2000–2005 гг., где были выделены первоочередные сибирские ТПК на прогнозируемую перспективу.

Процесс разработки комплексных социально-экономических программ для ТПК Сибири был распределен на несколько этапов. Вначале разрабатывалась Генеральная схема развития производительных сил СССР, рассчитанная сразу на несколько пятилетий. Затем, в рамках её определялись крупные ТПК и промышленные узлы, находящиеся во взаимосвязи и взаимодействии. И только потом разрабатывались долгосрочные программы развития отдельных регионов. Во второй половине XX столетия такие программы были разработаны для всех восточных районов, где планировались самые высокоэффективные ТПК Советского Союза¹².

1970–1980-е гг. стали самыми продуктивными в изучении проблем ТПК. Ученые получили государственный заказ. Количество работ о комплексности социально-экономического развития очень быстро увеличивалось. Во многих из них рассматривались фундаментальные проблемы производственно-территориальных сочетаний с позиций системного и программно-целевого подходов. Активно разрабатывались проблемы формирования конкретных ТПК, и не только упомянутых в директивных документах, но и перспективных, которые могли получить путевку в жизнь по рекомендации ученых в будущем. В науке в этот период прочно утвердилась точка зрения, согласно которой для успешного формирования и развития территориально-производственных комплексов необходимо изначально определить систему последовательных действий и мероприятий, направленных на достижение конечных целей¹³.

В научной практике утвердилось мнение, что процесс формирования ТПК должен содержать как минимум три важнейших этапа последовательных действий при реализации программы: научно-исследовательскую или предплановую и предпроектную подготовку территории; строительство и проектирование комплекса; его формирование и дальнейшее развитие. Целевые комплексные программы рекомендовалось разрабатывать на основе системного подхода,

который предполагал, что все элементы научного прогноза разрабатываются в рамках единых методологических принципов: новый район рассматривается с одной стороны, как часть народнохозяйственного комплекса страны, а с другой – как сложная совокупность составляющих его отраслевых и территориальных подсистем. Комплексные программы должны иметь долгосрочный характер, учитывающий поэтапное и постепенное решение как производственных, так и социальных проблем с учетом региональных особенностей того или иного района промышленного освоения Сибири.

По мнению ученых каждый из названных этапов формирования ТПК должен сопровождаться соответствующей программой социального развития. Все намечаемые мероприятия, выполняющиеся в строгой последовательности, должны иметь четкие задания для того или иного министерства или ведомства, выступающих в роли конкретных исполнителей. Территориальная и хозяйственная системы ТПК в силу объективных обстоятельств имели свои специфические особенности, в то же время были объединены и общими закономерностями, которые необходимо было учитывать при разработке конкретных как производственных, так и социальных вопросов развития комплексов.

Разработка социальных проблем ТПК во второй половине 1970-х гг. была тесно связана с внедрением в практику советского государственного управления так называемого комплексного социального планирования. Решение об этом было принято на XXV съезде КПСС¹⁴. В результате повсеместно составлялись планы и паспорта социально-экономического развития трудовых коллективов предприятий, населенных пунктов. Это была своеобразная попытка в постсовнархозовский период как-то обеспечить в рамках существующей централизованно-ведомственной системы управления если не комплексный, то хотя бы многосторонний учет территориальных интересов.

В Госплане СССР и плановых организациях республик в качестве основных государственных документов разрабатывались «Схемы развития и размещения производительных сил» различных регионов СССР на период до 2000 и 2005 гг. Методики их составления задавались Центральным экономическим научно-исследовательским институтом при Госплане СССР. В то же время привлекались к работе и региональные партийные и научно-исследовательские организации, которые могли подавать свои предложения. Последнее слово в ре-

шении конкретных проблем оставалось за центральными государственными организациями. Они определяли, какие районы необходимо развивать, и в какие сроки. А поскольку схемы развития производительных сил составлялись в основном по экономическим районам, которые не имели своего регионального управления, то все плановые наметки являлись в большей степени желательными, чем обязательными для исполнения.

Внимание к комплексному социальному планированию в целом положительно отразилось на решении проблем районов нового индустриального освоения, которое стало происходить, с одной стороны, через реализацию планов социального развития трудовых коллективов предприятий, а с другой стороны – через систему градостроительства, предусматривающую создание в районах формирования ТПК населенных пунктов преимущественно урбанистического типа.

Актуальной задачей объявлялось социальное развитие районов нового промышленного строительства, создание там новых городов и рабочих поселков, для которого выделялась значительная часть национального дохода страны. Главное новое градостроительство в ближайшие десятилетия планировалось в Сибири. На севере Западной Сибири намечалось построить около 100 поселений городского типа, в районе строительства Байкало-Амурской магистрали – 50–60 городов. Они должны были составить базу для становления урбанистической системы расселения в ранее необжитых районах. Считалось, что активное городское строительство позволит быстро привлечь необходимые трудовые ресурсы в районы нового освоения, обеспечит здесь высокую степень урбанизации и совершенствование образа жизни населения, что в целом будет способствовать развитию производительных сил регионов.

В государственных решениях определялась высокая значимость нового градостроительства, которое открывало больше возможностей для социального развития населения, по сравнению с уже сложившимися промышленными и культурными центрами. В новых городах планировалось сооружать крупные предприятия ведущих отраслей народного хозяйства, проводить в жизнь самые современные научно-технические разработки, внедрять передовые технологии и методы организации труда и управления. Специалисты различных направлений на незастроенных площадках пытались полнее про-

явить своё творчество, реализовать не только существующие возможности, но и перспективные.

Проекты новых городов предусматривали самую современную пространственную организацию для достижения социальных целей. Здесь изначально закладывались благоприятные условия для социального развития: большой удельный вес государственного жилого фонда, более высокий уровень его комфортности для проживания и благоустройства, активно проектировались самые прогрессивные формы торговли, проведения досуга, бытового обслуживания, так как считалось, что новые молодежные поселения имеют большие возможности для своего социокультурного развития.

Объективно существующие положительные факторы нового градостроительства могли позволить на территории формирующихся ТПК проводить успешную социальную политику. Однако практика строительства новых городов показывала, что не всё происходило просто и однозначно. Много ошибок и диспропорций в социальном развитии порождал ведомственный характер управления строительством. Практика реализации разработанных проектов оставляла желать лучшего. В районах Сибири, где происходило индустриальное строительство, как правило, многие показатели развития социальной инфраструктуры, социально-бытового и культурного обслуживания населения хронически отставали от средних по стране, что вызывало большую текучесть населения и требовало больших затрат со стороны государства.

Самое масштабное индустриальное строительство в 1970-е гг. происходило на севере Западной Сибири. Министерства и ведомства, озадаченные освоением нефтяных и газовых месторождений, пытались экономить на решении социальных проблем. Населенные пункты размещали вблизи производства. Каждый застройщик пытался создавать свою систему расселения и жизнеобеспечения работников. В результате новые города и рабочие поселки создавались по типу хуторского хозяйства. Это коснулось строительства таких населенных пунктов, как Сургут, Нижневартовск, Урай, Мегион, Нефтеюганск, Стрежевой, Надым, созданных в начале 1970-х гг., а также и в более позднее время молодых городов Новый Уренгой, Ноябрьск, Радужный, Лангепас, Нягань, Когалым, образовавшихся уже в начале 1980-х гг. Такая стратегия требовала значительных затрат и в тоже время не решала социальных проблем. Каждое министерство трати-

ло значительные средства на строительство своих социальных объектов, которые часто дублировали друг друга, не решая проблему в целом.

Практика градостроительства и решения социальных вопросов в условиях освоения нефтегазовых месторождений Западной Сибири была признана очень затратной и необоснованно дорогостоящей. В условиях северных территорий вряд ли возможно было представить существование значительного количества мелких городков и рабочих поселков после выработки месторождений полезных ископаемых. Поэтому было высказано мнение, что существующая стратегия должна быть изменена. Она должна учитывать особенности районов ТПК, в которых возможно применение не только традиционных, но и экспедиционно-вахтовых методов организации производственной деятельности населения и соответствующей социальной политики.

Разработке системной и обоснованной социальной политики в районах нового промышленного освоения Сибири часто мешала неопределенность производственных планов. Проектирование производственных объектов, как показывает исторический опыт, часто велось, как говорится, «с колес». Уже в процессе строительства обсуждались и решались проблемы, которые иногда коренным образом изменяли ранее задуманные проекты. Поэтому социальные проблемы решались очень противоречиво. И эта ситуация тормозила формирование комплексов в целом, выполнение производственных заданий, которые были чрезвычайно важны для развития хозяйственного комплекса страны и обеспечения её социально-экономической и политической стабильности.

В нефтегазовых отраслях Западной Сибири с конца 1970-х гг. постоянно росли объемы нефтегазодобычи, которые требовали ускоренных темпов роста всех производственных активов, в том числе и трудовых ресурсов. Рост населения городов и рабочих поселков ЗСНГК несвоевременно обеспечивался увеличением возможностей городской инфраструктуры, особенно жилого фонда. В результате ставился под сомнение объявленный в социальных программах комплексный подход к их реализации.

Первоначально основное градостроительство на Севере Западной Сибири намечалось в Среднем Приобье. Здесь в 1960-е гг. начали эксплуатироваться первые крупные месторождения нефти и газа,

планировалось строительство компактных городов с многоэтажными зданиями, построенными особыми методами в условиях заболоченной местности со сложными гидрогеологическими и природно-климатическими условиями. В этих городах должно было проживать постоянное население, которое могло быть задействовано недалеко от города в транспортном строительстве и при разработке месторождений. В перспективе после выработки нефтяных и газовых скважин население могло быть привлечено в различные перерабатывающие отрасли, которые должны были получить развитие в городах.

В 1970-е гг. эта концепция все в большей степени стала подвергаться сомнению. Ежегодно возрастала добыча полезных ископаемых. В промышленную разработку включались месторождения на территории Дальнего Севера в Заполярье, где были ещё более суровые природно-климатические условия, а малонаселенность не позволяла вести работы уже сложившимися способами. Здесь активно стали применяться вахтово-экспедиционные методы. Научные изыскания подтверждали их эффективность в условиях Севера¹⁵. Строительство вахтовых поселений не требовало значительных затрат по сравнению с крупными и благоустроенными для жизненного комфорта городами. Тем более, что медики и биологи своими исследованиями доказывали, что территория Крайнего Севера вообще является малопродуктивной для постоянного проживания.

Таким образом, постепенно в процессе обсуждений и научных изысканий под давлением обстоятельств разрабатывалась иная модель расселения на территории ЗСНГК, через которую предполагалось решать все социальные вопросы производственного и непроизводственного характера. Новая модель должна была состоять из трёх групп поселений. Самые крупные из них – «опорные» города, под которыми понимались ближайшие, уже давно сформировавшиеся городские центры Западной Сибири, такие как Томск, Тюмень, Тобольск, находящиеся в южных благоприятных для проживания природно-климатических условиях и имеющие развитую производственную и в целом городскую инфраструктуру. Здесь при обычных затратах для городского строительства можно было решить проблемы обеспечения жильем и прочими объектами бытовой и социально-культурной сферы вахтовиков и их семей. Считалось, что население, проживающее в «опорных» городах, будет иметь возмож-

ность трудоустройства и после завершения строительных и эксплуатационных работ на нефтегазовых промыслах. В «опорном» городе есть возможность обучения в вузах и техникумах, профессиональной переподготовки и перепрофилирования, а также полноценного проведения досуга, роста культурного уровня, воспитания и обучения детей и т.д.

Следующим элементом новой системы расселения, по замыслам ученых должен был стать «базовый» город, который более приближен к местам разработки месторождений. Он мог находиться в северной зоне, хотя и менее комфортной по сравнению с югом Западной Сибири, но вполне пригодной для проживания. Здесь могло постоянно проживать население, работающее на предприятиях, как расположенных в «базовом городе», так и за его пределами, на вахте. Строительство в таком городе более дорогостоящее, чем в южных районах, но при должной организации и комплексном решении могло обеспечить нужный экономический и социальный эффект. По мнению проектантов в «базовом городе» необходимо особенно внимательно учитывать социальные и демографические особенности проживающего населения, выполнять требования рациональности и комплексности застройки с обязательным выделением жилых микрорайонов, коммунально-бытовой и производственной сферы. Открытие в таких городах больших театров, художественных салонов и галерей, крупных музеев было не обязательным, но строительство полноценного молодежного жилья, представленного в основном отдельными одно- двухкомнатными благоустроенными квартирами, объектов соцкультбыта считалось необходимым. Рекомендовалось в «базовых» городах вести строительство комфортных общежитий с отдельными комнатами для несемейных работников, Домов быта и культуры, общественных центров досуга молодежи и т.п. Специально для северных городов ЗСНГК были разработаны проекты молодежных жилищных комплексов с полным набором элементов для комфортного проживания, которые были рекомендованы затем для городов и рабочих поселков БАМа и других районов нового освоения.

«Базовыми» центрами рекомендовалось определить уже сформировавшиеся города Приполярной зоны и Среднего Приобья: Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск, Урай, Стрежевой, Надым, Новый Уренгой, Ноябрьск и др. Некоторые из них, развиваясь, возможно в бу-

душем могли выполнять функции «опорных центров» для районов последующего освоения природных ресурсов, находящихся на Дальнем Севере.

Третья группа поселений – «вахтовые» поселки и городки, которые могли быть достаточно многочисленными. Они предназначались для размещения и проживания трудящихся – вахтовиков на период работы и располагались непосредственно в районах геологоразведки, нефте- и газодобычи, транспортного строительства. Считалось, что в них должен проживать ограниченный состав населения, предполагался только самый минимум объектов социально-культурного и бытового обслуживания таких, как: предприятия торговли и общественного питания, пункты бытовых услуг, библиотеки и спортивные залы, медицинские пункты с небольшим стационаром, почта, телеграф. В целом объекты социальной инфраструктуры в вахтовом поселке должны удовлетворять самые первичные потребности людей в основных видах жизненных услуг с учетом территориальных и транспортных возможностей.

Проектанты отмечали, что по мере продвижения на север широкое распространение могут получить мобильные полевые городки, как разновидность «вахтовых» поселений, которые при необходимости несложно будет перевезти на новое место. В общем, специалистами рекомендовалось в стратегии комплексного развития ЗСНГК учитывать конкретные условия того или иного осваиваемого района, особенности территории, отраслевую принадлежность предприятия и т.д. Наиболее рациональным признавалось развитие социальной инфраструктуры «опорных» и «базовых» городов. Было подсчитано, что практическая реализация данного проекта позволит снизить капитальные вложения в развитие ЗСНГК на период 1986–2000 гг. на 1 млрд. 161 млн. рублей. Экономия годовых эксплуатационных затрат на содержание объектов социальной инфраструктуры может составить через пять лет 10 млн. руб., через десять лет – 24 млн. и через пятнадцать лет – около 62 млн. руб. с учетом затрат на вахтовые перевозки¹⁶. Данная модель расселения, разработанная для ЗСНГК, была признана целесообразной и рекомендована для использования в других ТПК Сибири, находящихся в суровых природно-климатических условиях.

На примере районов ЗСНГК разрабатывалась система материального обеспечения социальной политики в районах нового промышлен-

ленного освоения Сибири. Здесь апробировались различные формы социальных льгот, «северных» надбавок к заработной плате, социальных выплат и т.д. В результате партийных и правительственных решений в 1970-е гг. в социальной политике СССР сформировалось особое направление, напрямую касающееся развития ТПК Сибири. В его рамках была разработана гарантированная государством система льгот и различных дополнительных выплат из общественных фондов потребления. Например, в районах нового промышленного освоения Сибири и Дальнего Востока, оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года предоставлялся в размере 50 руб. в месяц, в то время как в остальных районах – 35 руб. Различные пособия семьям, имеющим детей, были также более высокими. Рабочим и служащим этих регионов предоставлялись дополнительные оплачиваемые отпуска, а для тех, кто проработал здесь более 15 лет, устанавливался льготный возраст выхода на пенсию.

Ещё в большей степени внимание государства к социально-экономическому развитию восточных районов страны стало проявляться в 1980-е гг., когда стало ясно, что европейские районы, накопив значительный хозяйственный и социальный потенциал, исчерпали многие ресурсы для своего перспективного развития. В решениях XXV съезда КПСС в очередном пятилетии (1976–1980 гг.) планировалось формирование и развитие сразу нескольких ТПК Сибири. Кроме Центрально-Красноярского, Братско-Усть-Илимского и Западно-Сибирского нефтегазового назывались как очень важные и перспективные для народного хозяйства СССР Кузбасский, Саянский и Канско-Ачинский¹⁷. Последний вскоре был объявлен комсомольской стройкой Всесоюзного значения. Здесь началось строительство очень крупных даже в масштабе Сибири Березовского разреза и Березовской ГРЭС. К 1990 г. в Канско-Ачинском угольном бассейне в составе топливно-энергетического комплекса намечалось построить ещё несколько таких крупных предприятий.

Несмотря на то, что формирование КАТЭКа намечалось в южном и давно обжитом районе Сибири, проблемы обеспечения трудовыми ресурсами новых предприятий и строек являлись достаточно сложными. Долгое время не удавалось набрать нужное количество работников. Ставились задачи привлечения их из других районов страны,

а для этого необходимо было решать социальные проблемы, создавать для людей благоприятные условия для жизни и труда.

Социальная часть программы создания КАТЭКа предусматривала активное городское строительство в зоне комплекса. Рассчитывалось, что в процессе сооружения его первой очереди население г. Назарово должно возрасти до 250 тыс. чел., а Шарыпово, где должно развернуться строительство Березовской ГРЭС и Березовского разреза, – до 200 тыс. чел., в Бородино и Ужуре – до 35–40 тыс. чел. К 1990 г. общая численность населения в границах комплекса намечалось составит 700–800 тыс. человек, из которых примерно 80 % будет проживать в городских поселениях¹⁸.

При разработке программы создания КАТЭКа говорилось, что в условиях ограниченности трудовых ресурсов необходимо предусмотреть минимальное участие работников в производстве, которое должно, в свою очередь, функционировать на основе самых совершенных технологий, высокопроизводительной техники с использованием всевозможных отечественных и мировых достижений. Специалистами рекомендовался комплексный подход в использовании трудовых ресурсов. В частности, для предприятий комплекса проектировалось создание условий для наиболее полной и рациональной занятости населения, обеспечение необходимого уровня профессионально-квалификационной подготовки кадров за счет расширения базы подготовки, создания хорошо оснащенных межотраслевых центров. Рекомендовалось проведение единой, независимой от отраслевой принадлежности предприятий, трудосберегающей политики на КАТЭКе, предусматривающей оперативное управление трудовыми ресурсами. В технико-экономическое обоснование строящихся предприятий КАТЭКа предлагалось внести ряд контрольных показателей, которые могли бы определять их социально-экономическое благополучие. Например, такими показателями могли бы стать уровень механизации труда, соотношение численности основных и вспомогательных рабочих, структура работающих по характеру и условиям труда и т. д.¹⁹

При разработке программы КАТЭКа специалисты пытались учесть все существенные просчеты и недостатки, которые имелись при создании других ТПК и вели к серьёзным социальным и экономическим потерям. Однако преодолеть сложившиеся стереотипы поведения на сибирских новостройках было очень трудно. Так, на строи-

тельство Березовской ГРЭС-1 и Березовского разреза в 1976–1978 гг. из трудоизбыточных районов страны привлекалось по комсомольским путевкам большое количество молодежи. При этом для них предварительно не готовились хотя бы минимальные жилищно-бытовые условия, не разрабатывались вопросы организации труда на предприятиях. Результатом являлся крайне высокий оборот кадров. В 1979 г. в трест «КАТЭКэнергострой» было принято на работу 2200 человек, а уволено 1577²⁰.

Проектировщики социальных вопросов КАТЭКа делали важные выводы о том, что для активно развивающихся индустриальных районов, развитие социальной инфраструктуры должно опережать промышленное строительство. По их мнению, несоответствие темпов с неизбежностью должно привести к излишним миграционным потокам и народнохозяйственным потерям. Особое внимание обращалось на приглашение не случайных людей, а опытных и квалифицированных рабочих и специалистов, как в рамках отраслей, так и внутритерриториального перераспределения трудовых ресурсов, с обеспечением их современными благоприятными условиями жизни и труда²¹.

Основным результатом создания КАТЭКа рассматривалось не только формирование индустриального комплекса мощных производств, но и развитие особой социально-территориальной общности, совокупности трудовых коллективов, сложной социальной системы, состоящей из людей, местных и мигрантов, которым в первую очередь интересны не планы министерств и ведомств в деле постройки предприятий, а их собственные жизненные установки и потребности, причем на ближайшую перспективу, а не в отдаленном будущем. Планировалось получить в центре сибирского региона высокоразвитый экономический район с благоприятными условиями проживания в нем населения, которое должно получить не проблемы, а жизненный комфорт в условиях ускоренного индустриального развития. Это был совершенно иной подход к социально-экономическому развитию Сибири. По крайней мере, в его теоретическом осмыслении.

Выше обозначенные принципы рассматривались в процессе разработки программы хозяйственного освоения и заселения зоны БАМ. В 1975 г. был создан научный и координационный Совет по проблемам сооружения новой железнодорожной магистрали, возглавляе-

мый академиком А.Г. Аганбегяном, который с самого начала стоял на позициях, что ключевыми проблемами строительства БАМ и хозяйственного освоения территории вокруг неё являются не только производственно-технические вопросы, но и социальные. Это мнение звучало на Всесоюзных научно-практических конференциях, организованных Советом при активном участии государственных управленческих организаций, которые проходили в 1975 г. в Чите, в 1977 г. – в Благовещенске, в 1981 г. – в Улан-Удэ. На последней уже обсуждался более или менее конкретный проект Комплексной программы хозяйственного освоения зоны БАМ, рассчитанный на длительную перспективу²².

Обобщенный и систематизированный научным Советом АН СССР по проблемам БАМ богатый предплановый материал позволил Госплану СССР с привлечением широкого круга министерств и ведомств подготовить целевую комплексную программу хозяйственного освоения зоны БАМ в качестве планового стратегического документа, в котором важное место занимала социальная составляющая. Например, одним из основных принципов реализации программы предусматривалась строгая трудосберегающая политика и ориентация в производственной деятельности на минимальное количество привлекаемых кадров, а следовательно и населения. Для этого рекомендовалось предусмотреть в отраслях хозяйства зоны магистрали использование самой производительной и высокоэффективной техники и технологии производственных процессов с целью повышения производительности труда и тем самым снижения потребностей в трудовых ресурсах.

В программе намечались опережающие темпы создания инфраструктуры и в первую очередь социально-бытового обустройства территории с учетом региональных экономических, социально-демографических и природно-климатических особенностей. Производственная программа, безусловно, потребует привлечения большого количества трудовых ресурсов из других районов страны. Поэтому, данная политика должна быть максимально эффективной. Создание социальной сферы городов и рабочих поселков в зоне БАМ должно происходить высокими темпами. Без этого невозможно рассчитывать на закрепление рабочей силы и специалистов в основных производственных коллективах.

При разработке Комплексной программы хозяйственного освоения зоны БАМ учеными и специалистами на основании расчетов и изучения мирового и отечественного опыта освоения пионерных территорий, предлагалось усовершенствовать уже существующую систему северных льгот и дополнительных выплат к заработной плате. Для зоны БАМ предлагалось установить для всех рабочих, ИТР и служащих, независимо от их ведомственной принадлежности единый коэффициент к заработной плате 1,7. Учитывая неоднородность этого региона, целесообразно по сложности условий труда и жизни установить «вилку» для коэффициента к зарплате работников. Для закрепления кадров важно связать размер заработной платы с продолжительностью стажа работы на предприятиях и в учреждениях зоны. Считалось, что целесообразно ввести выплаты за выслугу лет и надбавки к заработной плате в зависимости от стажа работы всем категориям рабочих и служащих в тех районах зоны, где коэффициент к зарплате будет выше 1,5.²³

С целью закрепления кадров на строительстве Байкало-Амурской магистрали была разработана целая система специальных льгот, действовавших в масштабе страны. Например, внеочередная покупка легкового автомобиля или кооперативной квартиры в крупных городах СССР. Эти льготы оказались довольно действенными. К 1980 г. в трудовых коллективах, работающих на строительстве БАМа, практически не было недостатка в кадрах²⁴. Однако, в целом эти меры не способствовали закреплению населения в регионе, а скорее способствовали его оттоку после окончания строительства, особенно из городов и рабочих поселков, дальнейшее развитие которых было не определено.

В процессе разработки социальных проблем ТПК Сибири в 1980-е гг. было установлено, что удельный вес затрат на создание социально-бытовой инфраструктуры в районах нового промышленного строительства должен быть значительным. На начальном этапе он может составлять от 1/3 до 1/2 общих капитальных вложений. Важное место в комплексе отраслей социально-бытового обслуживания должны занимать предприятия медицинского и культурно-бытового и образовательного профиля. Расчеты, выполненные Центральным экономическим НИИ при Госплане РСФСР при разработке программы хозяйственного освоения зоны БАМ, показали, что в районах нового промышленного освоения нельзя руководствоваться какими-то сред-

ними показателями обеспеченности этими учреждениями. Иногда здесь необходимо принимать нормативы, превышающие средние показатели. Кроме того, в районах нового промышленного освоения необходимо учитывать условия развития каждого конкретного населенного пункта, особенности формирования его населения²⁵.

В социальной части программы развития зоны БАМ учеными и проектировщиками предлагался механизм реализации задуманного в существующих условиях и правилах советского государственного управления. Например, считалось действенным четкое определение каждому министерству-застройщику его доли затрат в создании социальной инфраструктуры. В каждом районе строительства представлялось целесообразным иметь генеральных заказчиков по формированию объектов непромышленной сферы, которым министерства и ведомства, участвующие в строительстве, должны передавать запланированные на социальное строительство средства. Генеральные заказчики в свою очередь должны контролировать выполнение планов по социальному строительству, которое целесообразно вести, в основном, силами специализированных организаций. С развитием городов и рабочих поселков в процессе формирования территориально-производственных комплексов в зоне БАМ возможно постепенная передача функций единого генерального заказчика местным Советам народных депутатов. Таким образом, делалась попытка избежать недостатков ведомственного подхода к решению социальных проблем в РНПО и способствовать там процессам успешного и эффективного формирования и закрепления населения.

При разработке проблем социально-экономического развития зоны Байкало-Амурской магистрали ученые и специалисты пришли к выводу, что методология планирования формирования ТПК должна включать в себя лишь самые общие ориентиры. Конкретные же проекты должны разрабатываться адресно, иметь свои программы действия, которые должны учитывать при реализации все производственно-экономические, природно-климатические, социально-демографические возможности и прочие условия определенных территорий, где предполагается создание ТПК.

Сибирские ТПК к началу экономических и политических реформ 1990-х гг. доказали свою высокую эффективность даже при высоких затратах на строительство предприятий и ввоз трудовых ресурсов. Они производили очень ценную для страны продукцию в виде

электроэнергии, топлива, черных и цветных металлов, лесоматериалов и целлюлозы, которые удовлетворяли не только потребности народного хозяйства СССР, но и активно поставлялись на экспорт. К 1990 г. в Сибири существовали уже сложившиеся территориально-производственные комплексы: Кузбасский, Центрально-Красноярский, Норильский, Иркутско-Черемховский, Братско-Усть-Илимский, Среднеобской в рамках ЗСНГК. В стадии формирования находились комплексы севера Западной Сибири, Южно-Якутский, Саянский. Нижнеангарский, Верхнеленский, Северо-Байкальский и др. находились на стадии предпроектной подготовки. Строились планы их дальнейшего развития. Однако в процессе рыночных реформ государственные намерения оказались далекими от выполнения.

Значительная часть партийных и государственных руководителей страны искренне хотели обновить социализм в СССР, возродить энтузиазм людей, сознательное отношение к общенациональным задачам. В государственной политике декларировалось возвращение к так называемым «ленинским принципам» управления общественным развитием, чтобы создать новый тип социализма с «человеческим лицом». В основном руководители партии и государства в 1985–1986 гг. были в поисках правильного пути. Через критическое отношение к прошлому, через покаяние они намеревались придти к новому созиданию, но на практике всё оказалось гораздо сложнее. На объективные обстоятельства, возникшие в процессе всего предыдущего социально-экономического и политического развития страны, наложилось субъективные факторы, связанные с непомерными амбициями целого ряда ведущих руководителей страны, их неумением просчитать и адекватно оценить последствия своих политических решений. Поэтому развитие страны пошло по совершенно другому пути. Сибирские ТПК значительно снизили свою эффективность и начали возрождаться лишь в начале нового века.

¹ XX съезд КПСС: Стенографический отчет. Ч.1–2. М., 1956. С.52-53

² Развитие экономики СССР и партийное руководство народным хозяйством. М., 1962. С.77.

³ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С.391.

⁴ Ангарск. Планировка и застройка. М., 1958. С.12.

⁵ Братская ГЭС. Сборник документов. Т.1. Иркутск, 1964. С.116-118.

-
- ⁶ **Материалы XXIII** съезда КПСС. М., 1966. С. 128-129, 264-265.
- ⁷ См: **Бандман М.К.** Территориально-производственные комплексы: опыт и проблемы формирования. Ленинград, 1990. С. 17-19.
- ⁸ См: **Материалы** конференции по проблемам развития и размещения производительных сил Сибири. Т.1. Тюмень, 1970. С.160-161.
- ⁹ **Решения партии** и правительства по хозяйственным вопросам. 1973–1975. Т.10. М., 1976. С.49-54.
- ¹⁰ **Материалы XXV** съезда КПСС. М., 1976. С.226-227.
- ¹¹ **Постановление** ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 года. М., 1979.
- ¹² См: **Комплексные региональные** исследования производительных сил СССР. Научно-исторический очерк Ч.1-2. М., 1991.
- ¹³ **Программно-целевое** управление социалистическим производством. Вопросы теории и практики. М., 1980. С.101-102.
- ¹⁴ **Материалы XXV** съезда КПСС. М., 1976. С.171.
- ¹⁵ **Орлов Б.П. Харитонов В.Н.** Формирование пространственной структуры ЗСНГК.// Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1983. №11. С.30.
- ¹⁶ **Аверин А.Н. Антропов Е.П.** Западная Сибирь: социальная инфраструктура районов освоения. М., 1988. С.104.
- ¹⁷ **Материалы XXV** съезда КПСС. М., 1976. С.226-227.
- ¹⁸ См: **Поиск** ведет наука. Красноярск, 1984. С.100.
- ¹⁹ Там же. С.104.
- ²⁰ **Красноярский рабочий.** 1980. 20 февраля.
- ²¹ **Поиск** ведет наука. С.106-107.
- ²² См: **Айзенберг Е.Б. Соболев Ю.А.** Комплексные программы развития восточных районов СССР. М., 1982. С.74.
- ²³ Там же. С.90.
- ²⁴ **Хозяйственное** освоение новых регионов и экономический рост Сибири. М.,1980. С.144.
- ²⁵ Там же. С.148-152.

**Экономические и социальные проблемы
бурятского участка БАМа в 1990-е гг.**

Строительство Байкало-Амурской магистрали оказало большое влияние на социально-экономическое развитие слабо освоенных регионов Востока России. Один из наиболее важных участков железной дороги пролегал через северные районы Республики Бурятия, на которых планировалось сформировать крупный горнопромышленный центр страны¹. Однако радикальные экономические реформы и нарастающий народнохозяйственный кризис изменили отношение руководства РФ к перспективам хозяйственного освоения зоны БАМа. В этой связи представляется актуальным исследование социально-экономической политики российских и республиканских органов власти в отношении территорий Бурятии, прилегающих к магистрали в условиях кризиса народного хозяйства в 1990-е гг.

При изучении северных территорий следует учитывать, что для них характерны особые трудности перехода от плановой к рыночной экономике. Прежняя советская система управления имела здесь наиболее законченные формы государственного и ведомственного администрирования. Монополизированная и узкоотраслевая экономика обладала слабой способностью к саморегулированию. Ликвидация централизованного материально-технического снабжения нарушила функционирование системы завоза необходимой продукции из других регионов. В связи с либерализацией цен и тарифов, коммерциализации кредитной системы в тяжелое финансовое положение попали предприятия и организации большинства отраслей. В период нарастания кризиса (с 1992 г.) спад производства в меньшей степени затронул предприятия, связанные с добычей нефти и газа, производством цветных металлов и алмазов, которым удалось, используя ранее отлаженные связи, переориентировать на мировой рынок. Более значительным оказалось снижение производства в лесной и рыбной промышленности, а также в строительстве, сельском хозяйстве. Сокращение занятости и утрата имеющихся преимуществ вы-

звали волну миграционного оттока населения. Все эти кризисные явления в полной мере были характерны и для районов БАМа.

Успешное функционирование предприятий, организаций и учреждений Севера Бурятии в условиях масштабных преобразований в стране зависело от целого комплекса факторов. Выделение федеральным центром необходимых материальных и финансовых ресурсов на продолжение строительства железной дороги способствовало бы сохранению рабочих мест, налогооблагаемой базы местных органов власти и социально-бытовой инфраструктуры. Вместе с тем, ухудшение экономического положения в стране в начале 1990-х гг. поставило под вопрос окончательное введение в эксплуатацию около 400 объектов магистрали, в частности, Северомуйского тоннеля. По предложению Советов Министров Бурятии и Республики Саха (Якутия), органов исполнительной власти Хабаровского края, Амурской, Иркутской и Читинской областей, Министерства путей сообщения (МПС) и корпорации «Трансстрой» строительство трассы было все же продолжено. Согласно постановлению правительства РФ от 4 января 1992 г. предполагалось закончить возведение оставшихся объектов к 1995 г.²

Исполнительные органы Красноярского края, Новосибирской и Саратовской областей приняли на себя обязательства по завершению строительства подшефных поселков и сохранению сложившейся системы поставок материалов, конструкций и деталей. Министерству финансов было поручено ежегодно выделять необходимые средства не только на улучшение жилищных и социально-бытовых условий строителей и эксплуатационников, но и на их переселение из временного ветхого жилого фонда. Объекты, не относящиеся к основной деятельности строительных организаций, подлежали передаче на баланс местных советов. Органам исполнительной власти регионов, в т.ч. и Бурятии, вменялось в обязанность оказывать всестороннюю помощь и содействие коллективам, занятым на сооружении и эксплуатации железной дороги, в т.ч. в укомплектовании кадрами и обеспечении местными строительными материалами, в развитии социальной инфраструктуры и создании надлежащих жилищно-бытовых условий.

Решение о достройке БАМа было подтверждено в подписанном 29 мая 1992 г. Соглашении по экономическим вопросам между правительствами России и Бурятии. В этом документе отмечалось, что

руководство России в согласованных объемах примет меры по завершению строительства магистрали, а также выделит дополнительные ассигнования в республиканский бюджет на содержание, принимаемых на баланс местных Советов от строительных организаций и предприятий министерства путей сообщения, объектов социально-культурного назначения и жилищно-коммунального хозяйства. В документе предусматривалась возможность строительства Молодежного ГОКа и Моккской ГЭС, освоения Холоднинского колчеданно-полиметаллического месторождения, а также выдвигались предложения по возведению группы заводов по производству строительных материалов и т.д.³

Несмотря на положительное решение вопроса о достройке трассы БАМа, выполнение принятого постановления тормозилось недостаточным и нерегулярным финансированием. Так, в 1992 г. из федерального бюджета поступило только 52,7 % запланированных средств, в 1993 г. – 33,8 %, в 1994 г. – 18,6 %⁴. Задолженность по зарплате к концу 1992 г. только по Республике Бурятия достигла 300 млн. руб.⁵ Ввод в эксплуатацию последнего крупного объекта – Северомуйского тоннеля произошел лишь в декабре 2003 г. Вместе с тем, деятельность строительных организаций оказала положительное влияние на экономическую ситуацию в республике, позволив сохранить рабочие места и социальную инфраструктуру. Например, приобретение «БАМтоннельстроем» контрольного пакета акций Тимлюйского цементного завода способствовало загрузке его мощностей⁶.

Постсоветское экономическое развитие районов нового освоения напрямую зависело от масштабов промышленной разработки перспективных месторождений полезных ископаемых. Обнаруженные запасы свинца, цинка, молибдена, хризотил-асбеста должны были стать основой для формирования в Бурятии Северобайкальского территориально-производственного комплекса. Освоение этих природных ресурсов республики предполагалось начать еще в 1986–1990 гг. Однако в рыночных условиях основным фактором хозяйственного освоения намеченных в советское время месторождений стала их потенциальная прибыльность. В связи с наличием альтернативных запасов полезных ископаемых в других регионах СССР в конце 1980-х гг. централизованные капитальные вложения на освоение территорий БАМа были сокращены. Перевод министерств и ведомств на самофинансирование и хозрасчет способствовал тому,

что последние утратили интерес к претворению в жизнь капиталоемких проектов типа ТПК, создание которых предусматривалось изначально ⁷.

Растущие тарифы на перевозку грузов и падение спроса на сырье в 1990-е гг. привели к снижению интереса государства и частных инвесторов к проблеме использования имеющихся природных ресурсов. По показателям эффективности недр БАМа оценивались ниже, чем в других регионах. Сложные геологические условия и недоработка технических проектов освоения усугублялись большими затратами на создание производственной и социальной инфраструктуры. Кроме того, в условиях экономического кризиса, несмотря на то, что многие важнейшие запасы полезных ископаемых остались за рубежом, предприятиям было выгоднее сохранять сложившиеся хозяйственные связи, чем осуществлять инвестиции в освоение новых источников минерального сырья. В результате в начале радикальных реформ выделение средств на строительство горно-промышленных объектов даже на наиболее перспективных и подготовленных месторождениях республики, в частности, на Молодежном асбестовом, было прекращено.

Президент России Б.Н. Ельцин при посещении республики в 1992 г. признал, что из-за дефицита финансовых ресурсов в ближайшие 10–20 лет государство не сможет уделять должного внимания проблемам развития территорий, прилегающих к магистрали. В связи с этим основная деятельность органов власти должна быть направлена на модернизацию существующих предприятий и поддержку социальной сферы ⁸.

В таких условиях наиболее заинтересованным в привлечении государственных и частных инвестиций для хозяйственного освоения зоны БАМа оказалось Министерство путей сообщения, которое стремилось таким путем снизить убыточность магистрали ⁹. В целях более точной оценки перспектив развития северных территорий и разработки программы их промышленного освоения сотрудниками Института экономики и организации промышленного производства СО РАН в середине 1990-х гг. проведен анализ запасов минерального сырья. Существующие месторождения были разделены на несколько групп. В первую из них вошли природные ресурсы, наиболее подготовленные к разработке. В Бурятии из 11 месторождений только Оркейтканское молибденовое отвечало таким параметрам. Ко вто-

рой группе, обладающих оценочно высокими перспективами, относи Ирокиндинское золотоносное месторождение. Оставшиеся получили оценки ниже средних, поэтому эксплуатировать их было либо проблематично, либо нецелесообразно.

В 1997 г. правительство приняло предложение руководства МПС и заинтересованных субъектов РФ о создании акционерного общества «Баминвест», деятельность которого предполагалось направить на промышленное развитие северных территорий¹⁰. «Баминвест» подготовил «Программу хозяйственного освоения и развития зоны БАМ на 1998–2005 гг.», согласно которой предполагалось осуществить точечную разработку наиболее рентабельных и быстро окупаемых полезных ископаемых. В документе содержались довольно амбициозные для 1990-х гг. проекты ввода в эксплуатацию таких крупных и требующих вложения значительных инвестиций объектов как Бурейская ГЭС, Удоканское месторождение меди и пр.¹¹ Что касается бурятского участка, то здесь предполагалось вложить 135,0 млн. руб. в расширение производства на Ирокиндинском месторождении золота. В результате выполнения всех запланированных мероприятий должны были произойти активизация экономической жизни и рост масштабов грузоперевозок.

В целях повышения эффективности программы в 1999 г. Правительство, возглавляемое Е.М. Примаковым, в своем постановлении обязало федеральные и региональные органы власти учитывать предложения МПС по строительству первоочередных объектов¹². Однако уровень финансирования данной программы оказался значительно ниже запланированного, комплекс мероприятий свелся главным образом к загрузке железной дороги¹³.

В апреле 1999 г. в Государственной Думе РФ начались дискуссии по вопросу о придании зоне БАМа статуса свободной экономической зоны. Требования повышения хозяйственной активности обусловили необходимость принятия специального нормативного акта, первые проекты которого рассматривались еще в начале 1990-х гг. Ухудшение социально-экономической ситуации в регионах, прилегающих к магистрали (население 600 тыс. чел.), где безработица достигла 30 % и тяжелое финансовое положение, в котором оказалось большинство предприятий, ускорили начало его обсуждения в законодательном собрании страны.

Разработчики данного нормативного акта единственной возможностью обеспечить загрузку и безубыточное функционирование магистрали, развитие прилегающих территорий и снижение дотационной нагрузки на бюджет, вызванной необходимостью постоянного выделения средств социально-экономической поддержки в объемах, сравнимых с общей суммой собираемых в зоне БАМ налогов, видели в подъеме реального сектора экономики. Для этого, учитывая непривлекательность данных территорий для инвесторов, было необходимо законодательно оформить меры государственной поддержки, заключающиеся в создании благоприятного режима для привлечения финансовых ресурсов и интенсификации хозяйственной деятельности.

Всего налогов, сборов и иных обязательных платежей было собрано в зоне БАМ, например, в 1997 г. – 7,1 млрд. руб., в т.ч. в пользу федерального уровня – 1,0 млрд. руб., регионального уровня – 3,7 млрд. руб., местного уровня – 2,4 млрд. руб. В то же время общий объем трансфертов в районы БАМа составил 1,6 млрд. руб. Из них из бюджетов субъектов РФ – 1,1 млрд. руб., из федеральной казны – 0,5 млрд. руб. Если говорить о других издержках государства (прямых и косвенных), то размеры ежегодных дотаций необходимо было увеличить, добавив к ним убытки МПС от эксплуатации нерентабельной магистрали и содержания значительной части социально-бытовой инфраструктуры (1,15 млрд. руб. в год), а так же затраты по действующим социальным программам, в частности, по проектам переселения из депрессивных районов – около 0,6 млрд. руб. в год. В целом издержки федерального центра по зоне БАМ превышали 1,2 млрд. руб. в год. Для субъектов Федерации ситуация выглядела несколько менее напряженной, но и из их бюджетов в зону возвращалось более 30 % собранных в ней налогов.

Проектировщики закона признавали, что практически единственный способ сделать магистраль рентабельной – интенсифицировать хозяйственную деятельность в районах, прилегающих к ней, опираясь при этом на уникальные запасы существующих там природных ресурсов. Однако системный кризис отечественной экономики не позволял сконцентрировать инвестиции в объемах, необходимых для освоения. В такой ситуации было предложено не выкачивать средства из депрессивной зоны с последующим их возвратом через 3–12 мес., а оставлять их там, по крайней мере, частично. В этой связи

основная идея закона как раз и состояла в том, чтобы временно снизить налог на добавленную стоимость для предприятий и организаций на 50 %.

Льгота в отличие от дотаций, носящих компенсационный характер, была нацелена на стимулирование экономической активности и в этом смысле конкретизировала постановление правительства РФ от 1997 г. «О первоочередных мерах по стимулированию экономического развития зоны Байкало-Амурской железнодорожной магистрали». Предполагалось, что потери от снижения налога на НДС будут компенсированы к 2002 г. за счет увеличения налогооблагаемой базы и поступлений от налога на прибыль с проектов, намечаемых к реализации до 2005 г.

При этом было подсчитано, что реализация программы хозяйственного освоения БАМа будет в значительной степени облегчена принятием данного нормативного акта и предусматриваемых в нем льгот. Это, в свою очередь, позволило бы обеспечить загрузку магистрали, выведя ее на безубыточную работу уже к 2000 г., уменьшить издержки государства более чем на один млрд. руб. в текущих ценах. Кроме того, развитие производства и создание новых рабочих мест давало возможность в будущем сократить трансферты на социальную поддержку населения. Таким образом, суммируя прямые и косвенные результаты введения указанных временных налоговых льгот, сторонники принятия закона утверждали, что ущерб для бюджетов всех уровней мог быть сведен к минимуму и ограничен первым годом их действия, а положительный результат проявился бы уже к следующему 2000 г.

Масштабы же возможных потерь в первый год действия льгот (300–400 млн. руб.) оказались бы малы и несравнимы с той значимостью, которую имеет БАМ для защиты национальных интересов России на Дальнем Востоке и Забайкалье. Во-первых, сохранилось бы стратегическое значение магистрали как рокадной железной дороги вдоль линии фронта в случае военного конфликта с потенциальным противником, во-вторых, решалась бы проблема заселения зоны БАМ. В-третьих, в случае принятия закона и быстрой реализации его положений территории, прилегающие к трассе, в обозримые сроки (до 5 лет) могли бы превратиться из реципиентов федерального бюджета в доноров.

Согласно положениям представленного законопроекта оборудование и технологии, произведенные за пределами Российской Федерации, для предприятий зоны БАМа, освобождались от уплаты ввозных пошлин и других платежей. Товары, изготовленные в особой экономической зоне и вывозимые за пределы страны, должны были облагаться таможенной пошлиной и другими платежами по 50 %-ой ставке от утвержденных тарифов. Юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям предоставлялся ряд льгот, в т.ч. освобождение от налога на прибыль сроком на три года, 50 %-я скидка от налога на добавленную стоимость. Транспортные услуги и услуги по погрузке, разгрузке и хранению товаров из зоны БАМ налогом на добавленную стоимость планировалось не облагать вообще.

Таким образом, закон «Об особой экономической зоне в районе Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» закладывал основу для создания здесь крупнейшего промышленного комплекса, обеспечивающего добычу, частичную первичную переработку минерального сырья и его эффективную реализацию в стране и за рубежом. С юридической точки зрения он основывался на опыте функционирования подобной зоны в Калининградской области.

При обсуждении данного нормативного акта в Государственной Думе некоторые парламентарии указали на ряд его принципиальных недостатков¹⁴. Наиболее спорным из них оказался вопрос о создании специального органа власти – администрации свободной экономической зоны, в компетенцию которой должно было войти непосредственное осуществление руководства экономическим развитием. Создание подобной управленческой структуры, по мнению ряда депутатов, противоречило бы Конституции, т.к. в ее полномочия вошло бы решение вопросов, относящихся к сфере ведения субъектов РФ¹⁵.

В связи с этим правительство России и руководство Иркутской области выступили против некоторых положений данного законопроекта. Свои сомнения в его своевременности и необходимости высказал губернатор Приморского края Е. Наздратенко, который выразил опасения связанные с тем, что развитие БАМа может переориентировать существующие грузопотоки в порты Хабаровского края. По итогам дискуссий нормативный акт был все же принят, одобрен Советом Федерации, однако не утвержден Президентом Б.Н. Ельциным.

Вопросы использования природных ресурсов БАМа неоднократно ставились и органами власти Республики Бурятия. Наиболее перспективным считалось вложение средств в расширение добычи золота. Возникли проекты, по которым предполагалось увеличить уровень производства этого драгоценного металла на месторождениях, расположенных в Муйском районе¹⁶. Для успешного осуществления мероприятий специально для этого разработанной республиканской программы планировалось активно использовать механизм льготного налогообложения¹⁷. Однако в условиях кризиса самостоятельно профинансировать увеличение производства золота республиканскому бюджету было не под силу.

Ограниченные возможности местных органов управления по самостоятельному освоению природных богатств республики хорошо демонстрировало строительство горнодобывающего предприятия на Черемшанском месторождения кварцитов, расположенном в Прибайкальском районе и не относящемуся к зоне БАМа¹⁸. Несмотря на то, что оно являлось перспективными и хорошо подготовленным к освоению, со стороны органов власти Бурятии инвестиций на его развитие практически не выделялось, хотя региональным, местным управленческим структурам и хозяйствующим субъектам принадлежало 52 % акций. Основные расходы по расширению производства взял на себя внешний акционер – Иркутский алюминиевый завод¹⁹.

Углубление кризисной ситуации в народном хозяйстве Бурятии привело к тому, что правительство России было вынуждено принять специальную программу социально-экономического развития республики до 2005 г. В ней нашли отражения вопросы, связанные с развитием минерально-сырьевого комплекса. Всего на расширение производства в золотодобывающей промышленности, в том числе в зоне БАМа, геологоразведочные работы, строительство добывающих предприятий предполагалось выделить 1551,2 млн. руб., однако недостаток средств в федеральном бюджете привел к тому, что, например, за три года с 1996 по 1998 гг. было выделено только 169,9 млн. руб. Основные средства программы направлялась на достройку Северомуйского тоннеля.

Фактически в условиях кризиса, ни федеральный центр, ни, тем более, республиканские органы управления не обладали необходимыми возможностями для освоения минеральных богатств севера Бурятии. В концепции промышленной политики, опубликованной в

октябре 1999 г. правительством республики было признано, что разработка новых месторождений возможна только при создании благоприятной конъюнктуры рынка. Одним из сдерживающих являлся экологический фактор, требующий применения безопасных технологий. В документе указывалось на то, что, хотя запасы природных ресурсов республики имеют международное значение, возведение новых горнодобывающих комбинатов невозможно без поддержки центрального правительства и привлечения иностранных инвесторов.

Таким образом, с ухудшением социально-экономического положения в стране политика федеральных и республиканских государственных органов в отношении БАМа свелась к решению в основном социальных проблем²⁰. В 1996 г. был подписан Договор о разграничении полномочий между органами власти России и Бурятии. Согласно ему федеральный центр взял на себя обязательства по выделению средств на завоз товаров в районы Крайнего Севера и по поддержке в рабочем состоянии аэропортов местных воздушных авиалиний. Было подтверждено, что российская казна должна направлять ассигнования на содержание объектов социально-культурного назначения и жилищно-коммунального хозяйства, передаваемых на баланс местных органов власти, а также финансировать замену ветхого и аварийного жилья и принимать долевое участие в обеспечении жильем граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера²¹.

Вместе с тем следует указать на то, что Минфин России даже на эти цели далеко не всегда в полной мере выделял средства, предусмотренные законами о бюджете. Очень плохо финансировались объекты, переданные органам местного самоуправления от строительных организаций. И это несмотря на то, что только, например, за 1993–1994 гг. в ведение администраций Муйского и Северобайкальского районов перешел ведомственный жилой фонд общей площадью 692,4 тыс. кв. м, который муниципальные образования самостоятельно поддерживать в рабочем состоянии не могли²².

Одним из важных факторов жизнеобеспечения населения районов Севера являлась государственная поддержка завоза продукции с ограниченными сроками доставки в населенные пункты. Эту проблему было довольно трудно решить на основе рыночного саморегулирования. Получатели товаров в северных территориях не имели необ-

ходимых финансовых ресурсов для оплаты сезонного завоза, а производителям из южных регионов он был невыгоден из-за их несвоевременных расчетов и высоких рисков.

Однако с переходом к рыночной экономике и перестройкой всей организационной структуры управления народным хозяйством система централизованного государственного регулирования и планирования северного завоза существовавшая до 1992 г. была ликвидирована. Это поставило хозяйство и население многих регионов Севера на грань выживания. Правительство России хорошо понимало актуальность данных проблем, которые усугублялись тем, что приватизированные предприятия стремились избавиться от объектов и учреждений, занимающихся непрофильной деятельностью. В этой связи на повестку дня встал вопрос о совершенствовании существующего механизма завоза путем привлечения региональных органов управления.

Определенный шаг в этом направлении был сделан с принятием постановления правительства Российской Федерации от 24 мая 1995 г. «О системе государственной поддержки и организации поставок продукции (товаров) в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности». В нем было предусмотрено значительное расширение прав и ответственности администраций северных субъектов Федерации в вопросах поставок необходимых грузов. Им были переданы в управление основные финансовые средства государственной поддержки, предоставлено право самостоятельного определения номенклатуры завозимых товаров и величины их межсезонных запасов, а также выбор поставщиков и посредников и др.

С 1994 г. государственная поддержка завоза продукции в районы Крайнего Севера должна была осуществляться через соответствующие федеральные и региональные фонды. Их финансовые ресурсы формировались за счет средств соответствующих бюджетов, а также платежей предприятий за пользование ссудами по поставкам продукции, предоставляемыми им из этих фондов на возвратной основе. При этом на федеральный фонд была возложена задача обеспечения завоза нефти, нефтепродуктов, топлива, продовольствия (за исключением спиртных напитков, пива и табачных изделий), медикаментов и лекарственных средств, а также материалов производственно-технического назначения и непродовольственных товаров народного потребления первой необходимости.

Между тем федеральный центр в условиях кризиса не мог выполнить принятые обязательства в полном объеме. Например, российским бюджетом на 1997 г. было предусмотрено финансирование завоза ГСМ, продовольствия во все северные районы страны (в т.ч. Бурятию) на сумму в 3,5 млрд. руб., что составляло только 30 % от необходимых средств. Однако и эти кредиты и ссуды выделялись не вовремя²³.

Применение выделенных ассигнований оставляло желать лучшего. В целях повышения эффективности их использования в 1994–1995 гг. они были переданы в руки районных администраций республики, которые, однако, нередко направляли эти средства на финансирование других мероприятий²⁴. Кроме того, низовые органы управления не могли своевременно вернуть полученные кредиты. В результате к 1 января 1998 г. государственный долг по этим статьям достиг 14,6 млрд. руб. Перманентный бюджетный кризис привел к тому, что на северный завоз выделялось все меньше средств. Например, если в 1996 г. было выделено 15,0 млрд. руб., то в 1999 г. только 5,7 млрд. руб.

Только в 1999 г. федеральному центру удалось решить задачу своевременного и полного финансирования поставок продукции на Север, выполнив свои обязательства на месяц раньше, чем было определено законом. Что касается Бурятии, то к концу 1990-х гг. завоз угля осуществлялся в целом достаточных объемах, однако потребности в нефтепродуктах покрывались далеко не полностью.

Сложное социально-экономическое положение районов Крайнего Севера, сокращение объемов производства, закрытие предприятий, ликвидация населенных пунктов, резкое падение уровня жизни населения привели к значительному росту числа граждан, желающих выехать в регионы с более благоприятными условиями жизни. Однако вследствие обесценивания сбережений они не могли этого сделать за счет собственных средств. В то же время обеспечение неработающего населения в условиях Севера обходилось государству в несколько раз дороже, чем поддержка его переселения.

Впервые федеральный центр стал направлять ассигнования на переезд северян в 1995 г., выделив около 250 млрд. руб. бюджетных средств. Однако первоначально республика не попала в список регионов, получающих данные субсидии²⁵. В 1996 г. министерствам и ведомствам Бурятии было выделено 7 млрд. руб., в 1997 г. –

3,5 млрд. руб. В 1998 г. вышел российский закон «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей», на основании которого правительством Бурятии была разработана и принята собственная программа. Исполнительный орган брал на себя обязательство до 2005 г. обеспечить новым жильем более 20 тыс. чел. Однако это право получили лишь те, кто имел стаж работы или проживал в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях не менее 15 лет (табл. 1).

Таблица 1

Размер предоставляемой жилищной субсидии.*

Стаж работы (время проживания)	Размер предоставляемой жилищной субсидии в процентах от стоимости строительства (приобретения) жилья
от 15 до 20 лет	80
от 20 до 25 лет	85
от 25 до 30 лет	90
от 30 до 35 лет	95
от 35 лет	100

* Собрание законодательства РФ. 1996. №31. С. 6999.

Размер предоставляемой жилищной субсидии составлял 80–100 % стоимости строительства (приобретения) жилья в регионе вселения в зависимости от стажа работы или времени проживания. Получаемые средства распределялись между Муйским и Северобайкальским районами и г. Северобайкальск (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение жилищных субсидий по районам
Республики Бурятия (млн. руб.). ***

	1998	1999	2000
Всего,	20,0	20,0	13,30
из них:			
Северобайкальский район	4,94	4,70	3,26
Муйский район	5,46	5,19	3,59
г. Северобайкальск	6,70	6,36	4,49

* Составлено по данным: www.registr.bepi.ru.

Органы власти последних должны были направлять эти средства в первую очередь работникам ликвидируемых организаций и проживающим в закрывающихся городах, поселках и на полярных станциях, а также инвалидам, пенсионерам и безработным, зарегистрированным более одного календарного года.

Следует отметить, что до конца 1990-х гг. переселение жителей из районов Севера финансировалось очень слабо. Только в 1999 г. выделение средств было осуществлено прямыми ассигнованиями в полном объеме от запланированных лимитов. В течение года по федеральной целевой программе получено 110,0 млн. руб. Эти средства были распределены по 27 северным регионам пропорционально численности желающих выехать. Отбор подрядных организаций для строительства домов и квартир осуществлялся органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации путем проведения подрядных торгов (конкурсов). В результате им удалось добиться снижения стоимости жилья, а также предоставить более широкий выбор нового места жительства. Однако в целом решить данную проблему не удалось. За время существования программы (с 1995 г.) из районов Крайнего Севера выехало только 10 % от общего числа граждан, состоящих на учете на получение жилищных субсидий²⁶. Из приведенных данных следует, что политика федеральных и республиканских органов власти в отношении бурятского участка БАМа оказалась в целом малоэффективной.

В условиях кризиса северные районы перестали играть и транзитную роль при осуществлении перевозок грузов. Уже в конце 1980-х гг. БАМ осуществлял только 15 % от запланированного грузооборота²⁷. Введение в эксплуатацию этой магистрали дестабилизировало всю систему путей сообщения на Дальнем Востоке, т.к. перевод отделений железнодорожной системы СССР на хозрасчет и самофинансирование привел к тому, что они стали конкурировать за право провоза, который прежде был гарантирован.

БАМ не смог стать альтернативой Транссибирской магистрали. Даже частичная переброска грузопотока на север являлась для МПС экономически невыгодной. В результате в период с 1990 по 1996 гг. объем перевозок сократился еще на 35 %²⁸. Более того, стремление руководства министерства к уменьшению расходов, связанных с эксплуатацией железных дорог способствовало тому, что управление

БАМом было передано Транссибирской железной дороге²⁹. Ряд станций был реорганизован в разъезды, сокращен обслуживающий персонал. Следует отметить, что от подобной организационной перестройки сильно пострадала налогооблагаемая база местных администраций, которая за один год сократилась в несколько раз³⁰.

В итоге показатели социально-экономического развития Северобайкальского и Муйского районов на протяжении 1990-х гг. ухудшались. Тенденции уменьшения населения, наметившиеся еще в конце 1980-х гг. в связи с окончательным вводом в эксплуатацию магистрали, особенно усилились с ростом экономических и социальных проблем (табл. 3).

Таблица 3.

Численность населения по г. Северобайкальск и Северобайкальскому и Муйскому районам Республики Бурятия (тыс. чел.). *

Годы	Муйский район	Северо-байкальский район	г. Северо-байкальск
1989	-	40,2	29,3
1990	28,3	26,0	29,5
1991	27,8	25,8	29,9
1992	26,1	24,6	29,3
1993	24,0	23,0	28,2
1994	23,4	22,1	27,9
1995	23,0	21,8	28,4
1996	23,2	21,6	28,6
1997	22,9	21,1	28,2
1998	22,3	20,3	27,5

* Государственный комитет по статистике (Госкомстат РБ). Статистический ежегодник. Ч. 1. Улан-Удэ, 2000. С. 40.

Местные администрации испытывали постоянный недостаток ресурсов при решении повседневных вопросов жизнеобеспечения населения. Трансферты из республиканского бюджета поступали нерегулярно. Это вынуждало руководителей муниципальных образований обращаться к правительству Бурятии с просьбами о необходимости изменения существующей налоговой системы. Несмотря на то, что в северных районах большую роль играли МПС, «Бурят-золото», «Бамтоннельстрой», которые сохранили в основном свой

экономический потенциал, большую часть налоговых выплат они осуществляли в федеральный и республиканский бюджеты³¹. Попытки отдельных политических деятелей поставить вопрос об увеличении нормативов отчислений этих предприятий в местные бюджеты не имели успеха³².

Северные районы республики настаивали на необходимости повышения уровня выплат за добычу полезных ископаемых. Согласно республиканскому закону «О недрах и принципах недропользования» эти платежи были распределены следующим образом: в бюджет района (города) перечислялись 50 %, в бюджеты республики и России соответственно по 25 %³³. Однако эти средства учитывались при распределении бюджетных трансфертов и, следовательно, оказывали небольшое влияние на финансовую обеспеченность административных образований.

В целом политика государственных органов власти в 1990-е гг. в отношении территорий, прилегающих к БАМу, оказалась мало действенной. Главной задачей центральных и региональных властных структур в этот период являлась достройка магистрали. Это было важно в связи с тем, что полное прекращение ее строительства могло вызвать рост безработицы и социального недовольства. Несмотря на кризис в народном хозяйстве страны на протяжении всего исследуемого периода не прекращались попытки стимулировать освоение северных районов Бурятии посредством принятия соответствующих программ и законов. Однако в условиях низкой стоимости минерального сырья на мировых рынках расходы государства и частных инвесторов, связанные с промышленным освоением месторождений не могли быть окуплены. Следует также отметить, что социальные проблемы населения, проживающего на БАМе, было трудно разрешить без государственного вмешательства. Однако бюджетный дефицит не позволял финансировать запланированные расходы по обеспечению завоза продовольственных и непродовольственных товаров, переселению северян, содержанию объектов соцкультбыта, в полном объеме. Только к концу 1990-х гг., после того как начался экономический подъем в стране, средства стали поступать полностью и вовремя.

Таким образом, ликвидация централизованного планирования, командно-административной системы пагубно отразились на развитии территорий, прилегающих к зоне БАМа. В условиях экономи-

ческого кризиса и недостатка инвестиций вложение материальных и финансовых средств в перспективные проекты практически прекратилось. В современных условиях успех государственной политики в отношении бурятского участка магистрали будет зависеть, прежде всего, от социально-экономической ситуации в стране и спроса на природные ресурсы на отечественных и мировых рынках.

-
- ¹ **БАМ:** строительство, хозяйственное освоение. М., 1984. С.9.
 - ² <http://www.businesspravo.ru>. Постановление правительства РФ от 04.01.92 №20 «О мерах по завершению строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМа) и сооружению железнодорожной линии Беркакит-Томмот-Якутск».
 - ³ **Соглашение** между Правительством Российской Федерации и Советом Министров Республики Бурятия по экономическим вопросам // Правда Бурятии. 1992. 17 июн.
 - ⁴ **Регион БАМ:** концепция развития на новом этапе. / под ред. А.Г. Гранберга, В.В. Кулешова. Новосибирск, 1996. С.10.
 - ⁵ **Одиннадцатая сессия** Верховного Совета (ВС) Республики Бурятия (РБ) (12 созыв) 21–22 декабря 1992 г. Стенограф. отчет. Ч. 1. Улан-Удэ, 1992. С.103.
 - ⁶ **Натаев П.** Тимлюйский цемент БАМу // Трасса мужества. Бурятский участок БАМа. Улан-Удэ, 2005. С.120.
 - ⁷ **Моут В.Л.** БАМ. Взлет, падение: анализ прошлого, настоящего и будущего железной дороги // Регион: экономика и социология. 1992. №3. С.60.
 - ⁸ **Девятая сессия** ВС РБ (12 созыв) 8–11 июня 1992 г. Стенограф. отчет. Улан-Удэ, 1992. С.68.
 - ⁹ **Соколов В.М., Ягольницер М.А., Бондаренко Л.А., Ковалева А.Е.** Надо ли осваивать БАМ? // ЭКО. 1996. № 8. С.79.
 - ¹⁰ **Собрание** законодательства РФ. 1997. №25. С. 4902-4904.
 - ¹¹ **Кин А.А.** Оценка эффективности системы БАМ – Транссиб: сценарный анализ // Регион: экономика и социология. 1998. №4. С 52.
 - ¹² **Собрание** законодательства РФ. 1999. №4. С. 957-958.
 - ¹³ **Атанов Н.И.** О хозяйственном освоении зоны бурятского участка БАМа // Байкало-Амурская магистраль на территории Бурятии: история строительства, ее роль в хозяйственном освоении региона. Улан-Удэ, 1999. С.116.
 - ¹⁴ **Богачев Е.** Снова время гудит: БАМ! // Восточно-Сибирская правда. 1999. 15 мая.

-
- ¹⁵ **Кин А.А.** Особая экономическая зона в районе БАМ // Наука в Сибири. 1999. № 26.
- ¹⁶ **НАРБ.** ФР. 2028. Оп.1. Д.11. Л.23-24.
- ¹⁷ Там же. Д. 20. Л.119-124.
- ¹⁸ Там же. Д. 2. Л.3-5.
- ¹⁹ **Кузьмин П.** Черемшанка – сырьевой придаток ИркАза? // Правда Бурятии. 1995. 17 фев.
- ²⁰ **Двенадцатая** сессия ВС РБ (12 созыв) 23–24 марта 1993 г. Стенограф. отчет. Ч. 2. Улан-Удэ, 1993. С. 92-93.
- ²¹ **Ивайловский Д.А.** Государственно-территориальное устройство Российской Федерации (особенности российского федерализма). Развитие федеративных отношений на примере Республики Бурятия. Улан-Удэ, 1999. С. 95.
- ²² **Вторая сессия** Народного Хурала (НХ) РБ (первый созыв) 24–27 октября 1994 г. Стенограф. отчет. Ч. 1. Улан-Удэ, 1994. С. 86.
- ²³ **Собрание** законодательства РФ. 1997. №19. С. 3628-3629.
- ²⁴ **НАРБ.** ФР. 2028. Оп. 1. Д. 19. Л. 132-134.
- ²⁵ **Собрание** законодательства РФ. 1995. №31. С. 5682.
- ²⁶ **Российский Север:** проблемы социального развития: уч. пос. / под ред. Н.А. Волгина, Ю.П. Алексеева. М., 2004. С.748.
- ²⁷ **Моут В.Л.** БАМ. Взлет, падение: анализ прошлого, настоящего и будущего железной дороги // Регион: экономика и социология. 1992. № 3. С. 58.
- ²⁸ **Кин А.А.** Оценка эффективности системы БАМ – Транссиб: сценарный анализ // Регион: экономика и социология. 1998. №4. С. 51.
- ²⁹ **Собрание** законодательства РФ. 1996. №48. С. 10647.
- ³⁰ **Вторая сессия** НХ РБ (второй созыв) 19–20 октября 1998 г. Стенограф. отчет. Ч. 1. Улан-Удэ, 1998. С. 58.
- ³¹ **Девятая сессия** ВС РБ (12 созыв) 8–11 июня 1992 г. Стенограф. отчет. Улан-Удэ, 1992. С. 60-61.
- ³² **Шестая сессия** НХ РБ (первый созыв) 4–8 сентября 1995 г. Стенограф. отчет. Улан-Удэ, 1995. С. 184-186.
- ³³ **Десятая сессия** ВС РБ (12 созыв) 26–28 октября 1992 г. Стенограф. отчет. Улан-Удэ, 1992. С. 122.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГААК	— Государственный архив Алтайского края
ГАКК	— Государственный архив Красноярского края
ГАКО	— Государственный архив Кемеровской области
ГАНИИО	— Государственный архив новейшей истории Иркутской области
ГАНО	— Государственный архив Новосибирской области
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГАСПИТО	— Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
ГАТО	— Государственный архив Томской области
ГАТюмО	— Государственный архив Тюменской области
ОДНИАФРХ	— Отдел документов новейшей истории архивного фонда Республики Хакасия
РГАСПИ	— Российский государственный архив социально- политической истории
РГАЭ	— Российский государственный архив экономики
ЦДНИИО	— Центр документации по новейшей истории Иркутской области
ЦХАФАК	— Центр хранения архивных фондов Алтайского края
ЦХИДНИКК	— Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Тимошенко А.И. Советская государственная политика в районах нового промышленного освоения Сибири: стратегия и практика.	14
Ефимкин М.М. Формирование индустриальной базы на Востоке России в XX столетии: необходимость и закономерность.	38
Букин С.С., Исаев В.И. Деятельность государственных и общественных организаций по формированию индустриально-урбанистической культуры населения Сибири в 1920-е –1960-е гг.	71
Исаев В.И. Формирование населения Новокузнецка в процессе советской урбанизации.	100
Романов Р.Е. Деятельность комсомольских организаций по формированию и закреплению молодежных рабочих кадров оборонной промышленности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)	120
Букин С.С. Социально-экономические проблемы освоения северных районов Сибири во второй половине XX – начале XXI вв.	133
Долголюк А.А. Роль коммунистических партийных организаций в решении кадровых проблем в районах нового индустриального освоения Сибири.	161
Савчук Н.В. Эволюция подходов в разработке и осуществлении региональной социально-экологической политики на примере освоения Ангаро-Енисейского региона в 1950–1990-е гг.	197
Тимошенко А.И. Разработка социальных проблем сибирских территориально-производственных комплексов в 1950-1980-е гг.	220
Дашинамжилов О.Б. Экономические и социальные проблемы бурятского участка БАМа в 1990-е гг.	246

Научное издание

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ПО ИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОСВОЕНИЮ СИБИРИ
В XX – НАЧАЛЕ XXI вв.

Сборник научных трудов

Вып. 1

Оператор электронной верстки Букина Т.Д

Сдано в набор 20.04.2009. Подписано в печать 20.05.2009. Бумага офсетная
Формат 60x84 1/16. Уч.-изд. л. 14,33.. Усл. п.л. 15,46. Тираж 100 экз. Заказ № 0520

Отпечатано в типографии ООО «Параллель»
630090 Новосибирск, ул. Институтская, 4/1